

Если палач получает приказ «Казнить, нельзя помиловать», то топор идет в ход, а если передвинуть запятую чуть подальше («Казнить нельзя, помиловать») – казнь отменяется. Эта известная русская байка иллюстрирует важную роль знаков препинания. Ее пришлось вспомнить при переводе знаменитого британского бестселлера *Eats, Shoots & Leaves*, потому что его название связано с неперевожимой игрой слов.

И это еще цветочки. А в книге об английской пунктуации, ее бурной истории и противоречивой современной практике, полно и ягодок. Интеллигентная и ироничная Линн Трасс уснастила свой прихотливый рассказ множеством скрытых цитат и намеков на британских кумиров второй половины двадцатого века. Каждая такая ссылка заставила переводчика и редактора перерывать гору литературы. И хотя книжки были по большей части виртуальными (исследовались в основном просторы Интернета), гора оказалась вполне реальной.

Зато теперь читатель может не только усвоить азы расстановки английских запятых, апострофов и прочего, но и узнать много нового о жизни британцев. А для более искушенных книга представляет дополнительный спортивный интерес: сколько еще неразгаданного или неправильно понятого таится в тексте Трасс?

ISBN 5-93439-192-5

9 785934 391929

Линн Трасс • КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Линн Трасс

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Бескомпромиссный подход к пунктуации

 Р.ВАЛЕНТ

Введение Седьмое чувство

Интересно, мы с вами родственные души? На автозаправочной станции неподалеку от моего дома висит объявление: *Come inside for CD's, DVD's, VIDEO's and BOOK's*¹. Что вы на это скажете?

Если эта дьявольская россыпь ненужных апострофов не исторгла из вашей груди стона и не вызвала ускоренного сердцебиения, лучше сразу закройте книгу. Вас можно поздравить — вы не педант и тем более не фанатик; вы способны счастливо жить в мире, где стандарты пунктуации стремительно рушатся. Так что читать эту книгу вам незачем. Истинный фанатик пунктуации воспримет попытку образовать множественное число с помощью апострофа (*Book's*) как настоящую трагедию. Вихрем пронесутся в его душе чувства, которые переживаются в момент тяжелой утраты. Потрясение — «не верю, не может быть!» — пронзительная боль — гнев — наконец (тут аналогия заканчивается), праведный порыв совершить акт преступного вандализма посредством маркера.

В наше время фанатику пунктуации приходится несладко. Иной раз просто боишься утром встать с постели. Конечно, бывают и приятные моменты, вроде чудес-

¹ Искаж. от *Come inside for CDs, DVDs, VIDEOs and BOOKS* — Заходите купить *CD, DVD*, видеокассеты и книги. (Здесь и далее прим. переводчика.)

ного анекдота про панду, которая *eats, shoots and leaves*¹, однако большую часть времени тонкая натура фанатика подвергается издевательствам, погружающим его в пучину ужаса и одиночества. На двери оздоровительного центра висит объявление: *It's party time, on Saturday 24th May we are have a disco/party night for free, it will be a ticket only evening*². Реклама предлагает услуги декораторов для *wall's — ceiling's — door's ect*³. Газета оповещает о *FAN'S FURY AT STADIUM INQUIRY*⁴ — звучит весьма загадочно, пока не прочтешь заметку и не узнаешь, что речь идет о целой толпе болельщиков, а вовсе не об одном разбушевавшемся безумце, как можно было бы подумать, поверив заголовку.

Куда ни глянь, всюду следы невежества и равнодушия. Взять хотя бы фильм *Two Weeks Notice*⁵. Выписанное аршинными буквами — без всяких признаков апострофа, — это название красовалось на автобусах, словно прямой вызов фанатикам пунктуации. Помнится, весной 2003-го, в самом начале рекламной кампании фильма, я беспечно (чуть ли не насвистывая) вышла из здания автовокзала «Виктория» — и замерла как вкопанная, зажав рукой рот. Где же апостроф? На этом автобусе

¹ ест, стреляет и уходит (см. предисловие переводчика)

² Искаж. от *It's party time. On Saturday, May 24th, we are having a disco/party night for free. It will be a ticket-only evening.* — Пора повеселиться. В субботу 24 мая состоится бесплатный танцевальный вечер; вход только по билетам.

³ Искаж. от *walls, ceilings, doors, etc.* — стены, потолок, двери и т. п.

⁴ Искаж. от *FAN'S FURY AT STADIUM INQUIRY* — «Расследование буйства фанатов на стадионе».

⁵ Искаж. от *Two Weeks' Notice* — «Уведомление за две недели». В российском прокате фильм шел под названием «Любовь с уведомлением».

непрерывно должен быть апостроф! Ведь в *one month's notice*¹ апостроф необходим (объясняла я самой себе), и в *one week's notice*² он тоже был бы тут как тут; значит, и в *two weeks' notice* без него не обойтись! Нужные мне автобусы (73-й и два 38-х) благополучно укатили по Букингем-Палас-роуд, пока я горестно вела эти дискуссии со своим внутренним «я», утратив способность двигаться и всякое чувство реальности.

Хуже всего то, что миру нет никакого дела до маленьких трагедий фанатиков пунктуации. Пока мы с ужасом перечитываем безграмотное объявление, мир живет своей жизнью, равнодушный к нашим бедам. Мы — как тот мальчик из фильма «Шестое чувство», только он видел умерших людей, а мы видим мертвые знаки препинания. Шепчем по-детски беспомощно: «Мертвые знаки препинания невидимы для других, а мы видим их *на каждом шагу*». Никто не понимает нас — людей, наделенных седьмым чувством. Нас считают чокнутыми. Когда мы указываем на ошибки, нам то и дело предлагают «заткнуться» — причем, что любопытно, предлагающие явно не готовы следовать собственному совету. Понятно, что в такой враждебной обстановке не всегда рискнешь поделиться своими открытиями — охота на ведьм по-прежнему популярна. В окне благотворительной организации вывесили плакат: *Can you spare any old records*³ — без вопросительного знака. Каждый день,

¹ уведомление за месяц

² уведомление за неделю

³ Искаж. от *Can you spare any old records?* – Вы не поделитесь старыми пластинками?

проходя мимо, я в нерешительности застываю перед этим окном: сказать им или нет? Отсутствие вопросительного знака в конце вопросительного предложения — это совсем не ерунда. Это вопиющее невежество. Но вдруг пожилая дама-благотворительница, недоверчиво посмотрев на меня, посоветует заткнуться, валить по-дальше и не лезть не в свое дело?

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что призывать к состраданию фанатикам — дело неблагодарное. Нашим проблемам трудно сочувствовать. Мы отказываемся ходить в магазины, где есть кассы для тех, кто купил *eight items or less*¹ (потому что должно быть *fewer*); после событий 11 сентября мы взвинчены до предела не столько из-за Осамы бен Ладена, сколько из-за того, что по радио твердят *enormity* вместо *magnitude*², чем совершенно выводят нас из себя. Слыша конструкцию *Mr Blair was stood*³ (вместо *standing*), мы в бешенстве стискиваем зубы; а когда со словами типа *phenomena*, *media* или *cherubim* обращаются как с существительными в единственном числе (*The media says it was quite a phenomena looking at those cherubims*⁴), у нас вырывается самый настоящий вопль. Читая книгу, фанатик неизменно сжимает в руке карандаш, чтобы исправлять опечатки. Короче, мы неприятные, занудные, не знающие меры умники, и нас с трудом переносят даже близкие.

¹ не более 8 предметов (искаж.)

² В контексте масштабов катастрофы *enormity* звучит неуместно, вызывая — в отличие от *magnitude* — положительные ассоциации (грандиозная катастрофа), в то время как подразумевается чудовищная катастрофа.

³ господин Блэр стоял (искаж.)

⁴ По мнению прессы, вид этих ангелов совершенно уникален (искаж.).

Я хорошо помню день, когда во мне проснулся этот чертов фанатик. Осенью 2002-го я делала для Би-би-си-4 серию передач о пунктуации под названием «Знаки отличия», и продюсер пригласил в программу Джона Ричардса из Общества защиты апострофа. В то время я была очень увлечена идеями этой организации, на сайте которой красовались фотографии неграмотных объявлений наподобие *The judges decision is final*¹ и *No dog's*². Мы сводили господина Ричардса на рынок на Берик-стрит, чтобы посмотреть, как он отреагирует на пунктуацию некоторых торговцев (*Potatoe's*³ и т. п.), а потом завели разговор о том, как именно следует бороться за жизнь этого знака препинания, безвинно поглощенного пучиной безграмотности.

Члены Общества защиты апострофа, поведал Ричардс, рассылают учтивые разъяснения. В своих письмах они излагают правила употребления апострофа и выражают смиренную надежду, что если возмутительное объявление *BOB,S PETS*⁴ (с запятой) когда-нибудь будет исправлено, то не последнюю роль в этом сыграет и данное послание, написанное с исключительно добрыми намерениями. Именно в этот момент я почувствовала недвусмысленный и непреодолимый порыв. Во мне проснулся фанатик. «Но этого же мало!» — воскликнула я. Меня переполняли идеи. А что, если расклеивать надписи «Апостроф здесь не нужен»? Или бросить клич — и

¹ Искаж. от *The judge's decision is final* – Решение судьи окончательно.

² Искаж. от *No dogs* – Вход с собаками запрещен.

³ Искаж. от *Potatoes* – Картофель.

⁴ Искаж. от *BOB'S PETS* – Питомцы Боба.

выходить глухой ночью в рейды со стремянкой, трафаретом апострофа и банкой краски? Почему у Общества защиты апострофа нет боевого отряда? Может, мне его организовать? Где тут выдают шлемы?

,

Пунктуацию определяют по-разному. Одни уподобляют ее шитью: стежки пунктуации не дают расползтись ткани языка. Другие считают, что знаки препинания сродни дорожным: они указывают, когда нужно снизить скорость, обратить на что-то внимание, направиться в объезд или остановиться. Я даже видела такое фантастическое сравнение: точка и запятая — это «невидимые феи — но не те, что вызывают ураганы или любовные бури, а, скорее, из тех, кто подаст стакан воды и принесет подушку». Больше всего мне нравится простое определение, которое я вычитала в стилистическом справочнике одной газеты: правильная пунктуация — это «любезность, помогающая прочесть текст без запинки».

Правда, превосходная аналогия? Ведь настоящая воспитанность незаметна: она облегчает жизнь окружающим, не привлекая к себе внимания. Не случайно слово *punctilious* (тщательно следующий формальностям или правилам этикета) имеет тот же корень, что и *punctuation*. Как мы увидим дальше, «разметку» письменного текста всегда делали во имя читателя, стремясь уточнить смысл высказывания и не допустить неверной интерпретации. В 1644 году Ричард Ходжес, учитель из

Саутурка, писал в книге «Английская примула», что «особое внимание при письме следует уделять правильной расстановке знаков препинания, ибо пренебрежение оными искажает смысл». В качестве примера он приводит следующую фразу: *My Son, if sinners intise [entice] thee consent thou, not refraining thy foot from their way*¹. Представьте себе, как изменится смысл, указывает он, если запятую поставить после слова *not*: *My Son, if sinners intise thee consent thou not, refraining thy foot from their way*². Этот дошедший до нас из XVII века пример напоминает эпизод телесериала «В тюрьме», когда Ронни Баркер читает вслух последние строки письма, пришедшего из дома его товарищу по заключению: *Now I must go and get on my lover*³, а потом притворяется, что заметил запятую, и быстро исправляется: *Now I must go and get on, my lover*⁴.

Даже те, кто путает апостроф с апостолом, зачастую с интересом следят, как знаки препинания волшебным образом меняют смысл цепочки слов. Этот эффект лежит в основе многочисленных шуток из серии «прошу прощения, я оговорился». Например, в пьесе Марло «Эдуард II» персонаж может вместо *What would you wish the king?*⁵ сказать: *What? Would you? With the king?*⁶ Игра со знаками препинания издавна увлекала как великие умы, так и простых смертных. В век электронной почты,

¹ Сыне мой, держись пути грешников, избегая стези праведной.

² Сыне мой, держись, пути грешников избегая, стези праведной.

³ Теперь мне пора взбираться на любовника.

⁴ Теперь мне пора идти, любимый.

⁵ Зачем король вам? (Пер. А. Радловой.)

⁶ Что? Неужели? Вы? С королем?

когда стало модно пересылать друг другу забавные тексты, популярен такой пример:

*A woman, without her man, is nothing*¹.
*A woman: without her, man is nothing*².

Поневоле призадуматься, какое из двух утверждений выбрать. А вот другой известный пример — письмо *Dear Jack*, построенное по тому же довольно примитивному принципу:

Dear Jack,
I want a man who knows what love is all about. You are generous, kind, thoughtful. People who are not like you admit to being useless and inferior. You have ruined me for other men. I yearn for you. I have no feelings whatsoever when we're apart. I can be forever happy – will you let me be yours?

*Jill*³

Dear Jack,
I want a man who knows what love is. All about you are generous, kind, thoughtful people, who are not like you. Admit to being useless and inferior. You have

¹ Женщина без своего мужчины – ничто.

² Женщина: без нее мужчина – ничто.

³ Дорогой Джек!

Мне нужен человек, который понимает, что такое любовь. Ты великодушен, добр, заботлив. Люди, непохожие на тебя, признают свою бесполезность и ничтожество. Ты закрыл мое сердце для других. Я жажду тебя. Когда мы в разлуке, душа моя мертва. Я могу быть счастлива всю жизнь – ты позволишь мне стать твоей?

Джил

ruined me. For other men I yearn! For you I have no feelings whatsoever. When we're apart I can be forever happy. Will you let me be?

*Yours,
Jill¹*

Во всем этом нет ничего особенно оригинального: еще за пятьсот лет до всякой электронной почты по рукам ходила аналогичная дурацкая головоломка:

*Every Lady in this Land
Hath 20 Nails on each Hand;
Five & twenty on Hands and Feet;
And this is true, without deceit².*

(Every lady in this land has twenty nails. On each hand, five; and twenty on hands and feet³.)

Все это забавно; однако почему-то никто не рассылает по электронной почте гораздо более интересный текст без знаков препинания: роковую телеграмму, ускорившую в 1896 году поход Джеймсона на Трансвааль. Думаю, это говорит о качестве современного образова-

¹ Дорогой Джек!

Мне нужен человек, который понимает, что такое любовь. Тебя окружают великодушные добрые заботливые люди, все они непохожи на тебя. Признай свою беспомощность и ничтожество. Ты погубил меня. Я жажду иного человека. К тебе у меня не осталось никаких чувств. Без тебя я могу быть счастлива всю жизнь. Позволишь ли ты?

Твоя Джил

² У каждой леди в этой стране двадцать ногтей на каждой руке; пять и двадцать на руках и ногах; и это истинная правда без всякого обмана.

³ У каждой леди в этой стране двадцать ногтей. На каждой руке – пять; и двадцать – на руках и ногах.

ния. Вы когда-нибудь слышали о том, как Джеймсон потерпел фиаско? Замечательная история о пунктуации. Садитесь поудобнее и слушайте. В то время Трансвааль был бурской республикой, поэтому ожидалось, что британцы и другие не имеющие гражданских прав поселенцы из окрестностей Йоханнесбурга восстанут, если Джеймсон вторгнется в пределы страны. Однако, к несчастью, в телеграфном приглашении Джеймсону, направленном поселенцами, содержалась трагическая двусмысленность:

It is under these circumstances that we feel constrained to call upon you to come to our aid should a disturbance arise here the circumstances are so extreme that we cannot but believe that you and the men under you will not fail to come to the rescue of people who are so situated¹.

Как отметил Эрик Партридж в своей книге «Верно или неверно?», если в этом тексте поставить точку после слова *aid*, то сообщение недвусмысленно призывает: «Скорее на помощь!» Однако если поставить точку после слова *here*, то смысл получается скорее такой: «Возможно, попозже ты нам и понадобишься, смотря как пойдут дела, но пока что, дружище Джеймсон, не суетись, мы сами тебя позовем, ежели что». Разумеется, послание было опубликовано в «Таймс» с точкой после слова *aid* (поставлен-

¹ В связи с этими обстоятельствами мы будем вынуждены обратиться к вам за помощью в случае возникновения здесь беспорядков обстановка настолько критическая что нам остается только надеяться что вы с вашими людьми не колеблясь придете спасти тех кто находится в таком положении.

ной неизвестно кем), и бедняга Джеймсон стрелой помчался на подмогу, хотя никто его не звал и не ждал.

Все это подкрепляет собственную метафору Парриджа в отношении пунктуации: «линия, вдоль которой должен двигаться поезд (композиция, стиль, изложение), чтобы не скрыться из виду вместе с машинистом». Иными словами, пунктуация не дает смыслу сбиться с пути. Количество знаков препинания вечно вызывает недовольство: тексты обвиняют то в их недостатке, то в переизбытке. В «Дневниках» Питера Холла встречается забавный эпизод: режиссируя роль Альберта Финнея в «Гамлете», он удалил из текста «практически все знаки препинания, кроме несущих смысловую нагрузку», и столкнулся с удручающими последствиями. 21 августа 1975 года он записывает: «Шекспировский текст перенасыщен знаками препинания до полного абсурда; многие поколения исследователей пытались добиться от Шекспира идеальной ясности». Все это кажется довольно убедительным, пока в записи, сделанной 22 сентября после первой репетиции, мы не прочтем, что репетиция прошла хорошо, хотя «чтение было приблизительным и рваным, актеры запинаясь и неверно расставляли акценты».

;

Что же случилось с правилами пунктуации? Почему ими пренебрегают, хотя они способны предотвратить чудовищную путаницу? Заголовок в сегодняшней газете

гласит: *DEAD SONS PHOTOS MAY BE RELEASED*¹ — речь идет не об одном, а о нескольких погибших, но догадаться об этом невозможно. Очевидно, во всем виновата педагогическая практика последнего времени. До 1960 года пунктуация входила в программу британских школ. В 1937 году на экзамене в обычной школе ребенку предлагалось расставить знаки препинания в следующей головоломке: *Charles the First walked and talked half an hour after his head was cut off* (ответ: *Charles the First walked and talked. Half an hour after, his head was cut off*²). Сегодня, слава богу, общенациональная образовательная программа снова предусматривает обучение восьмилетних детей расстановке запятых, несмотря на то что в столь юном возрасте они имеют довольно смутное представление о грамматике. Работая над передачей «Знаки отличия», мы посетили школу в Чешире, где детей учили ставить запятые в следующих ситуациях:

- 1) при перечислении;
- 2) перед прямой речью;
- 3) для выделения дополнительной информации.

Это производит сильное впечатление. В восемь лет уметь определить, какая информация дополнительная, а какая нет, — большое достижение. Сама я точно не была на такое способна.

¹ Искаж. от *DEAD SONS' PHOTOS MAY BE RELEASED* — «Фотографии погибших сыновей могут быть опубликованы».

² Карл I пребывал в добром здравии. Спустя полчаса ему отрубили голову.

Перемены в общенациональной программе вселяют некоторый оптимизм; однако ужас в том, что более четверти века пунктуация и вообще грамматика английского языка в большинстве школ попросту не преподавались. И хотя на выпускных экзаменах ежегодно отмечали плачевный уровень письменного английского, ничего не менялось. Выпускники не умели даже правильно написать слова «грамматика» и «предложение», не говоря уж об их более или менее осмысленном употреблении.

Сама я училась в средней школе с 1966-го по 1973-й — и тоже не помню, чтобы мне преподавали пунктуацию. В пятом классе был смешной случай: учитель английского спросил: «Но вас же учили грамматике?» — и все мы виновато потупились. Латинской, французской и немецкой грамматике нас учили, а вот английскую мы должны были, видимо, усвоить в ходе чтения — почему у меня и возникли проблемы с *its* и *it's*. Как многие самоучки, я вообразила, что если бывает *its* с апострофом перед *s*, то должно быть и *its* с апострофом после *s*. Прискорбно, что никто не развеял моего заблуждения. Помню, был период, когда, не сомневаясь, что хоть где-нибудь апостроф непременно должен стоять, я хитроумно размещала крошечную закорючку прямо над буквой *s*, чтобы подстраховаться на все случаи жизни. Представьте себе возмущение бедного подростка, когда этот плавающий апостроф раз за разом вычеркивали. «Почему?» — силилась понять я, но ответа не находила. Разве я не поставила его точно посередине? Почему учитель решил, что он стоит не там, где нужно?

К счастью, я была помешана на английском языке и в конце концов сумела в этом разобраться. Пока другие девчонки обнимались с мальчиками, я проводила воскресные вечера в обнимку с радиоприемником, слушая передачу Иана Месситера под названием «Сколько ошибок!», где обаятельные эрудиты выискивали в предлагаемых отрывках грамматические ошибки. Это была потрясающая передача. Я часто мечтаю, чтобы ее вернули в эфир. Участники — Изобель Барнетт, Дэвид Никсон — обрывали Роя Пломлея, нажимая на кнопку — дзыннь! — и заявляя: «Тавтология!» Пока мои ровесницы балдели на рок-фестивале на острове Уайт и делали аборт, я купила книгу Эрика Парtridge «Верно или неверно?» и обернула в твердую обложку, чтобы сохранить на всю жизнь (так и вышло). Забавно, что тогда я не видела в своем поведении ничего особенного, хотя у меня на лбу было большими буквами написано «фанатус обыкновенус». Теперь-то я понимаю, что мое превращение в профессионального охотника за опечатками было далеко не случайным.

Возвращаясь к темным векам британской образовательной системы, когда учителя полагали, что грамматика и орфография мешают самовыражению, нужно признать: время для грамматической апатии было выбрано хуже некуда. В 1970-е ни один деятель образования и вообразить не мог, к какому взрыву письменного общения приведут персональный компьютер, Интернет и мобильный телефон. Ведь теперь все стали писателями! Каждый может поместить на сайте книжного магазина «Амазон» такую, например, рецензию:

I watched this film [About a Boy] a few days ago expecting the usual Hugh Grant bumbling ... character. I've come to loathe/expect over the years. I was thoroughly suprised. This film was great, one of the best films i have seen in a long time. The film focuses around one man who starts going to a single parents meeting, to meet women, one problem He doesnt have a child¹.

Ну не печально ли? Люди, которых никогда не учили правилам родного языка, проводят свой досуг — вот сюрприз для педагогов! — пытаюсь составить связный текст в назидание другим. А редакторов-то в Интернете нет! Незнание грамматики и пунктуации не мешает людям общаться посредством «эсэмэсок» типа *C U later*². Но при попытке написать что-то более пространное неизменно получается текст в духе малыша Пипа из «Больших надежд»³:

*MI DEER JO I OPE U R KRWRITE WELL I OPE I
SHAL SON B HABELL 4 2 TEEDGE U JO AN THEN
WE SHORL B SO GLODD AN WEN I M PRENGTD 2
U JO WOT LARX AN BLEVE ME INF XN PIP⁴.*

¹ Посмотрел пару дней назад это кино [«Мой мальчик»] думал хью Грант будет как всегда тупить... я таких уже просто ненавижу. Но я поразился. Фильм классный, давно таких не видел. Там про одного парня он начинает ходить на встречи одиноких родителей, чтоб познакомиться с женщинами только у него то нет ребенка.

² *See you later* – Увидимся!

³ Роман Чарльза Диккенса.

⁴ «Расшифровка» текста приведена в конце раздела.

Многие утверждают, что ставят в SMS-сообщениях все необходимые знаки препинания. Работая над «Знаками отличия», мы спрашивали прохожих (возле театра «Палладиум», часов в пять вечера), пользуются ли они знаками препинания при составлении «эсэмэсок». Девять из десяти опрошенных ответили «да», и это вызывает изумление, чтобы не сказать — скептицизм. Некоторые утверждали, что используют все, что положено, вплоть до точки с запятой и скобок. «Я помешана на грамматике», — объясняла молодая новозеландка. «Я стремлюсь приучить сына-подростка правильно ставить знаки препинания», — сказал приятный мужчина интеллигентного вида. Я пыталась подсказать респондентам выход из положения: «Эти меню — такая морока, правда? Никого не удивит, если вам неохота с ними связываться». Но ничего не помогало — нас явно занесло в царство грамотеев. «Ну конечно, я ставлю знаки препинания в своих сообщениях. Я сдавал в школе экзамен повышенной сложности по английскому», — высокомерно заявил один молодой человек. Похоже, эта повышенная сложность заставляет людей чувствовать себя Хранителями в духе «Властелина Колец»: их так и тянет вооружиться луком из эльфийского золота и встать на защиту английского языка.

Честно сказать, я им не верю. Они либо необъективны к себе, либо попросту врут в микрофон. Скажите продавцу газет, что в заголовке *DEAD SONS PHOTOS MAY BE RELEASED* есть ошибка, — и он тут же сменит тему и заговорит о ценах на молоко. Станьте возле кинотеатра на Лестер-сквер с апострофом на шесте, указывая, как следует исправить название *Two Weeks Notice* (я

так делала), — и вас не поддержит ни одна живая душа; больше того, люди просто не поймут, в чем проблема. И это прискорбно. Вернемся к нашим аналогиям: чем грозит отказ от знаков препинания? Если они — стежки, то текст развалится, а пуговицы отлетят. Если рассматривать их как знаки дорожного движения, то слова врежутся друг в друга и все полетит под откос. Если вы способны хотя бы на миг вообразить, что знаки препинания — это невидимые феи, то наш бедный заброшенный язык уляжется спать без воды и подушек. Если же вспомнить аналогию с вежливостью, то фраза больше не будет придерживать для вас дверь, а захлопнет ее прямо перед вашим носом.

Пунктуацию нужно защищать вовсе не потому, что горстка эстетов впадает в депрессию, когда видит отход от правил. Просто без нее нет надежного способа передать смысл. Пунктуация объединяет одни группы слов и разделяет другие. Знаки препинания управляют чтением, как ноты — игрой музыкантов. Как мы увидим в главе, посвященной запятой, первыми ее применили греческие драматурги две тысячи лет назад, стремясь помочь актерам вовремя делать вдох. Отсюда — современное объяснение разницы между кошкой и запятой:

*A cat has claws at the ends of its paws.
A comma's a pause at the end of a clause¹.*

¹ Кошачьи лапы заканчиваются коготками. Запятая означает паузу в конце фразы.

Цепочки слов без знаков препинания напоминают загадочные картинки, которые когда-то рисовал Рольф Харрис и над которыми можно было подолгу ломать голову. А потом Рольф окунал кисточку в белую краску и — дразня до самого последнего момента: «Ну, теперь догадались?» — добавлял где штрих, где точку, где завиток — и все вдруг становилось ясно. Внезапно из разноцветной мешанины возникал кенгуру в футбольных бутсах с бутербродом в лапах! Точно так же и здесь: возьмем неразмеченный текст, расставим в нужных местах точки и прочие завитушки — и что мы увидим?

*My dear Joe,
I hope you are quite well. I hope I shall soon be able to
teach you, Joe — and then we shall be so glad. And
when I am apprenticed to you, Joe: what larks! Believe
me, in affection,*

Pip¹

;

Со времен доктора Джонсона все лингвисты сходятся во мнении, что язык не следует бальзамировать — он должен меняться и приспосабливаться. Когда исходный текст Пипа будет так же понятен, как и только что приведенный вариант, нашу систему пунктуации можно бу-

¹ Милый Джо! Желаю тебе здоровья, Джо! Я скоро буду тебя учить, и мы будем так рады, Джо. А когда я буду у тебя подмастерьем, то-то будет чудесно! Остаюсь с любовью Пип. (По переводу М. Лорие.)

дет без всякого сожаления отправить на свалку. В последующих главах мы увидим, что системе типографских значков (а знаки препинания являются именно ими) свойственно с течением времени меняться и что переменны эти, как правило, облегчают понимание текста. Однако, защищая нынешнюю систему пунктуации, важно понимать, что читатель, живший лет двести назад, был бы шокирован современными правилами, которые нам кажутся такими безупречными и элегантными. Почему мы перестали писать все существительные с прописной буквы? Почему не ставим точек после расхожих сокращений? Почему никогда не используем сочетание двоеточия с тире? Куда исчезли все запятые? Почему в слове *today* нет дефиса? Боже, до чего докатилась пунктуация к XXI веку!

Взять хотя бы прописную букву в начале предложения и точку в конце (остальное обсудим позже) — ведь и их когда-то не было. Начинать фразу с прописной буквы впервые стали в XIII веке, но последовательно это правило применяется только с XVI века. В рукописях IV–VII веков первая буква каждой страницы была декоративно оформлена независимо от того, начиналось с нее предложение или нет. Кстати, о декоративно оформленных буквах: разве можно забыть заставку передачи «Необычные новости», где древний изможденный монах, с трудом разгибая спину, поднимает наконец-то голову от первой страницы Библии, над украшением которой корпел долгие годы, и видит невероятной красоты слово *Benesis*?¹ В наше время правило начинать новую

¹ Вместо *Genesis* – Книга Бытия.

фразу с заглавной буквы укоренилось настолько, что текстовый процессор не дает написать стоящее после точки слово со строчной буквы — она автоматически исправляется на прописную. Это может не нравиться таким ребятам, как *e. e. cummings*¹, зато радует тех, кто заметил назойливое проникновение строчных букв в названия книг, титры на телеэкране, названия компаний и (прежде всего) в Интернет с его полным пренебрежением к регистрам, и теперь ночами не спит, размышляя о том, какое смятение вносит эта тенденция в юные умы.

Между тем точка (*full stop*) — самый простой для понимания знак, если человек хотя бы примерно представляет себе, что такое предложение (впрочем, на это рассчитывать уже не приходится). Этот знак (который Чосер называл *point*), похоже, незыблемо утвердился в нашей грамматике. Точка (или ее заменитель, такой как вопросительный или восклицательный знак) ставится в конце каждого предложения. Вот и все. Так что если придерживаться одних только точек и писать очень короткими предложениями, то вас, конечно, могут обвинить в подражании Хемингуэю, а те, кто начитался «Классического английского» (1906) Г. У. Фаулера, могут заявить, что вы больны «точной чумой», — но зато вы никогда не ошибетесь. Американцы называют этот знак *period*, что, кстати, совпадает с одним из его изначальных английских названий. Как слово *comma* исходно означало фрагмент текста (а не стоящий в конце него значок), так и слово *period* относилось к самому тексту, только к большему фрагменту. Шекспир, описывая в «Сне в летнюю ночь» взволнованных актеров, которые де-

¹ Поэт, писавший свое имя со строчной буквы.

лают остановки посреди фраз, называет точку *period*. Это — один из первых (и наименее смешных) литературных примеров, когда из-за неправильной расстановки точек искажается смысл высказывания:

*We do not come as minding to content you,
Our true intent is. All for your delight
We are not here*¹.

Шекспир,
«Сон в летнюю ночь», акт V, сцена I

Но увы! Даже судьба таких надежных и недвусмысленных знаков, как точка, внушает опасения. Молодежь теперь, видите ли, называет точку *dot* и пишет после нее слова со строчной буквы и без пробела. Попросите их написать «семь тридцать» цифрами (7.30), и они наверняка либо поставят двоеточие (как в американских компьютерных программах — 7:30), либо напишут 7-30 или 7'30. Массовая безграмотность привела к тому, что самым распространенным знаком стала запятая, и это вызывает не меньшее беспокойство:

*The tap water is safe to drink in tea and coffee, however, we recommend using bottled water for drinking, it can be purchased very cheaply in the nearby shops*².

¹ Не входит в наши цели Вас развлекать. Явились мы сюда

Не с тем. Чтoб вы об этом пожалели. (Пер. Т. Щепкиной-Куперник.)

² Искаж. от *The tap water is safe to drink in tea and coffee; however, we recommend using bottled water for drinking. It can be purchased very cheaply in the nearby shops.* — Водопроводную воду можно использовать для приготовления чая и кофе, но для питья мы рекомендуем бутилированную воду. Ее можно недорого купить в близлежащих магазинах.

Шестьдесят лет назад Г. В. Кэри в книге «Не пропусти остановку» посвятил апострофу всего один абзац, потому что с ним все было ясно. «Если бы все знаки были такими простыми», — вздыхал Кэри. Но это было еще в те времена, когда людей учили разнице между *Am I looking at my dinner or the dog's?*¹ и *Am I looking at my dinner or the dogs?*² Надеюсь, из этой книги станет понятно, что к пунктуации можно с успехом применять как дескриптивный, так и нормативный подход. Лингвист дескриптивного склада наблюдает, как меняется язык, отмечает и анализирует эти перемены, но при этом умудряется не просыпаться каждую ночь в холодном поту. Если он видит (допустим), что апостроф начинает появляться в таких словах, как *Books*, то для него это верный знак, что никто больше не имеет представления о правилах употребления апострофа, что апостроф безнадежно устарел, что, подобно фее Динь-Динь³, которая жива лишь до тех пор, пока ею восхищаются, он скоро окончательно зачахнет и исчезнет. Это совершенно здравый и разумный подход, хотя от него и веет холодом. А вот яркие сторонники нормативной грамматики, напротив, будут до хрипоты доказывать, что поскольку их в одна тысяча девятьсот сорок третьем году учили в школе никогда не начинать фразу со слов *And* и *But*, сегодняшний мир погружен в невежество и безумии, а большую часть современных книг следует сжечь.

¹ Я смотрю на свой обед или на собачий?

² Я смотрю на свой обед или на собак?

³ Из сказки Джеймса Барри «Питер Пэн».

Я бы хотела подвести читателя к некоторой промежуточной позиции: надо быть стойким, понимая важность стойкости, и гибким, понимая рациональность и историческую необходимость гибкости. В книге «Не пропусти остановку» Кэри отмечает, что, расставляя знаки препинания, нужно «на две трети руководствоваться правилами, а на одну треть — собственным вкусом». Сама я придерживаюсь простого правила: в одних вопросах пунктуации отличить верное от неверного предельно просто, в других — надо следовать своему чувству языка и здравому смыслу. Мне нужно — с помощью знаков препинания — обеспечить максимум ясности, поэтому я прежде всего хочу видеть апострофы на нужных местах, и не прекратит борьбу мой дух, и не уснет рука с мечом¹ (постойте, а разве «Новый Иерусалим» Блейка не начинается со слова «И»?), пока все до единого не осознают разницу между *its* и *it's* и ни один болван не рискнет писать о *dead sons photos* без указания на то, один сын изображен на этих фотографиях или несколько. Говорят, что в некоторых государственных учреждениях чиновникам дано прагматичное указание — опускать апострофы, потому что никто больше не умеет ими пользоваться. С прагматизмом такого рода мы, говоря словами Уинстона Черчилля, «мириться не можем». Как смеет кто бы то ни было распоряжаться судьбой апострофа? Кто дал государству — или компании «Уорнер бразерс» — право подписывать смертный приговор нашей Динь-Динь? Отсюда один шаг до массовой печати

¹ Цитата из стихотворения Уильяма Блейка «Новый Иерусалим». (Пер. Ю. Таранникова.)

книг с безграмотными заголовками. Еще чуть-чуть — и последним фанатикам пунктуации придется искать убежища в пещерах.

Итак, я призываю действовать. Фанатики, объединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своего чувства гармонии, да и оно на исходе. Пусть мы не переменим мир, но нам хотя бы полегчает. Тут вот что важно: дать волю своему фанатизму, но при этом не получить в ухо и не угодить под арест за повреждение чужой собственности. Знаете кампанию «Тише»¹, направленную против радиотрансляции музыки в общественных местах? А мы назовем свою — «Громче»². Сопровитесь. Действуйте. При малейшей возможности пускайте в ход яркочерный маркер. Отправляйте обратно сообщения электронной почты и письма, в которых нарушены правила пунктуации; пикетируйте универмаги «Харродз»³. Не беда, что родные ненавидят вашего внутреннего фанатика и предпочли бы, чтобы у вас внутри жил Скуби-Ду. Зато если вы возьмете на вооружение бескомпромиссный подход к пунктуации, то в следующий раз, увидев объявление *CD's, DVD's, Video's, and Book's*, вы не запретесь дома в глубокой депрессии. Вы вступите в борьбу! Потому что — и это очень важно — вы не будете одиноки.

Это вечная беда фанатиков. Они чувствуют себя одиночками. Изгоями. У одинокого маньяка, вооруженного лишь апострофом на шесте, никогда не хватит духу

¹ *Pipe Down*

² *Pipe Up*

³ Официальное название сети универмагов — *Harrod's*, в честь основателя по фамилии *Harrod*, но на вывесках пишется *Harrods* — без апострофа.

выйти на демонстрацию перед зданием «Уорнер бразерс» по поводу *Two Weeks Notice*. Но если сколотить целый отряд, вдохновленный общей целью, кто знает, что удастся сделать? Преодолеть придется многое. Не в последнюю очередь — черты британского национального характера: сдержанность (невежливо говорить другим, что они ошибаются), безразличие (пусть это сделает кто-то другой), откровенную трусость (стоит ли рисковать собой ради смертельно больного типографского значка?). Но я верю, что у нас получится. Правда, верю. А кроме того, мой внутренний фанатик уже вырвался на волю. Он возбужденно вопит, брызжет слюной и размахивает руками.

,

Предвижу одну трудность: у каждого свои пунктики. И как бы ни была заманчива идея создания боевых отрядов защитников пунктуации, объединить наши усилия будет непросто. У одних, например, вызывает омерзение оксфордская запятая (вторая запятая в конструкции типа *ham, eggs, and chips*¹), другие при виде этой запятой остаются холодны как мрамор, зато их выводит из себя тенденция недоиспользования дефиса, которую борцы с оксфордской запятой могут вообще не замечать. Как писал Ивлин Во, «чуждый стиль представляется нам либо варварским, либо излишне педантичным». Кингсли Эмис в своей книге «Классический английский» (1997)

¹ ветчина, яичница и картофель фри

высказал ту же мысль еще резче: мир грамматики делится на недоумков и умников, где недоумки отвратительно небрежны в обращении с языком, а умники — по нашему мнению — возмутительно педантичны. Если оставить английский на откуп недоумкам, он «умрет от загрязнения, как поздняя латынь». Попав в лапы к умникам — погибнет от избытка чистоты, «как латынь средневековая». Издержки такого подхода очевидны. Если считать всех кругом недоумками и умниками, трудно — даже во имя великой цели — найти общий язык хоть с кем-нибудь.

По-вашему, киношные гангстеры слишком легко заводятся? Так вот, фанатики еще хуже. Чешский писатель Милан Кундера однажды расторг договор с издателем, который требовал заменить точку с запятой на точку. Редакторы одного и того же издания, пользующиеся одним и тем же справочником, могут целый день не покладая рук вставлять дефисы, удалять их и вставлять снова. В этих условиях особую популярность приобретает пометка на полях *STET* (которая означает «оставить как есть» и отменяет все внесенные изменения). Работая в 1986–1990 годах литературным рецензентом в журнале «Лиснер», я обнаружила, что мое стремление сделать текст как можно более удобочитаемым неизменно пресекается одной корректоршей: она коварно вставляла в мои рецензии десятки дополнительных запятых, каждая из которых жалом вонзалась в мою плоть. Разумеется, я не подавала виду, как мне больно. Я говорила «спасибо», дожидалась, пока она выйдет из комнаты, и, встав для пушей устойчивости на ноги, набрасывалась на изуродованные гранки. Я лихорадочно вычеркивала все, что она добавила, расставляя на каждой странице *STET, STET,*

STET, STET, STET до потери пульса. Причем учтите: эта дуэль на запятых не была связана с нарушением правил — речь шла о сугубо вкусовых пристрастиях.

Книга, которую вы держите в руках, не справочник по грамматике — в грамматике я не сильна. Для меня подчиненная клауза навсегда останется одним из подчиненных Санта-Клауса (потому что такое объяснение я однажды услышала из уст актера Мартина Джарвиса). Но чтобы знать, когда лучше заменить тире скобками, а запятую — точкой с запятой, не нужно ученой степени по английскому языку. Если б я не верила, что каждый способен понять, где ставить апостроф, я бы не стала писать эту книгу, которая не тянет даже на пособие по пунктуации, потому что отвечает далеко не на все вопросы. На свете полно прекрасных справочников по пунктуации; есть даже замечательное пособие для детей, «Ремонт пунктуации», которое пытается внедрить идею «Тупость не катит!» — что, конечно, неправда, но самой попыткой можно только восхищаться.

У этих справочников один недостаток — их читают в основном иностранцы. Носителям английского языка и в голову не придет купить и прочесть такой справочник. Вспоминается эпизод из фильма Вуди Аллена «Мелкие мошенники», когда Хью Грант вкрадчиво предлагает невестам-нуборишам — Аллену и Трейси Ульман — помощь в повышении их культурного уровня. «Что бы вам хотелось узнать?» — спрашивает он у Аллена, хранящего во время разговора мрачное молчание. Аллен неохотно выдавливает: «Ну, мне бы хотелось узнать, как пишется “Коннектикут”». Какое верное наблюдение! *Мне бы хотелось узнать, как пишется «Коннектикут»*. Если вас всегда интересовало, где нужно ставить апостроф, зна-

чит, вы этого *никогда* не узнаете. По той простой причине, что узнать это — легче легкого.

В чем же смысл этой книги, если она не учит расставлять знаки препинания? Скажем так: знаете все эти самоучители по психологии, которые позволяют нам любить себя? Ну вот. А эта книжка позволяет любить пунктуацию. В ней рассказывается, как возникли правила, которые сегодня в ходу, как небольшой, но гибкий набор значков позволяет маркировать почти все (хотя и не совсем все) типы высказываний и как, если верить Бичу¹, некий зеленщик во время оно вдохновил королеву Елизавету учредить должность королевского апострофщика. Но главная задача книги — помочь фанатикам освоиться со своим седьмым чувством, способностью видеть мертвую пунктуацию (прошепчите со слезой в голосе: «Она не знает, что умерла»), и сохранить при этом чувство юмора. У меня есть две любимые карикатуры. На первой — десять римских солдат, один из которых распостерт на земле. «Угроза казнить каждого десятого оказалась не такой уж страшной!» — цитирует подпись жизнерадостное высказывание одного из уцелевших. На другой — озадаченные люди растерянно толпятся перед зданием возле надписи *Illiterates' Entrance*². А знаете, что самое ужасное? На рисунке было написано *Illiterate's Entrance*, и надпись пришлось поправить. Я замазала «штрихом» неправильный апостроф и вставила правильный. Кое-кто просто рожден для борьбы за пунктуацию.

¹ Псевдоним Уильяма Хартстона, под которым он ведет юмористическую колонку в газете «Дейли экспресс».

² Вход для не умеющих читать.

Покладистый апостроф

Весной 2001 года шоу «Поп-звезды» канала ITV1 сотворило поп-чудо нашего времени — вокальную группу *Hear'Say*. Как сейчас помню, появление этой группы стало общенародным событием: все толпами ринулись покупать их записи, а газеты, столь скрупулезные в вопросах названий, сразу же научились правильно ставить апостроф в *Hear'Say* и не вставлять пробелов. Называть эту группу *Hearsay* (в одно слово) было бы, видите ли, неверно. Называть ее *Hear-Say* (с дефисом) означало продемонстрировать возмутительное невежество в области поп-культуры. В результате бедный маленький апостроф, так нелепо подвешенный в названии *Hear'Say*, был многократно размножен, и никто не подумал о его страданиях. Никто не обратил внимания на его жалкое положение; болтаясь без всякого смысла, он безмолвно взывал к имеющим глаза: «Я — полноценный знак препинания, заберите меня отсюда». К счастью, посетив через пару лет сайт группы *Hear'Say*, я узнала, что у этой грустной истории счастливый конец: в январе 2002 года Ким покинула коллектив, чтобы — после множества противоречивых слухов и официальных опровержений — выйти замуж за Джека, и группа через полтора года после возникновения благополучно прекратила свое существование.

Заточение апострофов в неволю и выставление их в глупом виде уголовно ненаказуемо. Жестокость по отношению к знакам препинания не подпадает ни под один закон: можно спокойно выдерживать ноги точке с

запятой, испепелять лупой вопросительные знаки — ну и так далее, на что хватит фантазии. Однако появление в 2001 году группы под названием *Hear'Say* знаменует важный этап на пути к пунктуационной анархии. Как мы увидим впоследствии, покладистый апостроф всегда выполнял свою работу в нашем языке с энтузиазмом и изяществом, но его никогда по-настоящему не принимали всерьез. Его готовность приспособиться к обстоятельствам не вызывала сочувствия и всегда считалась само собой разумеющейся; теперь, в пору крайней графической распушенности, мы расплачиваемся за это. На этот хрупкий знак взвалили слишком много, но он и не думает роптать. Подобно старику из пьесы Артура Миллера «Суровое испытание», которого религиозные изуверы в черных шляпах подвергают мучительной смерти под расплющивающим его грузом, апостроф словно просит: «Грузите еще!» «Грузите еще», — отважно, хотя и все тише, приговаривает апостроф. «Еще», — шепчет он и сейчас. Но скажите на милость: сколько мучений должен вынести этот знак? Сейчас, когда он уже при последнем издыхании (а кретины продюсеры вставляют его в названия из декоративных соображений), не пора ли понять, что апостроф нуждается в нашей помощи?

Впервые апостроф появился в английском языке в XVI веке. Это греческое слово означает «отклонение»; отсюда значения «пропуск» и «упущение». В классических текстах апостроф использовался для обозначения пропущенных букв, как в слове *t'cius* вместо *tertius*¹; и это было его единственной функцией, когда его впервые взяли на вооружение английские печатники. Помните

¹ третий (лат.)

комичного педанта Олоферна из пьесы «Бесплодные усилия любви», который говорит: «Вы не заметили апострофов, поэтому пропал размер»? Нет, конечно, не помните — никто не помнит слов этого жуткого зануды, и не стоит тратить времени, чтобы разобраться, что он имел в виду. Важно только знать, что во времена Шекспира апостроф указывал на пропущенные буквы, из чего следует, что Гамлет имел полное право сказать: *Fie on't! O fie!*¹; *'Tis a consummation devoutly to be wish'd*²; и даже: *I am too much i' the sun*³ — последнее, между прочим, может служить ярким примером того, как писатель использовал новомодный знак препинания всуе, вынудив тем самым бесчисленные поколения многомудрых актеров принимать важный вид и произносить *i'* так, как будто в этом есть великий смысл.

Если бы в жизни апострофа и дальше все было так же просто! Но увы. В некоторый момент времени в XVII веке печатники стали вставлять апостроф перед *s* для обозначения притяжательного падежа единственного числа (*the girl's dress*⁴) — вот тут-то все и пошло наперекосяк. А в XVIII веке печатники начали использовать его и в случае множественного числа (*the girls' dresses*⁵). Кстати, некоторые историки грамматики утверждают, что первоначально апостроф в притяжательном падеже символизировал сокращение от *his*⁶; и я долгие годы

¹ О мерзость! (Здесь и далее «Гамлет» цитируется в пер. Б. Пастернака.)

² Это ли не цель желанная?

³ О нет, напротив: солнечно некстати.

⁴ платье девушки

⁵ платья девушек

⁶ его

верила в эту заманчивую теорию — потому что знала пьесу Бена Джонсона *Sejanus, his Fall*¹ и считала, что это явный полуфабрикат на пути к *Sejanus's Fall*². Однако разрази меня гром, если мнения по этому поводу не расходятся. Другие историки грамматики полагают, что эту невежественную гипотезу (а для «Бесплодных усилий любви» — в оригинале *Love's Labour's Lost* — получается *Love-His-Labour-Is-Lost*) нужно забыть в тот же миг, как только услышишь. Понятно, что расшифровка *Henry-His-Wives*³ (*Henry's Wives*⁴) выглядит гораздо менее правдоподобной, когда подумаешь о притяжательных падежах существительных женского рода: логично предположить, что *Elizabeth Her Reign*⁵ следовало бы произносить как *Elizabeth'r Reign*, а это привело бы к весьма плачевным последствиям: казалось бы, что говорящий глуповат, слегка подвыпил или говорит с акцентом, свойственным жителям юго-запада.

Итак, какие должностные обязанности числятся ныне за апострофом? Прежде чем рвать на себе волосы по поводу небрежного и неграмотного его применения в современном мире, обратим внимание на смиренную мудрость «Оксфордского справочника по английской литературе»: «В нашей истории не было золотого века, когда правила использования апострофа для указания притяжательного падежа были бы четко сформулированы, извест-

¹ Сеян, его падение; русский перевод пьесы носит название «Падение Сеяна».

² Падение Сеяна.

³ Генрих, его жёны.

⁴ Жёны Генриха.

⁵ Елизавета, ее царствование.

ны, понятны и применяемы большинством образованных людей». Для начала давайте убедимся, что умеем правильно писать слова, которые современные специалисты по грамматике называют притяжательными определяющими словами и притяжательными местоимениями. Ни одно из них не требует применения апострофа.

Притяжательные определяющие слова

<i>my</i>	<i>our</i>
<i>your</i>	<i>your</i>
<i>his</i>	<i>their</i>
<i>her</i>	<i>their</i>
<i>its</i>	<i>their</i>

Притяжательные местоимения

<i>mine</i>	<i>ours</i>
<i>yours</i>	<i>yours</i>
<i>his</i>	<i>theirs</i>
<i>hers</i>	<i>theirs</i>
<i>its</i>	<i>theirs</i>

А теперь перечислим те важные обязанности, которые ежедневно выполняет апостроф.

1. Он обозначает притяжательный падеж существительного в единственном числе:

*The boy's hat*¹
*The First Lord of the Admiralty's rather smart front door*²

¹ Шляпа мальчика.

² Довольно опрятный парадный подъезд первого лорда адмиралтейства.

Вроде бы просто. Однако не спешите. Если владелец стоит во множественном числе, но слово не кончается на букву *s*, то апостроф тоже стоит перед *s*:

*The children's playground*¹
*The women's movement*²

Но если множественное число образовано стандартным образом, то апостроф стоит после *s*:

*The boys' hats*³ (мальчиков несколько)
*The babies' bibs*⁴

Прошу прощения, если вы все это знаете, но беда в том, что многие — не знают. Иначе кто бы стал делать огромную детскую площадку, писать на ней *Giant Kid's Playground*⁵, а потом удивляться, почему на ней никто не играет? (Ответ: потому что все боятся гигантенка.)

2. Он указывает на время или количество:

*In one week's time*⁶
*Four yards' worth*⁷
Two weeks' notice (компанию «Уорнер бразерс» прошу принять к сведению)

¹ Детская игровая площадка.

² Женское движение.

³ Шляпы мальчиков.

⁴ Детские слюнявчики.

⁵ Игровая площадка гигантенка.

⁶ В течение недели.

⁷ Длиной в четыре ярда.

3. Он говорит о пропуске цифр в обозначении лет:

*The summer of '68*¹

4. Он обозначает пропуск букв:

*We can't go to Jo'burg (We cannot go to Johannesburg*² — возможно, потому, что не умеем писать название этого города полностью).

*She'd've had the cat-o'-nine-tails, I s'pose, if we hadn't stopped 'im*³ (*She would have had a right old lashing, I reckon, if we had not intervened*⁴).

Однако принято считать, что стандартные сокращения типа *bus (omnibus)*, *flu (influenza)*, *phone (telephone)*, *photo (photograph)* и *cello (violoncello)* больше не нуждаются в извинительных апострофах. Более того, фраза *Any of that wine left in the 'fridge, dear?*⁵ выглядит в наше время несколько неуклюже, чтобы не сказать вызывающе. Многие другие сокращения тоже превратились в полноценные слова. На словах *nuke*⁶ (взрывать ядерную бомбу), *telly*⁷ (телевизор) или *pram*⁸ (детская коляска) просто некуда прицепить апостроф — хотя многие пытаются это сделать, поверьте.

¹ Лето 1968-го.

² Мы не можем поехать в Йоханнесбург.

³ Искаж. от *She would have had the cat-of-nine-tails, I suppose, if we had not stopped him.* — Небось он отходил бы ее плеткой, кабы не мы.

⁴ Полагаю, ее ожидала бы порка, если бы не наше вмешательство.

⁵ У нас в холодильнике больше не осталось этого вина, дорогая?

⁶ Сокр. от *explode a nuclear device.*

⁷ Сокр. от *television.*

⁸ Сокр. от *perambulator.*

Самый известный «апострофический» пропуск мы наблюдаем в слове *it's*:

*It's your turn (it is your turn)*¹.

*It's got very cold (it has got very cold)*².

*It's a braw bricht moonlicht nicht the nicht*³ (понятия не имею, что это значит).

У тех, кто равнодушен к пунктуации, фразы типа *Thank God its Friday*⁴ (без апострофа) вызывают бурные чувства — вплоть до отчаяния и бешенства. Смешение притяжательного *its* (без апострофа) с сокращением *it's* (с апострофом) недвусмысленно свидетельствует о безграмотности и пробуждает в рядовом фанатике рефлекс убийства. Правило гласит: слово *it's* (с апострофом) обозначает *it is* или *it has*. Если не подразумевается ни то, ни другое — пишите *its*. *Это очень легко усвоить*. Тому, кто путает эти слова, в мире пунктуации нет прощения. Даже если у него ученая степень и он прочел всего Генри Джеймса вдоль и поперек. Если он упорно продолжает писать *Good food at it's best*⁵, то пусть он будет поражен молнией, разорван на куски и зарыт в безымянной могиле.

¹ Твоя очередь.

² Стало очень холодно.

³ Скороговорка, которую, как считается, способны произнести только шотландцы.

⁴ Искаж. от *Thank God it's Friday* — Слава богу, сегодня пятница.

⁵ Искаж. от *Good food at its best* — Самая лучшая пища.

5. С его помощью отмечают особенный, нестандартный английский язык.

Лес апострофов в прямой речи (часто сопровождаемый необычным использованием прописных букв) обычно говорит о том, что в повествовании появился крестьянин, кокни или суровый северянин, из уст которого, возможно, предстоит услышать леденящее душу слово *nobbut*¹. Вот что говорит браваый лесник Меллорс жене своего хозяина в восьмой главе романа Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей»:

*'Appen yer'd better 'ave this key, an' Ah min fend for t' bods some other road... 'Appen Ah can find anuther pleece as'll du for rearin' th' pheasants. If yer want ter be 'ere, yo'll non want me messin' abaht a' th' time*².

«Вы не можете говорить по-английски нормально?» — резко обрывает его леди Чаттерлей.

6. Им отмечают ирландские фамилии типа *O'Neill* и *O'Casey*.

И снова утверждение о том, что это просто сокращение — на этот раз слова *of* (как в *John o' Gaunt*³) — чистой воды заблуждение. Немногим известно, что *O* в ирландских именах — английская модификация ирландского слова *ua*, означающего *внук*.

¹ Искаж. от *no but* — всего лишь.

² Натe вам тады ключ, а я птичник где-нить ишшо сварганю... Найду где фазанов-то растить. Вам же не по нраву будет, коли и я тутa ошиваться стану.

³ *John of Gaunt* — Джон Гонт (Иоанн Гентский) (1340–1399), сын Эдуарда III Английского.

7. С его помощью обозначают множественное число букв:

*How many f's are there in Fulham?*¹ (Любимая шутка футбольных болельщиков: *there's only one f in Fulham*².)
*In the winter months, his R's blew off*³. (Старая шутка Питера Кука и Дадли Мура, объясняющая загадочный указатель в зоопарке: *TROPICAL FISH, THIS WAY*⁴.)

8. Он указывает на множественное число слов:

*What are the do's and don't's?*⁵
*Are there too many but's and and's at the beginnings of sentences these days?*⁶

;

Надеюсь, вы уже прониклись сочувствием к апострофу. Такой пространный список неизбежно наводит на мысль о несправедливом распределении обязанностей в мире пунктуации. Вот точка — важная вещь, правда? Но на фоне разнообразной деятельности апострофа роль

¹ Сколько букв «ф» в слове «Фулем»? («Фулем» — популярный лондонский профессиональный футбольный клуб.)

² Эта фраза по-английски звучит двусмысленно. Основной перевод: в «Фулеме» — одна буква «ф». На слух может восприниматься как «Есть только один поганый “Фулем”».

³ Зимой его «R» опадают.

⁴ Искаж. от *Tropical fish, this way* — К тропическим рыбам.

⁵ Каковы правила поведения (что можно и чего нельзя)?

⁶ Не слишком ли часто в наше время предложения начинаются с «но» и «а»?

точки смотрится довольно бледно, если не сказать больше. Точка — просто труженица, добросовестно и без особых раздумий выполняющая свои нехитрые обязанности, а апостроф — неистовый виртуоз-многостаночник, разрывающийся на части и обреченный на полное моральное истощение в результате своих неблагодарных усилий. За последние годы с апострофа сняли только одну нагрузку: он больше не обязан появляться во множественном числе у аббревиатур (*MPs*¹) и годов (*1980s*). До недавнего времени было принято писать *MP's* и *1980's*, а в Америке и сейчас так пишут. Британские читатели «Нью-Йоркера», которые полагают, что сей достопочтенный журнал регулярно пишет *1980's* по неграмотности, просто не представляют себе, как организована работа в этом издании, славящемся скрупулезностью редакторов и корректоров.

Но любителям пунктуации свойственно заботиться о таких вещах, и я аплодирую всем, кто стремится защитить апостроф от неправильного применения. Кит Уотерхаус долгие годы руководил Ассоциацией по борьбе с неправильным употреблением апострофа, сначала в «Дейли миррор», а потом в «Дейли мейл», и его поддерживали буквально миллионы читателей. Он опубликовал сотни апострофических ужастиков. Мне больше всего нравится один довольно тонкий пример: *Prudential — were here to help you*², что звучит несколько тревожно, пока не поймешь, что на самом деле подразумевалось:

¹ *MP* — сокр. от *Member of Parliament* — член парламента.

² «Пруденшл» приходил, чтобы помочь вам.

*Prudential — we're here to help you*¹. У Кита Уотерхауса немало последователей среди журналистов. Кевин Майерз, ведущий колонку в «Айриш таймс», недавно опубликовал рассказ о человеке, который вступил в *League of Signwriter's and Grocer's and Butcher's Assistant's*², а потом обнаружил, что его девушка — фанатик грамматической точности.

А Уильям Хартстон, который ведет колонку Бича в «Дейли экспресс», рассказал вдохновенную историю о королевском апострофщике — старинной и уважаемой должности, учрежденной королевой Елизаветой I. История гласит, что некий скромный зеленщик, поставлявший во время оно картофель Ее Величеству, заметил в королевском декрете неправильно поставленный апостроф. Когда он указал на это, королева немедленно учредила должность королевского апострофщика для контроля за качеством и распределением апострофов и доставки их на тачках всем зеленщикам Англии во второй четверг каждого месяца (апострофский четверг). Занимающий эту должность в настоящее время сэр *D'Anville O'M'Darlin'* занят такими серьезными вопросами, как модная среди издателей тенденция заменять кавычки двоеточием и тире, в результате чего забракованные кавычки могут быть нелегально вывезены за границу, разрезаны пополам для получения низкосортных апострофов и проданы обратно доверчивым британским читателям.

¹ «Пруденшл» — мы здесь, чтобы помочь вам.

² Искраж. от *League of Signwriter's, Grocer's and Butcher's Assistants* — Общество помощников бакалейщиков, мясников и изготовителей вывесок.

Вы спросите, кому до этого есть дело, кроме профессиональных литераторов? Много кому — и у меня имеется куча доказательств. Работая над этой книгой, я написала статью в «Дейли телеграф» в надежде получить от читателей пару-тройку страшилок на темы пунктуации, но отклик был подобен прорыву плотины. Пришли сотни сообщений по электронной и обычной почте — свидетельства того, как глубоко западают в душу фанатика поразившие его события («это было в 1987 году, и я этого никогда не забуду: там было написано: *CREAM TEA'S*¹») и какой — вполне объяснимый — ужас испытывают образованные люди в нашем удручающе неграмотном мире. Читая эти сообщения, я попеременно то восхищалась тем, сколько народу не пожалело на меня времени, то поражалась глупости и равнодушию своих соотечественников. Большая часть писем, конечно, относилась к неправильному употреблению апострофа в словах типа *potato's* и *lemon's*. Однако когда я принялась анализировать и сортировать присланные примеры, я с интересом отметила, что «апостроф зеленщика» составляет лишь одну прискорбную категорию в безумной свистопляске ошибок, связанных с апострофом. Практически любое правильное употребление этого скромного знака вызывает непреодолимые трудности у тех, кто пишет официальные письма, рисует вывески, продает фрукты и овощи. Вот лишь малая толика полученных мною примеров:

¹ Искаж. от *CREAM TEAS* – Чаепития со сладостями.

Притяжательный падеж единственного числа вместо общего падежа множественного (апостроф зеленщика):

*Trouser's reduced*¹
*Coastguard Cottage's*²
*Next week: nouns and apostrophe's!*³ (реклама курса грамматики для детей на сайте Би-би-си)

Притяжательный падеж единственного числа вместо притяжательного падежа множественного:

*Pupil's entrance*⁴ (вероятно, очень элитарная школа)
*Adult Learner's Week*⁵ (повезло ему)
*Frog's Piss*⁶ (пожалуй, непосильная нагрузка для отшельно взятой лягушки)
*Member's May Ball*⁷ (а с кем он там будет танцевать?)
*Nude Reader's Wives*⁸ (подразумевалось, конечно,
*Readers' Nude Wives*⁹, но вместо этого возникает интересный образ обнаженного читателя-многоженца в окружении теток в халатах и шлепанцах...)

¹ Искаж. от *Trousers reduced* – Брюки по сниженным ценам.

² Искаж. от *Coastguard Cottages* – Коттеджи береговой охраны.

³ Искаж. от *Next week: nouns and apostrophes!* – На следующей неделе – существительные и апострофы!

⁴ Вход для ученика; искаж. от *Pupils' entrance* – Вход для учащихся.

⁵ Неделя взрослого ученика; искаж. от *Adult Learners' Week* – Неделя взрослых учащихся.

⁶ *Frog's Piss* (моча лягушки) – сорт дешевого французского вина.

⁷ Майский бал для члена клуба; искаж. от *Members' May Ball* – Майский бал для членов клуба.

⁸ Жены нагого читателя.

⁹ «Нагие жены читателей» – порнографический журнал.

Притяжательный падеж множественного числа вместо единственного:

*Lands' End*¹ (компания, торгующая по почте и категорически отрицающая, что с ее названием что-то не так)
*Bobs' Motors*²

Отсутствие притяжательного падежа там, где он требуется:

*Citizens Advice Bureau*³
*Mens Toilets*⁴
*Britains Biggest Junction (Clapham)*⁵

Заманчивые перспективы, порожденные неправильной передачей множественного числа:

*Pansy's ready*⁶ (это точно?)
*Cyclist's only*⁷ (его единственное что?)
*Please replace the trolley's*⁸ (заменить у тележки что?)

и лучший пример из этой серии:

*Nigger's out*⁹ (надпись, увиденная в Нью-Йорке, под которой какой-то шутник добавил: «Но он скоро вернется»)

¹ Искаж. от *Land's End* – Край земли.

² Искаж. от *Bob's Motors* – Автомобили Боба.

³ Искаж. от *Citizens' Advice Bureau* – Бюро консультации населения.

⁴ Искаж. от *Men's Toilets* – Мужские туалеты.

⁵ Искаж. от *Britain's Biggest Junction (Clapham)* – Крупнейший британский железнодорожный узел (Клапам).

⁶ Пэнси готова; искаж. от *Pansies ready* – Готовые к посадке анютины глазки.

⁷ Единственное велосипедиста; искаж. от *Cyclists only* – Только для велосипедистов.

⁸ Пожалуйта, замените у тележки; искаж. от *Please replace the trolleys* – Пожалуйста, возвращайте тележки на место.

⁹ Негр вышел; искаж. от *Niggers out* – Неграм вход воспрещен.

Искажение смысла из-за необозначенного притяжательного падежа:

*Dicks in tray*¹ (постарайтесь не думать об этом)
*New members welcome drink*² (бесспорная истина)

Автор чувствует, что апостроф нужен — но где?

*It need'nt be a pane*³ (на грузовике, рекламирующем продажу стекла со скидкой)
*Ladie's hairdresser*⁴
*Mens coat's*⁵
Childrens' education . . .⁶ (из письма руководителя учебного отдела Национального союза учителей)
*The Peoples Princess*⁷ (памятная надпись на кружке)
*Freds' restaurant*⁸

Апострофы, вставленные в имена собственные:

*Dear Mr Steven's*⁹
*XMA'S TREES*¹⁰

¹ Пенисы на подносе; искаж. от *Dick's "in" tray* – Ящик Дика для входящих.

² Новички не прочь выпить; искаж. от *New members' welcome drink* – Выпивка в честь новичков.

³ Искаж. от *It needn't be a pane* [pane – оконное стекло], что, в свою очередь, отражает игру слов: *It needn't be a pain* – Можно обойтись без лишних трудностей.

⁴ Искаж. от *Ladies' hairdresser* – Дамский парикмахер.

⁵ Искаж. от *Men's coats* – Мужская верхняя одежда.

⁶ Искаж. от *Children's education* – Образование детей.

⁷ Искаж. от *The People's Princess* – Народная принцесса [имеется в виду принцесса Диана].

⁸ Искаж. от *Fred's restaurant* – Ресторан «У Фреда».

⁹ Искаж. от *Dear Mr Stevens* – Уважаемый г-н Стивенз.

¹⁰ Искаж. от *XMAS TREES* – Рождественские елки.

*Glady's*¹ (на значке продавщицы)
*Did'sbury*²

It's или *Its'* вместо *Its*:

Сотни примеров, многие от солидных организаций и крупных компаний, но особенно выделяются следующие:

*Hot Dogs a Meal in Its' Self*³ (объявление в Ярмуте)
*Recruitment at it's best*⁴ (лозунг агентства по трудоустройству)

... *to welcome you to the British Library, it's services and catalogues*⁵ (рекламная листовка для читателей в Британской библиотеке)

Просто неграмотность:

... *giving the full name and title of the person who's details are given in Section 02*⁶ (из анкеты на получение британского паспорта)

*Make our customer's live's easier*⁷ (из рекламы компании «Эбби нэшнл»)

¹ Искаж. от *Glady's* – Глэдис.

² Искаж. от *Didsbury* – Дидзбури.

³ Искаж. от *Hot Dogs a Meal in Itself* – Сосиски в тесте – отличное блюдо.

⁴ Искаж. от *Recruitment at its best* – Наилучшее трудоустройство.

⁵ Искаж. от *to welcome you to the British Library, its services and catalogues* – ...пригласить вас в Британскую библиотеку – воспользоваться ее услугами и каталогами.

⁶ Искаж. от *giving the full name and title of the person whose details are given in Section 02* – Привести полное имя и форму обращения для лица, указанного в разделе 02.

⁷ Искаж. от *Make our customers' lives easier* – Облегчим жизнь нашим клиентам.

*Gateaux's*¹ (похоже, никак иначе это и не пишут)
*Your 21 today!*² (на деньрожденной открытке)

Запятые взамен апострофов:

*Antique,s*³ (на шоссе A120 возле Колчестера)
*apples,s*⁴

*orange,s*⁵

*grape,s*⁶ (все это, к счастью, на одном прилавке)

Объявления, авторы которых устали ломать голову, куда бы им воткнуть апостроф:

*Reader offer*⁷

*Author photograph*⁸

*Customer toilet*⁹

Это лишь ничтожная доля того, что мне прислали. Люди жаловались на коллег, которые пользуются запятыми вместо апострофов. Мне заботливо порекомендовали ресторан в городе Реймсе под названием *l'Apostrophe* (могу прислать адрес). Житель графства Сомерсетшир написал, что долго шарахался от объявления на лотке с плодоовощной продукцией, пока не обнаружил, что имя его владельца — ни за что не угадаете! — *R. Carrott*. Именно

¹ Искаж. от *Gateaux* – Печенье (фр.).

² Искаж. от *You're 21 today!* – Тебе сегодня 21 (год)!

³ Искаж. от *Antiques* – Антиквариат.

⁴ Искаж. от *apples* – Яблоки.

⁵ Искаж. от *oranges* – Апельсины.

⁶ Искаж. от *grapes* – Виноград.

⁷ Предложение для читателей.

⁸ Авторская фотография.

⁹ Туалет для клиентов.

поэтому объявление начиналось со слова *Carrott's*¹, а дальше без всяких орфографических или пунктуационных ошибок перечислялись овощи и фрукты.

;

До сих пор мы рассматривали те случаи правильного и неправильного употребления апострофа, где я чувствовала себя вполне уверенно. Теперь мы ступаем на более зыбкую почву, потому что есть сферы применения апострофа, в которых не все так просто. Придется последовать за апострофом, который как ни в чем не бывало углубляется в дебри стиля, употребления и (только не это!) допустимых исключений. Возьмем, к примеру, притяжательный падеж от имен собственных, кончающихся на *s*, таких как моя фамилия. Как правильно писать: *Lynne Truss' book* или *Lynne Truss's book*? Одна из моих корреспонденток (чье имя я изменила) написала довольно раздраженно: «Я с детства знаю, что если мне нужно написать *Philippa Jones' book*, значит, я НЕ ПИШУ *Philippa Jones's book* со второй *s*. Эту ошибку я часто вижу даже на школьных микроавтобусах: *St James's School*. То ли правила изменились, то ли теперешние учителя не знают правил».

К сожалению, эта читательница совершает сразу две ошибки — но лишь потому, что изменились вкусы.

¹ У Кэротта (от фамилии владельца); похоже на искажение надписи *Carrots* – Морковь.

Нынешние справочники по пунктуации (включая самый авторитетный из них — «Справочник Фаулера по современному английскому языку») утверждают, что в современных именах, заканчивающихся на *s* (включая библейские, а также любые иностранные имена с непроизносимой *s* на конце), буква *s* после апострофа требуется:

*Keats's poems*¹
*Philippa Jones's book*²
*St James's Square*³
*Alexander Dumas's The Three Musketeers*⁴

Но для имен из античного мира это не так:

*Archimedes' screw*⁵
*Achilles' heel*⁶

Если имя кончается на звук *iz*, то делается исключение:

*Bridges' score*⁷
*Moses' tablets*⁸

И еще исключение всегда делается для Иисуса Христа:

*Jesus' disciples*⁹

¹ Стихи Китса.

² Книга Филиппы Джонс.

³ Площадь Сент-Джеймс-сквер (букв. площадь Святого Иакова).

⁴ «Три мушкетера» Александра Дюма.

⁵ Архимедов винт.

⁶ Ахиллесова пята.

⁷ Счет Бриджеса [по фамилии игрока].

⁸ Моисеевы скрижали.

⁹ Апостолы Иисуса.

Однако все это вопросы вкуса и предпочтения; эти правила не высечены на скрижалях, и не стоит на них заикливаться. В книге «У запятой на запятках» редактор из «Вашингтон пост» Билл Уолш объясняет, что хотя во многих американских газетах принято писать *Connors' forehand*¹, он лично предпочитает *Connors's forehand* и рад, что ему «посчастливилось работать в газете, разделяющей это убеждение». Просмотрев около дюжины свежих справочников по пунктуации, могу констатировать, что среди их авторов нет единодушия практически ни по одному из рассмотренных выше вопросов. Совпадают они — как ни странно — только в одном: все используют в качестве первого примера *Keats's poems*. Они просто не могут оставить Китса в покое. «Следует писать *Keats' poems* (НЕ *Keats's*)», — грозно требуют одни. «Следует писать *Keats's poems* (НЕ *Keats'*)», — откликаются другие. Поневоле подумаешь: «Бедняга Китс!» Неудивительно, что его одолела чахотка.

Хотя я и сказала, что в этой области нет четкой границы между верным и неверным, но на типичный вопрос, почему в названии лондонской больницы *St Thomas' Hospital* отсутствует *s* после апострофа, мне так и хочется ответить словами доктора Джонсона. Когда его попросили объяснить, почему он дал неверное определение путовой кости, он развел руками: «Невежество, мадам, чистой воды невежество». Конечно же, должно быть *St Thomas's Hospital*. Без сомнения. Беда в том, что организации, города, колледжи, семьи и компании имеют преимущественное право диктовать правила написания

¹ удар справа Коннора

своих названий (которые часто сложились исторически), и мы равным счетом ничего не можем с этим поделать. Только вздохнуть и зарубить себе на носу. Вот первое, что усваивает корректор любой британской газеты: банк *Lloyds TSB* пишется без апострофа, в отличие от страховой компании *Lloyd's of London*; в словах *Earls Court*, *Gerrards Cross* и *St Andrews* нет апострофа (хотя станция метро *Earl's Court*, похоже, его приобрела); в *HarperCollins* нет пробела; в *Bowes Lyon* нет дефиса; а слова *Biro*¹ и *Hoover*² нужно писать с прописной буквы, иначе юристы замучают претензиями, напоминая, что речь идет о товарных знаках. Кстати, юмористический журнал «Прайвит ай» однажды опубликовал подобное письмо от представителя компании «Байро» под весьма примечательным заголовком: «Поистине жалкий способ зарабатывать на жизнь».

Таким образом, *St Thomas' Hospital* — это самоназвание больницы, вот и все. По той же причине и стадион футбольной команды «Ньюкасл Юнайтед» называется *St James' Park*. В конце концов, ни один из рассмотренных примеров не заслуживает специального разбирательства; напротив, стоит сделать несколько глубоких вдохов, и вы найдете в себе силы не только примириться с этими исключениями, но и оценить их — и даже полюбить. Лично я просто теряю дар речи, когда вижу слова *University College London*, снабженные по недомыслию запятой, которой там быть не должно, или название романа Э. М. Форстера *Howards End*³, изуродованное

¹ шариковая ручка (по фамилии изобретателя)

² пылесос (по фамилии изобретателя)

³ Ховардс-Энд (название поместья)

распустившим руки корректором. А между тем «Справочник “Таймс” по английскому языку» (1999) благоразумно советует читателям не ставить состояние своей психики в зависимость от таких вопросов. Совет сформулирован довольно изящно: «Помните, что некоторые организации — например, *St Thomas' Hospital* — расставляют апострофы в своих названиях по собственному усмотрению и нужно уважать их волю».

Настало время признаться, что сама я долгие годы сопротивлялась одному из второстепенных правил употребления апострофа. Я имею в виду двойной притяжательный падеж, который, хотя и является вполне добропорядочной грамматической конструкцией, всегда меня раздражал — и, боюсь, это уже навсегда. Такая конструкция регулярно встречается в газетах:

*Elton John, a friend of the footballer's, said last night . . .*¹

*Elton John, a friend of the couple's, said last night . . .*²

*Elton John, a friend of the Beckhams', said last night . . .*³

Слушай, Элтон, уймись хоть на минуту и не разглажь о своих именитых друзьях, пока я думаю. *A friend of the footballer's?* Разве это не просто *a friend of the footballer?* Разве конструкция *of the* не справляется со своей задачей без дополнительного притяжательного паде-

¹ Вчера вечером друг футболиста Элтон Джон сказал...

² Вчера вечером друг супружеской пары Элтон Джон сказал...

³ Вчера вечером друг супружеской пары Бекемов Элтон Джон сказал... (В российской прессе обычно используют неправильную транскрипцию фамилии футболиста: Бекхэм.)

жа? Я хочу сказать: зачем парочке Бекемов обладать Элтоном Джоном дважды? Или это глупый вопрос?

Однако преодолеем нарастающую панику, обратимся к третьему изданию «Справочника Фаулера по современному английскому языку» (1998) Роберта Берчфилда — и что же мы увидим? Двойной притяжательный падеж объясняется там так убедительно, что я начинаю сдаваться. Есть ли у меня возражения против конструкции *a friend of mine*¹ или *a friend of yours*²? Нет. Я бы никогда не сказала *a friend of me* или *a friend of you*. И — да, нужно говорить *a cousin of my mother's*³ и *a child of hers*⁴. Так вот, *a friend of the footballer's* — точно то же самое! Отказаться от двойного притяжательного падежа следует только в том случае, если вы увлечены не одушевленным предметом, а, скажем, Британским музеем. В последнем случае вы — *a lover of the British Museum*⁵, так как очевидно, что Британский музей не может — и вряд ли когда-нибудь сможет — ответить вам взаимностью.

Кажется, апостроф всем нам уже изрядно надоел, так что я добавлю всего пару слов, чтобы напоследок облегчить душу.

1. Один читатель написал мне, что я неправильно использую *one's* («типичная ошибка») и что надо писать *ones*. Это такая ерунда, что я даже спорить не хочу. Пойдите скажите Вирджинии Вулф, что надо было

¹ мой друг

² ваш друг

³ кузен моей матери

⁴ ее ребенок

⁵ любитель Британского музея

написать *A Room of Ones Own*¹ и посмотрите, что из этого выйдет.

2. Повторю еще раз: если слово можно заменить на *it is* или *it has*, то это *it's*:

*It's a long way to Tipperary*².

Если слово можно заменить на *who is* или *who has*, то это *who's*:

*Who's that knocking at my door?*³

Если слово можно заменить на *they are*, то это *they're*:

*They're not going to get away with this*⁴.

Если слово можно заменить на *there is*, то это *there's*:

*There's a surprising amount about the apostrophe in this book*⁵.

Если слово можно заменить на *you are*, то это *you're*:

*You're never going to forget the difference between "its" and "it's"*⁶.

Можно проклинать судьбу за то, что *it's* звучит, как *its*; *who's* звучит, как *whose*; *they're* звучит, как *their* (и *there*); *there's* звучит, как *theirs*; а *you're* звучит, как *your*.

¹ *A Room of One's Own* – «Собственная комната» (название эссе).

² Долог путь до Типперэри (известная песенка).

³ Кто стучится в мою дверь?

⁴ Им это даром не пройдет.

⁵ В этой книге на удивление много написано об апострофе.

⁶ Вы никогда не забудете разницу между *its* и *it's*.

Но если взрослый образованный человек путает эти слова, то нет ему прощения.

*This chapter is nearing its end*¹.

*Whose book is this, again?*²

*Some of their suggestions were outrageous!*³

*This is no concern of theirs!*⁴

*Your friend Elton John has been talking about you again*⁵.

;

В забавных колонках Бича в «Дейли экспресс», посвященных королевскому апострофщику, часто упоминается некий псевдоутешительный «закон сохранения апострофов». Признанный в XIII веке еретическим, этот закон утверждает, что в природе существует равновесие: «Взамен каждого апострофа, пропущенного в *it's*, появляется другой, вставленный в *its*». Таким образом, число находящихся в обращении апострофов остается неизменным, даже если из этого следует, что у нас становится в два раза больше поводов биться головой об стенку.

Единственный связанный с апострофами вид неграмотности, который вызывает у меня некоторое сочувствие, — это «ошибки зеленщика». Во-первых, потому что зеленщики — труженики, зарабатывающие на жизнь

¹ Эта глава близится к концу.

² Еще раз: чья это книга?

³ Некоторые их идеи были ужасны!

⁴ Это их не касается!

⁵ Ваш приятель Элтон Джон снова говорил о вас.

отноюдь не писательством. А во-вторых, потому что я согласна с ними: когда к слову, кончающемуся на гласную, добавляешь *s*, с ним происходит что-то странное и пугающее. Возьмем, к примеру, слово *bananas*: на первый взгляд можно подумать, что последний слог произносится как *ass*¹. Как можно сохранить произношение слова *banana* при переходе к множественному числу? Вставить апостроф перед *s*! Безусловно, если вы не знаете, что множественное число от *potato* — это *potatoes*, вам нет извинения, но если вы собирались просто добавить *s*, то искушение отделить эту букву от *o* с помощью того или иного значка кажется очень соблазнительным, потому что слово *potatos* уж точно бы произносилось *pot-at-oss*.

Более того: возмущаясь невежеством зеленщиков, многие не знают, что до XIX века апостроф, помимо всего прочего, отделял букву *s*, указывающую на множественное число, от иностранного слова с гласной на конце, чтобы не искажалось произношение. Поэтому в текстах XVIII века мы видим *folio's* и *quarto's* — и это смотрится весьма изысканно. Правда, лучше бы для этого был использован (или изобретен) другой знак, который облегчил бы бремя многострадального малыша-апострофа. Я даже слышала, что среди энтузиастов пунктуации существует движение за возврат к тильде (испанский значок, который имеется на каждой клавиатуре и выглядит так: ~). Тогда было бы: *quarto~s* и *folio~s*, не говоря уж о *logo~s*, *pasta~s*, *ouzo~s* и *banana~s*. Однако пока что ревнители чистоты очень возмущаются, когда кто-нибудь пишет *quarto's*. Как горько заметила профессор Лорето

¹ задница

Тодд в прекрасной книге «Справочник Кассела по пунктуации» (1995), «когда-то это считалось правильным — как считалось правильным пить чай из блюдца».

Остается надеяться, что в один прекрасный день число апострофов, правильно помещенных в *it's*, сравняется с числом апострофов, закономерно отсутствующих в *its*, а не наоборот. А до тех пор что делать нам — тем, кого тревожит злоупотребление апострофами? Во-первых, мы должны избавиться от ненавистного клейма «динозавры». Во-вторых — вооружиться. Вот список оружия, которое потребуется нам в борьбе за апостроф (остановитесь, когда почувствуете себя неудобно):

«штрих»,
 фломастеры,
 наклейки разных размеров, обычные (для заклеивания лишних апострофов) и цветные (для вставки недостающих апострофов),
 ведро с краской и кисть,
 камуфляжный костюм,
 канистра валерьянки,
 громкоговоритель,
 пистолет.

Говорят, один владелец магазина в Бристоле специально выставлял в витрине неграмотные объявления, чтобы заманивать покупателей: люди заходили высказать свое возмущение, а он уговаривал их что-нибудь купить. Не советую повторять такие трюки, когда в дело вступят наши боевые отряды. Мы — защитники апострофа — не будем сложа руки ждать, пока этот знак уничтожат. И не потому что мы динозавры, пьющие чай из

блюдец (ну и картинка!), а потому что мы благодарны апострофу, который веками облагораживал наши слова и уточнял их смысл. Он не виноват, что некоторым словам так нужна его помощь, и заслуживает высокой оценки за то, что безропотно ее оказывает. И напрасно некоторые беспринципные субъекты ратуют за его ниспровержение. Представьте себе сцену на следующий день после отмены апострофа: ликующий ниспровергатель хочет написать: *Goodbye to the Apostrophe: we're not missing you a bit!*¹ и не может этого сделать. Отмените апостроф — и не пройдет и часа, как потребуются изобрести его снова.

¹ Прощай, апостроф! Ты нам совсем не нужен!

Так держать, запятая!

Когда в 1930–1940 годах юморист Джеймс Тёрбер сотрудничал с редактором еженедельника «Нью-Йоркер» Гарольдом Россом, между ними часто возникали жаркие споры по поводу запятых. Любо-дорого представить, как эти альфа-самцы и выпивохи в фетровых шляпах стучат кулаками по столу и препираются из-за тонких нюансов пунктуации. Как вспоминает Тёрбер в своей книге «Годы с Россом» (1959), у Росса был «комплекс ясности»: ему казалось, что чем больше запятых, тем понятнее. Тёрбер же занимал прямо противоположную позицию: запятые представлялись ему опрокинутыми стульями, беспорядочно разбросанными по просторам удобочитаемости. Поэтому их спорам не было конца. Если Росс намеревался писать *red, white, and blue*¹ с максимально возможным количеством запятых, то Тёрбер демонстративно отказывался от запятых вовсе, отстаивая вариант *red white and blue* под тем провокационным предлогом, что «из-за этих запятых кажется, будто дождь идет; они придают флагу поникший вид».

Если вам хочется узнать о редакционной войне, возникшей на почве любви к запятым, читайте «Годы с Россом». Однажды Тёрбер даже послал Россу несколько строк стихотворения Вордсворта из цикла «Люси», в которых знаки были расставлены по правилам «Нью-Йоркера»:

¹ красный, белый и синий (цвета американского флага)

*She lived, alone, and few could know
When Lucy ceased to be,
But, she is in her grave, and, oh,
The difference, to me*¹.

Однако Росс был нечувствителен к сарказму, и Тёрберу пришлось капитулировать. В конце концов, Росс выписывал чеки, был начальником — и, конечно, превосходным редактором, который с подкупающей прямоотой написал однажды Г. Л. Менкену: «В редактировании мы дошли до такой степени замысловатости, что дальше, кажется, некуда. Не знаю, как с этим справиться». Так что запятые плодились и размножались. Однажды корреспондент спросил Тёрбера: «Почему у вас стоит запятая во фразе *'After dinner, the men went into the living-room'*²?» Его ответ можно назвать верхом изящества. «С помощью этой запятой, — объяснил Тёрбер, — Росс дал им время отодвинуть стулья и встать».

В чем же проблема? Откуда взялся простор для такого разнообразия мнений? Разве нет правил расстановки запятых, подобных правилам расстановки апострофов?

¹ В оригинале знаки расставлены так:

She lived alone, and few could know
When Lucy ceased to be;
But she is in her grave, and oh,
The difference to me!
Не опечалит никого,
Что Люси больше нет,
Но Люси нет — и оттого
Так изменился свет.
(Пер. С. Маршака.)

² После обеда мужчины перешли в гостиную.

Вообще-то есть; но, как ни странно, в случае с запятыми дело намного сложнее. Запятая — в гораздо большей степени, чем любой другой знак препинания, — привлекает внимание к смешанной природе современной системы пунктуации и к ее попыткам решить одновременно две задачи:

- 1) подчеркнуть грамматическую структуру предложения;
- 2) отразить, подобно нотной записи музыки, такие свойства речи, как ритм, высота, тональность, темп.

Потому-то взрослые люди в редакционных кабинетах и готовы затеять потасовку из-за запятых, что две эти роли пунктуации иногда вступают в прямое противоречие. В случае запятой это вообще происходит сплошь и рядом. В 1582 году Ричард Малкастер в «Началах» (одном из первых учебников по английской грамматике) описывал запятую как «маленькую закорючку, которая на письме завершает какую-то небольшую часть предложения, а при чтении предупреждает, что пора остановиться и сделать вдох». Впоследствии многие грамматисты XVII–XIX веков отмечали это различие. Когда Росс и Тёрбер, потрясая пепельницами, лезли в драку из-за цветов звездно-полосатого флага, это отражало глубинную двойственность пунктуации, которая уже более четырехсот лет отравляет людям жизнь. На странице знаки препинания выполняют свои грамматические функции, а в голове читателя они выходят за эти рамки — и подсказывают верный тон.

Если б только мы не начали читать молча, про себя! Все было очень просто, пока дело не испортила грамматика. Первый известный пример пунктуации приписывается Аристофану Византийскому (библиотекарию из Александрии, жившему около 200 года до н. э.); это система театральной разметки, в которой точки располагались на трех уровнях. Точки указывали актеру, в какой момент нужно набрать воздуха для длинного пассажа, фрагмента покороче или совсем короткого высказывания. Больше за этим ничего не стояло. Под словом *comma* в то время подразумевался относительно небольшой отрывок текста (значение этого греческого слова — «отрезок»). И когда в XVI веке слово *comma* вошло в английский язык, оно по-прежнему означало отдельную, обособленную группу слов, а вовсе не ту похожую на девятку или головастика хвостатую точку, которую мы знаем и любим. Полторы тысячи лет задача пунктуации сводилась к тому, чтобы вести актеров, певцов и чтецов по лабиринтам текста, указывая паузы, подчеркивая оттенки смысла и звука и оставляя синтаксис на произвол судьбы. Святой Иероним, который в IV веке перевел Библию на латынь, ввел систему пунктуации религиозных текстов *per cola et commata* (с разбиением на фразы), чтобы облегчить расстановку пауз при чтении вслух. В VI веке в южной Италии Кассиодор составил руководство *Institutiones Divinarum et Saecularium Litterarum* («Наставления в науках божественных и светских») для начи-

нающих писцов и включил в него пунктуацию, рекомендуя четкую расстановку пауз для ясности изложения. Надеюсь, кстати, что Гарольду Пинтеру все это известно; кто бы мог подумать, что у паузы такая внушительная родословная?

Конечно, очень многие значки, которыми пользовались усердные писцы, теперь кажутся странными. Конец текстового фрагмента отмечала похожая на семерку *positura*. Начало абзаца — зловещая загогулина, напоминающая виселицу (отступы стали использовать значительно позже). Для нас сейчас особенно важна *virgula suspensiva*, которая имела вид косой черты (/) и обозначала самую короткую паузу или заминку. Говоря о древней истории пунктуации, важно понять, что когда в основе литературы лежало рабелепное копирование священных текстов, простой писец не мог вставлять вспомогательные значки по собственному усмотрению — это было бы неслыханной дерзостью. Система пунктуации разрабатывалась медленно и тщательно не потому, что ей не придавали значения, а, напротив, именно потому, что она обладала мощной магической силой. Стоит сделать паузу не в том месте, и смысл религиозного текста может существенно измениться. Например, Сесил Хартли в 1818 году в «Принципах пунктуации, или Искусстве указания» предлагал сравнить следующие фразы:

*Verily, I say unto thee, This day thou shalt be with me in Paradise*¹

¹ Истинно говорю тебе, ныне [же] будешь со Мною в раю.

*Verily I say unto thee this day, Thou shalt be with me
in Paradise*¹

От размещения этой запятой зависят серьезные различия между двумя религиозными доктринами. Протестанты, которые при толковании этого стиха (Лука 23:43) придерживаются первой версии, игнорируют все неприятности, связанные с пребыванием в чистилище, — у них распятый разбойник сразу же отправляется со Спасителем на небеса. Во второй версии рай обещается в будущем (конкретный срок предполагалось оговорить особо); таким образом, чистилище превосходно вписывается в картину мира католиков. Утверждают, что в Библии короля Иакова (а заодно и в оратории Генделя «Мессия») аналогичным образом неверно интерпретирован стих третий из сороковой главы Книги Пророка Исаии. Снова сравните два варианта:

*The voice of him that crieth in the wilderness: Prepare
ye the way of the Lord*²

*The voice of him that crieth: In the wilderness prepare
ye the way of the Lord*³

А также:

*Comfort ye my people*⁴

(пожалуйста, пойдите и утешьте народ)

¹ Истинно говорю тебе ныне [же], будешь со Мною в раю.

² Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу (Ис. 40:3).

³ Глас вопиющего: в пустыне приготовьте путь Господу.

⁴ Утешайте народ Мой (Ис. 40:1).

*Comfort ye, my people*¹

(не горюйте, может, все еще обойдется)

Конечно, если бы в иврите или любом другом древнем языке использовались знаки препинания (а в случае с ивритом не помешала бы и парочка-другая гласных), то не понадобились бы двухтысячелетние усилия по толкованию библейских текстов, и бесчисленные мудрецы всех времен и народов могли бы проводить больше времени на свежем воздухе. Но в этих древних текстах знаков препинания не было. Вот в чем загвоздка. В латинских надписях долгое время и пробелов-то между словами не было, можете себе представить? Эти отсталые античные тексты (таблицы, заполненные сплошь заглавными буквами) были похожи на современные головоломки, в которые всматриваешься минут двадцать, прежде чем — эврика! — находишь слово КВИНТ-ЭССЕНЦИЯ, написанное по диагонали и задом наперед. Однако у системы непрерывного письма (*scriptio continua*) в то время были защитники. В V веке отшельник по имени Кассиан утверждал, что медленное извлечение смысла из текста не только тренирует ум, но и способствует прославлению Бога. И то верно: как не возблагодарить Всевышнего в миг озарения, когда невесть откуда чудесным образом всплывает слово КВИНТЭССЕНЦИЯ?

Интересно, правда же? Хотя надо признать, что в течение долгого времени в истории пунктуации мало что происходило. Все началось в IX веке, когда Алкуин из

¹ Утешайся, народ Мой.

Йорка, выполняя поручение изобретательного и дальновидного императора Карла Великого, придумал систему специальных значков, отмечавших конец фразы (в их числе был и один из самых древних вопросительных знаков). И все же западная система пунктуации оставалась чертовски неполноценной еще лет пятьсот, пока за дело не взялся один венецианский печатник. Этого потрясающего человека звали Альд Мануций Старший (1450–1515), и должна признаться, что хотя до прошлого года я ничего о нем не слышала, теперь просто локти кусаю, что мне не удалось стать матерью его детей.

Историческую роль Альда Мануция Старшего в мире печати трудно переоценить. Кто изобрел курсивный шрифт? Альд Мануций! Кто первым напечатал точку с запятой? Альд Мануций! Когда в XIV–XV веках, в эпоху расцвета книгопечатания, срочно потребовалась стандартная система пунктуации, кто ее ввел? Снова Альд Мануций. В магистерской диссертации Малколма Паркса «Пауза и ее значение» (1992), посвященной истории пунктуации на Западе, среди факсимильных иллюстраций выдающихся достижений Альда есть и страница из книги Пьетро Бембо «Этна» (1494), на которой можно разглядеть не только изящный латинский шрифт, но и первую в мире точку с запятой (поверьте мне, это незабываемое зрелище). Конечно, современная система пунктуации возникла не в одночасье, но Альд Мануций и его внук (которого, вот удача-то, звали точно так же) обычно считаются создателями целого ряда современных типографских значков. Для начала они спустили вниз и закруглили значок *virgule*, так что он стал походить на современную запятую. Они стали ставить двое-

точия и точки в концах предложений. Вот так. Или — что выглядит менее естественно с современной точки зрения — вот так:

Однако важнее всего то, что они игнорировали старую разметку, рассчитанную на чтение вслух. Теперь книги предназначались для чтения и понимания, а не для декламации. Шевелить губами уже считалось дурным тоном. За те семьдесят лет, которые отделяют эпоху Альда Мануция Старшего от эпохи его внука, произошли очень большие изменения; в 1566 году Альд Мануций Младший уже с полным основанием мог сказать, что основная задача пунктуации — прояснение синтаксиса. Забудьте о духовной ценности самостоятельного постижения смысла; забудьте о скромной роли древних переписчиков. И хотя итальянские печатники в роли оракулов вряд ли вызывали повсеместный восторг, *бесполезно было сопротивляться семейству, которое умудрилось изобрести курсив.*

Но что же произошло в ходе этих перипетий с нашей запятой? В промежутке между XVI веком и современностью она превратилась в этакую сторожевую собаку мира грамматики. Как мы скоро увидим, у запятой в качестве разделителя (знаки препинания традиционно делятся на ограничители и разделители) хлопот невпроворот. Она без устали носится по холмам и ущельям языка, организует слова в осмысленные группы и вынуждает их замереть на месте, сортирует и разделяет, окружает и сбивает в стада — и не забывает грозным лаем приструнить своевольное придаточное, возмечтавшее о семантической свободе. Если запятую не одернуть, она будет заниматься всем этим с неослабевающим энтузиазмом. К счастью, в

XX веке (начиная с вышедшего в 1906 году «Классического английского» Г. У. Фаулера) господствовала тенденция к упрощению пунктуации и постоянному уменьшению числа запятых. Но возьмите любой фрагмент из произведений писателей прошлого — и вы непременно увидите, что старая добрая запятая успешно развела слова по законам.

*Jones flung himself at his benefactor's feet, and taking eagerly hold of his hand, assured him, his goodness to him, both now, and at all other times, had so infinitely exceeded not only his merit, but his hopes, that no words could express his sense of it*¹.

Генри Филдинг,
«История Тома Джонса, найденыша», 1749

It needed a quick eye to detect, from among the huddled mass of sleepers, the form of any given individual. As they lay closely packed together, covered, for warmth's sake, with their patched and ragged clothes, little could be distinguished but the sharp outlines of pale faces, over which sombre light shed the same dull, heavy colour, with here and there a gaunt arm thrust

¹ Джонс припал к ногам своего благодетеля и, горячо пожав ему руку, сказал, что доброта его, и в настоящем случае, и прежде, настолько им не заслужена и настолько превосходит все его ожидания, что никакие слова не могут выразить его благодарности. (Здесь и далее цитаты из Филдинга приведены в пер. А. Франковского.)

*forth, its thinness hidden by no covering, but fully exposed to view, in all its shrunken ugliness*¹.

Чарльз Диккенс,
«Жизнь и приключения Николаса Никльби», 1839

Не мудрено, что вокруг запятых бушуют страсти. Почти всегда можно доказать, что смысл предложения прояснится, если добавить запятую. Или удалить. Стилисты постоянно колеблются, не в силах выбрать подходящее правило. Известно, что однажды Оскар Уайльд провел над уже законченной поэмой целый день, размышляя о сомнительной запятой. Гертруда Стайн считала запятую «холуйским» знаком и отказывалась иметь с ней дело. Питер Кэри умудрился получить Букеровскую премию 2001 года за книгу, в которой не было ни единой запятой («Подлинная история шайки Келли»). А в Интернете мне попалось эссе, в котором Джона Апдайка на полном серьезе упрекают в том, что этот безнравственный человек вопреки всем правилам использует «отрывки, шивки, сложносочиненные предложения без запятых, эллиптические подчиненные предложения с запятыми и тому подобное». Тем из нас, кто впервые

¹ Нужен был зоркий глаз, чтобы кого-нибудь узнать среди спящих, беспорядочно сбившихся в кучу. Когда они лежали, тесно прижавшись друг к другу, прикрытые от холода своей заплатанной и разорванной одеждой, мало что можно было разглядеть, кроме резких очертаний бледных лиц, которым хмурый свет придавал одинаковый тусклый серый оттенок; кое-где высывалась тощая рука — не было одеяла, чтобы скрыть ее худобу, и рука была выставлена напоказ, иссохшая и уродливая. (Пер. А. Кривцовой.)

слышит об эллиптическом подчиненном предложении с запятой, только и остается, что укоризненно поцокать языком.

Юристы вообще стараются держаться от запятой как можно дальше, видя в ней источник всяческих бед. Читатели же настолько свыклись с убывлю в ее рядах, что при виде надписи *No dogs please*¹ лишь один из тысячи удосужится отметить, что утверждение «собаки не доставляют удовольствия» — неоправданное обобщение, потому что многие собаки как раз доставляют удовольствие, более того: видят в этом свою основную задачу.

;

«Недостаточно выучить правила, чтобы правильно расставлять запятые». Это мнение великого сэра Эрнста Гауэрза; и должна признаться, что воспринимаю его как мощную поддержку со стороны классика. Тем не менее, правила расстановки запятых существуют, и стоит изучить хотя бы некоторые из них. Пикантность запятых — в том семантическом хаосе, который может возникнуть из-за их избытка (*What is this thing called, love?*²) или недостатка (*He shot himself as a child*³). Мой приятель из Новой Англии, руководитель группы чтецов Шекспира,

¹ Искаж. от *No dogs, please* — С собаками вход воспрещен.

² Что это значит, любовь моя? — искаж. от *What is this thing called love?* — Что такое любовь?

³ Он застрелился в детстве — искаж. от *He shot, himself, as a child* — В детстве он сам занимался стрельбой.

рассказал замечательную историю о человеке, игравшем Дункана в «Макбете». В первом акте тот с подобающим сочувствием выслушал отчет раненого солдата о битве, а затем ободряюще воскликнул: *Go get him, surgeons!*¹ (имелось в виду *Go, get him surgeons*²).

Но к таким забавным байкам мы перейдем постепенно. А пока поговорим серьезно. Подкрепитеесь лучше, вооружитесь карандашом, наморщите лоб и постарайтесь сосредоточиться на нижеследующем.

1. Запятые при перечислении

Это, наверное, первое, что вы узнали про запятые: они разделяют элементы списка, но не ставятся перед финальным *and*:

*The four refreshing fruit flavours of Opal Fruits are orange, lemon, strawberry and lime*³.

*I had a marvellous time eating in tavernas, swimming in the turquoise water, getting sloshed on retsina and not sending postcards*⁴.

*The colours of the Union Jack are red, white and blue*⁵.

Правило тут такое: запятая ставится, если ее можно заменить словом *and* или *or*. Например: *I had a marvellous*

¹ Врачи, кончайте его!

² Позовите ему врачей!

³ «Опал Фрутс» бывают четырех сортов: со вкусом апельсина, лимона, клубники и лайма.

⁴ Я прекрасно провел время: бродил по тавернам, плавал в бирюзовой воде, наслаждался местными винами и не отправлял открыток.

⁵ Цвета британского флага — красный, белый и синий.

time eating in tavernas and swimming in the turquoise water and getting sloshed on retsina and not sending postcards. Как видите, при подстановке союзов вместо запятой фраза становится громоздкой, но остается грамматически верной. Кстати, какой потерей для языка стала замена фирменного названия «Опал Фрутс» на «Старбёрст»!

Однако вы рано расслабились, нежась в кристально чистой лагуне запятушья. Видите запятообразный плавник, который несется к вам, угрожающе рассекая воду? Слышите тревожное стаккато виолончелей? Приготовьтесь отбиваться и звать на помощь, потому что это так называемая оксфордская запятая (известная также под названием запятой перечисления), и она куда опаснее, чем можно предположить по ее сухому академичному названию. У нее есть ярые защитники и непримиримые противники, и не дай вам бог оказаться на линии огня! Ох уж эта оксфордская запятая! Если вы еще не слышали о ней, то вот вам классический пример в исполнении Гарольда Росса: *The flag is red, white, and blue.*

Что вы о ней думаете? (Речь идет о запятой после слова *white*.) Вы — за или против? Колеблетесь? В Англии, где она не в чести, некоторые ее все-таки употребляют — например, она, как ни странно, встречается в «Справочнике Фаулера по современному английскому языку». И наоборот: в Америке, где ее принято ставить, некоторые (особенно журналисты) ее демонстративно игнорируют. Британские грамматисты признают, что иногда эта дополнительная запятая позволяет избежать путаницы — например, когда поблизости имеются и другие союзы *and*:

*I went to the chemist, Marks & Spencer, and NatWest¹.
I went to NatWest, the chemist, and Marks & Spencer.*

Однако, если вдуматься, спорить тут особенно не о чем. По-моему, не стоит подходить к оксфордской запятой слишком формально. Иногда она улучшает предложение, иногда — нет. Например, во введении к этой книге я уподобила знаки пунктуации дорожным знакам: *they tell us to slow down, notice this, take a detour, and stop².* В этом случае я считаю оксфордскую запятую уместной. Мне кажется, что если убрать запятую после слова *detour*, получится список из трех инструкций (последняя будет включать два действия), а не четырех. Здесь стилистические соображения в пользу запятой перевешивают грамматические, согласно которым она не нужна. Предложение явно замедляется: запятые последовательно жмут на тормоза. Если же запятую после слова *detour* убрать, то фраза неожиданно снова наберет скорость, вместо того чтобы плавно остановиться.

Прежде чем двигаться дальше, нужно сказать еще кое-что про запятые при перечислении. Если перечисляются прилагательные, применимо то же правило: запятые ставятся в тех местах, где можно было бы поставить *and* — когда определения относятся к одному и тому же предмету и характеризуют его с одной и той же стороны:

*It was a dark, stormy night.
(Ночь была темная и ветреная.)*

¹ Я пошел в аптеку, в магазин «Маркс-энд-Спенсер» и в банк «НатВест».

² Они указывают нам, когда нужно снизить скорость, обратить на что-то внимание, направиться в объезд или остановиться.

He was a tall, bearded man.

(Человек был высоким и бородатым.)

Однако в следующих примерах запятая НЕ нужна:

*It was an endangered white rhino*¹.

*Australian red wines are better than Australian white ones*².

*The grand old Duke of York had ten thousand men*³.

Дело в том, что во всех этих предложениях прилагательные сотрудничают между собой; перечисления тут нет. Носорог не вымирающий и белый. Вина не австралийские и красные. Герцог Йоркский не был великим и старым. Свадьба не была большой и греческой⁴.

2. Соединительные запяты

Запяты используются для объединения двух законченных предложений с помощью таких союзов, как *and*, *or*, *but*, *while* и *yet*:

*The boys wanted to stay up until midnight, but they grew tired and fell asleep*⁵.

¹ Это был белый носорог – исчезающий вид животных.

² Красные австралийские вина лучше белых.

³ У великого старого герцога Йоркского было десять тысяч солдат (строчка из английской народной песенки).

⁴ Имеется в виду фильм *My Big Fat Greek Wedding*, который в российском прокате шел под названием «Моя большая греческая свадьба».

⁵ Мальчики хотели не ложиться до полуночи, но устали и заснули.

*I thought I had the biggest bag of Opal Fruits, yet Cathy proved me wrong*¹.

Прошу прощения, если вам это кажется очевидным. Однако в случае с соединительными запяты опасность грозит с двух сторон: когда стилисты намеренно отбрасывают союз и оставляют запятую там, где требуется точка с запятой (это так называемая «запятая сшивки», в употреблении которой обвиняют Джона Апдайка), и когда используются неправильные союзы. Сначала о «сшивке».

*It was the Queen's birthday on Saturday, she got a lot of presents*².

*Jim woke up in an unfamiliar bed, he felt lousy*³.

Эту самую «запятую сшивки» использует столько уважаемых писателей, что можно сформулировать довольно несправедливое правило: ставьте ее только в том случае, если вы знамениты. Сэмюэл Беккет в своих произведениях «Моллой» и «Мэлон умирает» беззаботно сшивал все подряд, показывая нос точке с запятой. Вот так: *There I am then, he leaves me, he's in a hurry*⁴. Однако Беккет не просто гений — он еще и писал по-французски, хотя его никто не заставлял; так что приходится признать, что он честно заработал право нарушать правила

¹ Я думала, что у меня самый большой пакет с конфетами «Опал Фрутс», но Кэти меня переплюнула.

² В субботу у королевы был день рождения; она получила много подарков.

³ Джим проснулся в незнакомой кровати; он чувствовал себя погано.

⁴ Я прихожу туда; он покидает меня; он спешит.

грамматики по своему усмотрению. Опять же, он не одинок. Так поступал Э. М. Форстер, так поступал Сомерсет Моэм, и список этот можно продолжать до бесконечности. «Запятая сшивки», сознательно используемая известным писателем, смотрится эффектно, поэтично, дерзко. «Запятая сшивки», столь же сознательно используемая другими людьми, может выглядеть беспомощно или нахально. Эта же запятая, невежественно используемая невежественными людьми, ужасна.

А вот два союза, которые не следует использовать для соединения предложений с помощью запятой: *however* и *nevertheless*. Например: *It was the Queen's birthday on Saturday, nevertheless, she had no post whatever*¹; *Jim woke up in his own bed, however, he felt great*². Здесь нужно разбить предложение на два или воспользоваться столь популярной точкой с запятой.

It was the Queen's birthday on Saturday; nevertheless, she had no post whatever.

Jim woke up in his own bed; however, he felt great.

3. Запятые, означающие пропущенные слова

Будем надеяться, что полпути мы уже прошли. Во всяком случае, это совсем простой пункт: запятая может указывать на пропуск слов.

*Annie had dark hair; Sally, fair*³.

¹ В субботу у королевы был день рождения, но она не получила ни одного письма.

² Джим проснулся в собственной постели, но чувствовал себя прекрасно.

³ У Энни были темные волосы, у Салли – светлые.

Впрочем, в последнее время запятая редко выступает в этой роли. Интересно, почему?

4. Запятые перед прямой речью

Это, вероятно, исчезающее употребление. Многие авторы предпочитают двоеточие; другие попросту открывают кавычки — весьма недвусмысленный знак прямой речи. Я лично пользуюсь всеми способами попеременно. Но жаль будет, если это старое доброе применение запятой как указателя паузы для вдоха уйдет в прошлое.

*The Queen said, "Doesn't anyone know it's my birthday?"*¹

5. Запятые, отделяющие междометие

*Blimey, what would we do without it?*²
*Stop, or I'll scream*³.

6. Парные запятые

Здесь начинаются основные трудности. Парные запятые используют по аналогии со скобками, обозначая ими вставку — начало и конец ввода дополнительной информации. Запятые отмечают место, где читатель может, фигурально выражаясь, изящной двузубой

¹ «Разве никто не знает, что сегодня мой день рождения?» – спросила королева.

² Черт, что бы мы без этого делали?

³ Прекрати, или я закричу!

вилочкой аккуратно извлечь фрагмент текста без видимого ущерба для остального. Например:

*John Keats, who never did any harm to anyone, is often invoked by grammarians*¹.

*I am, of course, going steadily nuts*².

*Nicholas Nickleby, published in 1839, uses a great many commas*³.

*The Queen, who has double the number of birthdays of most people, celebrated yet another birthday*⁴.

Во всех этих примерах фрагменты, выделенные запятыми, можно спокойно удалить. При этом предложение может стать менее занимательным, но не потеряет грамматической целостности.

Кстати, как и в случае с другими парными выделителями (скобками, тире и кавычками), парные запятые могут стать орудием моральной пытки, если поставить открывающую запятую и не поставить закрывающую. Услышав грохот упавшего на пол башмака, читатель мучительно ждет падения второго. В театральных терминах это как если бы в первом действии на камин положили ружье, а в антракте героиня тихонько утопилась в ванне. Это попросту нечестно. Возьмем, к примеру, такую фразу: *The Highland Terrier is the cutest, and perhaps the best of all*

¹ Грамматисты постоянно взывают к ни в чем не повинному Джону Китсу.

² Я определенно схожу с ума.

³ В опубликованном в 1839 году романе «Николас Никльби» очень много запятых.

⁴ Королева, у которой в два раза больше дней рождения, чем у большинства, отпраздновала еще один день рождения.

*dog species*¹. Чувствительного читателя, ожидающего второй запятой (после слова *best*), такая небрежность совершенно обескураживает. Он чувствует себя обманутым, у него кружится голова. В отдельных случаях дело может дойти до обморока.

Однако почему парные запятые не всегда уместны? Один читатель написал как-то в «Телеграф» о типичной газетной ошибке, приводя такой пример: *The leading stage director, Nicholas Hytner, has been appointed to the Royal National Theatre*². Нужны ли здесь запятые, задавался вопрос. Конечно, нет! Во-первых, если убрать из этой фразы слова «Николас Хитнер», она потеряет всякий смысл. Впрочем, тут есть и более серьезная грамматическая подоплека. Рассмотрим разницу между следующими фразами:

*The people in the queue who managed to get tickets were very satisfied*³.

*The people in the queue, who managed to get tickets, were very satisfied*⁴.

В первом случае отсутствие запятых позволяет сделать вывод, что повезло не всем, кто стоял в очереди. Некоторым билетов не досталось. (А уж те, кому билетов хватило, ясное дело, ликовали.) Во втором случае все,

¹ Вест-хайлендский терьер – самая забавная и, возможно, лучшая порода собак.

² Художественным руководителем Королевского национального театра назначен известный режиссер Николас Хитнер.

³ Те из очереди, кому достались билеты, были очень довольны.

⁴ Получившая билеты очередь осталась очень довольна.

кто стоял в очереди — ура, ура, — получили билеты (хочется верить, что билеты были на что-то хорошее). Главное — является выделенный запятыми фрагмент «определяющим» или нет. Если оборот «определяющий», запятые ему не положены:

*The Highland Terriers that live in our street aren't cute at all*¹.

Однако если информация не является «определяющей», ее следует выделить запятыми:

*The Highland Terriers, when they are barking, are a nightmare*².

И вот еще любопытный штрих. Если вставной фрагмент находится в начале или конце предложения, то правило парных запятых тоже применимо, хотя налицо лишь одна из них. С грамматической точки зрения следующие предложения эквивалентны:

*Of course, there weren't enough tickets to go round*³.
There weren't, of course, enough tickets to go round.

А можно сказать еще и так:

There weren't enough tickets to go round, of course.

В наше время запятые вокруг вставки перестают быть обязательными. И, честно говоря, меня это только

¹ В вест-хайлендских терьерах, живущих на нашей улице, нет ничего забавного.

² Эти вест-хайлендские терьеры, когда они лают, — чистый кошмар.

³ Конечно, на всех билетов не хватило.

радует. А вот в таких случаях у меня начинаются конфликты с редакторами:

*Belinda opened the trap door, and after listening for a minute she closed it again*¹.

Тут все в порядке. Не очень изящно, но запятая использована грамматически верно — как соединительная перед *and*. Однако редакторы, как правило, при виде подобного предложения свирепеют. И переделывают его так:

Belinda opened the trap door and, after listening for a minute, closed it again.

Мне кажется, здесь вступают в конфликт два способа применения запятых, и проблема возникает просто из-за похвального стремления автора и редактора выбрать один из них. В прошлые века, как мы видели на примерах из Филдинга и Диккенса, было принято соблюдать все до единого правила постановки запятых:

Belinda opened the trap door, and, after listening for a minute, she closed it again.

Теперь же грамматическая вычурность вышла из моды. Нашпигованный запятыми фрагмент, который в прошлом говорил бы о тщательном и квалифицированном редактировании, в наше время — просто признак бесхребетности. Дотошно расставляя все запятые, вы

¹ Белинда открыла люк и, послушав минуту, снова закрыла.

расписывается в моральной слабости, избытке свободного времени и наличии устаревших справочников. Вернемся снова в «Нью-Йоркер»: Тёрбер пишет про «анекдот о гризоне» — как торговец мылом внезапно замечает на крыльце в Нью-Джерси гризона (южноамериканского хищника вроде горноста). Потребовав от Росса не менять в его фрагменте ни слова, Тёрбер явно напросился на неприятности. Торговец у него говорит: *It preserves the fine texture of the most delicate skin and lends a lasting and radiant rosiness to the complexion my God what is that thing?*¹ Росс, конечно же, вставил запятую после *my God*. Просто не мог удержаться.

;

Самого важного правила в отношении запятых нет ни в одном учебнике грамматики. Однако запомнить его легко: не ставьте дурацких запятых. Именно так. Запятая, как никакой другой знак препинания, требует вдумчивого подхода и чуткости к возможным двусмысленностям. Например:

1. *Leonora walked on her head, a little higher than usual*².

2. *The driver managed to escape from the vehicle before it sank and swam to the river-bank*³.

¹ Оно обеспечивает бережный уход даже самой чувствительной коже и надолго придает лицу лучезарный румянец о боже что это?

² Леонора шла на голове, под кайфом чуть больше обычного.

³ Прежде чем автомобиль утонул и доплыл до берега, водитель успел из него выбраться.

3. *Don't guess, use a timer or watch.*

4. *The convict said the judge is mad*¹.

В первом примере запятая должна стоять после *on*². Во втором случае получается, что на берег выплыл автомобиль, а не водитель. Тут нужно было поставить запятую после *sank*³. Третье предложение особенно интересно, потому что в нем смысл меняется на прямо противоположный. Кажется, что сказано следующее: «Не надо ни гадать, ни пользоваться таймером или часами», хотя на самом деле вам всего лишь рекомендуют не гадать. Поэтому вместо запятой здесь нужно поставить после *guess* точку с запятой или просто точку⁴. С четвертым предложением, казалось бы, все в порядке — если только не подразумевалось иное: *The convict, said the judge, is mad*⁵.

Есть два дурацких способа использования запятой, на которые стоит обратить особое внимание, потому что они встречаются все чаще. Один был описан в конце 1970-х в рубрике «Английский язык» журнала «Ньюстейтсмен» под названием «запятая невежды»: «Запятая невежды не несет вообще никакой синтаксической нагрузки. Ее можно уподобить судорожному вдоху, сделанному бездарным автором при изложении спутанных

¹ Осужденный сказал, что судья – сумасшедший.

² Тогда получится: Леонора продолжила свой путь, вскинув голову чуть выше обычного. (Из рассказа Марии Эджуорт «Браслеты».)

³ Тогда получится: Прежде чем автомобиль утонул, водитель успел из него выбраться и доплыл до берега.

⁴ Не надо гадать – воспользуйтесь таймером или часами.

⁵ Осужденный, по словам судьи, сумасшедший.

мыслей». Вот процитированный в «Нью стейтсмен» пример из «Гардиан»:

*The society decided not to prosecute the owners of the Windsor Safari Park, where animals, have allegedly been fed live to snakes and lions, on legal advice*¹.

Запятая после *animals* не только неуместна и противоречит правилам, но и ввергает конец фразы (*on legal advice*) в пучину семантического хаоса. Между тем все чаще встречаются идиотские фразы наподобие: *Parents, are being urged to take advantage of a scheme designed to prevent children getting lost in supermarkets*² и *What was different back then, was if you disagreed with the wrong group, you could end up with no head!*³

Труднее справиться с другой напастью: в заголовки новостей проникает американский телеграфный стиль, и запятая все чаще заменяет слово *and*. Например:

*UK study spurns al-Qaeda, Iraq link*⁴
*Mother, three sons die in farm fire*⁵

¹ Неуклюже построенное предложение; подразумевалось: «По совету юристов общество решило не преследовать владельцев Виндзорского сафари-парка, где животных якобы скармливали живьем змеям и львам».

² Родителям рекомендуется воспользоваться схемой, призванной предотвратить потерю детей в супермаркете.

³ В старые времена специфика была в том, что при неудачном выборе оппонентов вы рисковали остаться без головы!

⁴ Британские исследователи отрицают связь между Аль-Каидой и Ираком.

⁵ Мать и трое сыновей погибли при пожаре на ферме.

’

Вот и почти все о запятой. Осталось только упомянуть о ее роли в юридическом языке. Может сложиться впечатление, что юристы полностью отказались от нее; это, конечно, не так, но их исторически сложившуюся настороженность можно понять. Например, иногда говорят, что сэр Роджер Кейсмент (1864–1916), пытавшийся поднять восстание в Ирландии, был повешен на запятой — что звучит крайне загадочно и выставляет правосудие в неприглядном виде. Как это можно повесить на запятой? Разве веревка не соскочит? На самом деле, в 1916 году Кейсмент, высадившийся с немецкой подлодки в Ирландии, был арестован и осужден по Закону об измене от 1351 года. При этом его адвокат пытался уцепиться за пунктуацию — последнее прибежище негодяя¹. Впрочем, беднягу нельзя винить — ему, должно быть, казалось, что попробовать стоит. Он упирал на то, что Закон об измене не только написан на нормандском французском, но и не содержит знаков препинания, поэтому допускает различные интерпретации. Спор разгорелся из-за слов, которые в буквальном переводе на английский звучат так:

¹ Парафраз знаменитого афоризма Сэмюэла Джонсона: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя».

*If a man be adherent to the king's enemies in his realm giving to them aid and comfort in the realm or elsewhere ...*¹

Защита утверждала, что, поскольку Кейсмент не был сторонником врагов короля «в королевстве» (а даже наоборот — добросовестно строил свои коварные планы за границей), то он невиновен. Уверяю вас, можно часами разглядывать этот набор слов, но так и не постичь смысла сего душераздирающего спора. Ясно, что Кейсмент был осужден на основании оборота *or elsewhere*, как тут ни расставляй запятые. Однако двое судей дисциплинированно потащились в Государственный архив, чтобы исследовать оригинал закона, и под микроскопом обнаружили неясную, но очень полезную запятую после второго слова *realm*, которая все и прояснила (только не спрашивайте как). Судья Юстус Дарлинг постановил, что слова *giving aid and comfort to the king's enemies* являются приложением:

«Это слова, объясняющие, что имеется в виду под «быть сторонником»; и мы полагаем, что если человек является сторонником врагов короля в ином месте, то он, тем не менее, является сторонником врагов короля. А если он является сторонником врагов короля, то он совершает измену, согласно определению, данному в законах Эдуарда III».

¹ Человек, являющийся сторонником врагов короля в его королевстве и оказывающий им помощь и поддержку в его королевстве или в ином месте...

Интересно, почему эта история запомнилась под хлестким названием «повешенный на запятой»? Вернее было бы — «пытавшийся спастись на запятой».

Аналогичный спор из-за запятой бушует и в наше время, хотя дело не имеет столь громкого резонанса. В апреле 1991 года Грэм Грин на смертном одре исправил и подписал печатный документ, ограничивающий (или нет?) доступ к его бумагам, которые хранятся в Джорджтаунском университете. Исходная версия документа гласила:

*I, Graham Greene, grant permission to Norman Sherry, my authorised biographer, excluding any other to quote from my copyright material published or unpublished*¹.

Поскольку Грин всю свою жизнь вычитывал гранки, он автоматически вставил запятую после *excluding any other* и на следующий день умер, не объяснив, что он этим хотел сказать. В итоге возникло серьезное затруднение. Запрещено ли цитирование всем остальным исследователям? Или только другим биографам? Директор библиотеки в Джорджтауне полагает, что никто, кроме Нормана Шерри, вообще не вправе заглядывать в материалы писателя. Другие, включая сына Грина, утверждают, что запятая имела целью показать, что Шерри — единственный официальный биограф. Здесь, кстати, уместно упомя-

¹ Я, Грэм Грин, предоставляю моему официальному биографу Норману Шерри, исключая всех остальных, право приводить цитаты из всех моих защищенных авторским правом материалов, как опубликованных, так и неопубликованных.

нуть, что пресловутый юридический английский, несмотря на его потуги предусмотреть все возможности, почти всегда оставляет место для семантической неопределенности, как в данном случае; и если бы Грину было позволено написать попросту «Пусть все мои работы читает только Норман Шерри, а больше никто» или «Пусть другие биографы ничего не цитируют, а в остальном доступ открыт всем», спорить было бы не о чем.

Виньетки

Когда мне было лет четырнадцать, одноклассница, проводившая летние каникулы в Мичигане, нашла мне американскую подружку для переписки. В этой истории гордиться мне нечем — по правде говоря, я надеюсь в один прекрасный день совсем о ней забыть: в конце концов, сопутствующая документация сводится к жалким трем страницам, и издательство «Оксфорд юниверсити пресс» пока не выразило желания издать ее в виде монографии с примечаниями и предметным указателем. Но сейчас мне хочется облегчить душу, так что слушайте. Суть в том, что Керри-Энн была обычным подростком без всяких литературных претензий. Это почему-то очень сильно подействовало на рано пробудившееся во мне синечулочное начало. Ее первое письмо (она отважно ввела мяч в игру) повергло меня в шок. Оно было написано большими детскими каракулями на розовой бумаге и пестрело орфографическими ошибками, а вместо точек над буквами *i* красовались пузырьки. «Я светлая блондинка с легкой россыпью веснушек», — писала она. Теперь-то я понимаю, что от восьмиклассницы из Детройта трудно было ожидать слога Сэмюэла Джонсона. С другой стороны, какой мне был прок от переписки с этой скучной дурындой, которая гордилась своей избыточной пигментацией?

До сих пор стыжусь того, как я обошлась с Керри-Энн (которая — как и следовало ожидать — больше мне не писала). Ответ на ее детское письмо я написала авто-

ручкой на взрослой зеленой почтовой бумаге. Не помню, облачилась ли я по такому случаю в смокинг, но знаю, что намеренно обронила словечко «бессистемно», и, кажется, даже подпустила кое-что по-французски. Претенциозно? Если перефразировать известное высказывание Гюстава Флобера, в котором он отождествил себя с Эммой Бовари, то *Adrian Mole, âgé de treize ans et trois quarts ... c'est moi*¹. Однако сейчас я вспоминаю об этой постыдной подростковой эскападе прежде всего потому, что, стремясь раздавить несчастную Керри-Энн, пустила в ход все средства, вплоть до точки с запятой. «Телевизионные передачи я смотрю весьма бессистемно; я нахожу в них мало примечательного», — писала я. И чувствовала себя превосходно. Просто великолепно. Вспоминается эпизод из «Крокодила Данди», когда его грубоватый герой, издеваясь над перочинным ножиком незадачливого грабителя, хвастается собственным устрашающим оружием: «Разве ж это нож? ВОТ — НОЖ».

В этой главе я хочу взглянуть на пунктуацию как на искусство. И, конечно же — к большому удовольствию писательской части аудитории, — здесь перед нами прежде всего вальсируют двоеточие и точка с запятой. Только посмотрите на эти изысканные знаки препинания, так и сверкающие в свете софитов: разве они не прекрасны? Какое изящество, не правда ли? Спросите профессионала пера о пунктуации, и он не станет стучать по столу, ратуя за правильное использование апострофа, —

¹ Адриан Моул, тринадцати лет и девяти месяцев от роду, — это я (франц.). (Адриан Моул — персонаж романа Сью Таунсенд, подросток, мнящий себя интеллектуалом и талантливым поэтом.)

он запричитает о горестной судьбе точки с запятой. Неужели этот знак вымирает? Что мы будем делать без него? Вы заметили, что в газетах он встречается все реже? Спасите точку с запятой! Без них наше мастерство придет в упадок! И такая привязанность вполне оправдана. Возвращаясь к уже рассмотренным знакам препинания: требуется ли особое мастерство, чтобы правильно поставить апостроф? Да нет. Верное употребление апострофа — как доказательство от противного: показывает, что вы не тупица. Запятая в меньшей степени подчинена универсальным правилам, но все же и она — чисто утилитарный знак. Она носится высунув язык, изо всех сил стараясь услужить как смыслу, так и звучанию фразы, и выбивается из сил за жалкую миску похлебки. Хорошее владение запятыми показывает, что у вас есть здравый смысл, чувство ритма, уверенность в собственном стиле и должное уважение к читателю, — но не говорит о высоком мастерстве.

А вот двоеточие и точка с запятой — совсем другое дело! Только с ними можно воспарить по-настоящему! Если считать, что фраза набирает высоту, начиная с первой заглавной буквы, и мягко приземляется, добравшись до точки, то скромная запятая может долго, часами, держать фразу на лету, нежно подхватывая в полете, вот так, позволяя ей совершать всяческие кульбиты, то падать, то снова взмывать вверх, вот как сейчас, если, конечно, вам есть еще что сказать, хотя под конец у вас могут иссякнуть идеи, и вы просто покатитесь по земле без всяких запятых до полного выпуска пара за счет силы трения и с помощью трех точек... до полной остановки. Но подлинного полета можно достичь только с помощью теплых воздуш-

ных потоков: именно они возносят нас на небывалую высоту, позволяют парить и совершать фигуры высшего пилотажа, позабыв о земном притяжении; эту радость полета дарят нам двоеточие и точка с запятой. Не верите мне — спросите у Вирджинии Вулф:

As for the other experiences, the solitary ones, which people go through alone, in their bedrooms, in their offices, walking the fields and the streets of London, he had them; had left home, a mere boy, because of his mother; she lied; because he came down to tea for the fiftieth time with his hands unwashed; because he could see no future for a poet in Stroud; and so, making a confidant of his little sister, had gone to London leaving an absurd note behind him, such as great men have written, and the world has read later when the story of their struggles has become famous¹.

Вирджиния Вулф,
«Миссис Дэллоуэй», 1925

Проследите за полетом этого предложения. Поразительно. Просто невероятно, как долго оно парит в небесах. Никто не против, если я съем последний бутерброд?

¹ Что же до всех прочих переживаний, которые каждый одолевает в одиночку, в спальне, за рабочим столом, бродя по полям, и лугам, и по лондонским улицам, — они были у него; совсем мальчишкой он ушел из дому, из-за матери; она лгала; потому что он в сотый раз вышел к чаю, не вымывши рук; потому что в Страуде, он это понял, для поэта не было будущего; и вот он посвятил в свой замысел только сестренку и сбежал в Лондон, оставив родителям нелепую записку, какие пишут все великие люди, а мир читает только тогда, когда уже притчей во языцех делается история их борьбы и лишений. (Пер. Е.Суриц.)

Конечно, в литературном мире нет ничего однозначного. Среди писателей есть как поклонники точки с запятой, так и превосходные стилисты, которые отвергают этот знак препинания, считая его, если хотите, буржуазным. Джеймс Джойс любил двоеточие как подлинно классический знак; П. Г. Вудхауз прекрасно себя чувствовал без него; Джордж Оруэлл в романе «За глотком свежего воздуха» (1939) старался вообще обходиться без точки с запятой, а в 1947 году заявил своему редактору: «Я пришел к выводу, что точка с запятой — ненужный знак, и решил написать следующую книгу без него». Мартин Эмис в своем романе «Деньги» (1984) воспользовался точкой с запятой всего один раз и был впоследствии как никогда доволен собой. Американский писатель Доналд Бартелми писал, что точка с запятой «отвратительно уродлива, как клещ на брюхе собаки». Фэй Уэлдон замечает за собой явную нелюбовь к точке с запятой. «А это странно, — пишет она, — потому что обычно я ни к кому не испытываю неприязни». Гертруда Стайн, ярый враг всей и всяческой пунктуации (помните, она говорила, что запятая — холуйский знак?), утверждала, что точка с запятой считает себя выше запятой, но ошибается:

Она более могущественна более внушительна более претенциозна чем запятая но все же она запятая. По своей внутренней самой глубинной сути она все равно запятая.

Гертруда Стайн,
«Поэзия и грамматика», 1935

Однако стоит ли обращать внимание на неразумных снобов, которые отказываются от точки с запятой? Я считаю, что не стоит. По мне, так они просто воображали. И очень здорово, что когда какой-то высоколобый читатель поздравил Умберто Эко с тем, что в его романе «Имя розы» (1983) ни разу не встречается точка с запятой, писатель — как гласит легенда — весело объяснил, что печатал книгу на машинке без этого знака, поэтому не стоит делать далеко идущих выводов.

Неписатели относятся и к двоеточию, и к точке с запятой с опаской — не в последнюю очередь из-за всех этих высокоумных споров. Эрик Партридж в книге «Прямо в точку» (1953) пишет, что использовать двоеточия при письме так же сложно, как перекрещивать руки при игре на фортепьяно. К сожалению, оправдать свое неумение пользоваться двоеточием и точкой с запятой может каждый лентяй: арсенал убедительных причин давно готов. Вот самые популярные:

- 1) эти знаки устарели;
- 2) они буржуазны;
- 3) они необязательны;
- 4) их связь с паузами загадочна;
- 5) они вызывают опасное привыкание (см. Вирджинию Вулф);
- 6) различие между ними столь ничтожно, что недоступно разуму.

Надеюсь, на следующих страницах нам удастся благополучно развеять все эти мифы. Стоит заметить, одна-

ко, что стилисты с Флит-стрит¹ разделяют большинство из перечисленных выше предубеждений, особенно в отношении точки с запятой — знака, который они все чаще с пуританским удовлетворением вычеркивают. За последнее время точка с запятой вышла из моды в газетном мире. Обычно это объясняют тем, что читатели газет предпочитают короткие предложения, абзацы «на один укус» и тексты без всяких червячков. На самом деле, причина кроется скорее в прискорбном неумении редакторов правильно расставлять знаки препинания и в их привычке не доверять авторам статей, даже явно компетентным. Но оставим это. Не стоит пытаться повернуть время вспять. Великий театральный критик Джеймс Эйгат в 1935 году отметил в своем дневнике, как некий известный своей скрупулезностью журналист «однажды продиктовал точку с запятой по телефону из Москвы». Вот так. Можно себе представить, какую реакцию это вызвало бы в наши дни.

;

Действительно ли двоеточие и точка с запятой старомодны? Нет; но они стары. Наш знакомец Альд Мануций напечатал первую точку с запятой всего через два года после отплытия Колумба в Новый Свет. Причем сделал это в том же месте и в то же время, где и когда был изобретен

¹ Улица в Лондоне, на которой до 90-х годов XX века находились редакции большинства крупнейших газет.

бухгалтерский учет. И хотя лицемерие этого знака 1494 года издания по-прежнему повергает меня в трепет, оказывается, это был не первый случай, когда точку поместили на голову запятой. Средневековые писцы в своих латинских списках отмечали сокращения очень похожим на точку с запятой значком (например, вместо *atque* писали *atq;*). Греки обозначали этим знаком вопрос (и продолжают в этом упорствовать, чудачки). В средние века переписчики ставили подозрительно похожий значок (под названием *punctus versus*) в конце псалма. Однако признаемся честно: нам нет дела до замшелых средневековых монахов. Нас волнует другое: попав в английский язык задолго до 1700 года, двоеточие и точка с запятой с тех самых пор вызывают затруднения. Грамматисты выработали правила их применения только в последние десятилетия — то есть, как ни прискорбно, именно тогда, когда современные средства связи грозят положить конец всем нюансам пунктуации.

Долгие годы специалисты никак не могли ухватить суть различий между двоеточием и точкой с запятой. Двоеточие вроде бы считалось более книжным. Один грамматист в 1829 году сокрушался, что эти два знака являются «извечным источником бесплодных споров». Однако постепенно сложилось мнение, что путь к примирению лежит через упорядочивание знаков по весу: самый легкий знак — запятая, потом идет точка с запятой, двоеточие и точка. Сесил Хартли включил в свою книгу «Принципы пунктуации, или Искусство указания» (1818) следующий стишок, посвященный этой весовой иерархии:

Указывают знаки препинанья
 Нам в предложеньях длительность молчанья.
 На запятой — скажи-ка «раз» (не вслух!),
 Где точка с запятой — считай до двух,
 Где двоеточье — счет до трех идет,
 До четырех на точке нужен счет¹.

Такая сортировка знаков препинания по длине связанных с ними пауз долгое время не вызывала возражений. А по мне, это просто чушь. Полная ерунда. Ну кто считает до двух? Кто считает до трех? Только представьте себе всех этих бедолаг, которые триста лет корпели за письменными столами, отстукивая ритм карандашом. Они пытались понять, как лучше звучит: *To err is human* — тук, тук — *to forgive divine* или *To err is human* — тук, тук, ТУК — *to forgive divine*², пока их не начинали душить рыдания — оба варианта звучали одинаково паршиво. То, что точка с запятой весит слегка больше запятой, а двоеточие чуть легче точки, никак не характеризует эти знаки, а главное — не помогает их различать. Они все-таки не мешки с сахаром, подвешенные на поясе у предложения, чтобы оно не бежало слишком быстро. Совсем наоборот. Вот что говорит о точке с запятой американский эссеист Льюис Томас:

Точка с запятой указывает на то, что в предыдущем предложении есть какая-то недосказанность; требуется что-то добавить... Точка сообщает, что все сказано; может, вы и не получили всего, чего хоте-

¹ Пер. С. Шоргина.

² Человеку свойственно ошибаться, Богу — прощать.

ли или ожидали, но автор выдал все, что собирался, так что пора двигаться дальше. А вот точка с запятой дарит предвкушение; вас ждет еще что-то; продолжайте читать — все прояснится.

«Медуза и улитка», 1979

Эти знаки препинания говорят прежде всего об ожиданиях; об ожиданиях и их интенсивности. Они, как пружины, продвигают вас вдоль фразы к новой информации, и основное различие между ними сводится к тому, что точка с запятой может повести в любую сторону (ну-ка, чем вы меня удивите?), а двоеточие подталкивает в уже заданном направлении. Ну и как же, скажите на милость, такие полезные знаки могут быть не обязательными? Что касается их «буржуазности», то если они буржуазны, значит, я — носорог. Из перечисленных выше претензий к точке с запятой и двоеточию я готова рассматривать только одну: точка с запятой вызывает опасное привыкание. Многие писатели, запавшие на точку с запятой, становятся позорищем для друзей и близких. Литературные агенты вкрадчиво напоминают им: «А вот Джордж Оруэлл обходился без нее. Вспомните, чем кончил Марсель Пруст: продолжайте в том же духе — и вы тоже окажетесь в комнате, обитой пробковым деревом». Но писатели, раскачиваясь в своих рабочих креслах и тихо постанывая, жмут на заветную клавишу. Говорят, в элитарных клиниках начали предлагать курсы избавления от этой зависимости, но многих уже не вернуть. Хилари Мантел в автобиографической книге «Отказ от призрака» (2003) признается: «Я постоянно нахожусь в зависимости от чего-нибудь — обычно в той

сфере, где нет групп поддержки. Например, без точки с запятой я не могу продержаться дольше двух сотен слов».

Итак, начнем с двоеточия: как его применять? Г. У. Фаулер считал, что двоеточие «доставляет товар, заказанный в предыдущей фразе», и это неплохое сравнение для начала. Однако сакральный текст о двоеточии и точке с запятой — это письмо Бернарда Шоу (1924) Т. Э. Лоуренсу, в котором он упрекает автора «Семи столпов мудрости» в избыточном использовании двоеточий. Эта роскошная эпистола начинается с высокомерного: «Дражайший Луранс¹ [sic], к дьяволу вас и вашу книгу: вам можно доверять перо не более, чем торпеду — ребенку», а дальше становится еще более оскорбительной и смешной. Шоу объясняет, что, выработав собственную систему употребления двоеточия и точки с запятой, он проверил ее на Библии и убедился, что в Библии почти все правильно. Опираясь на столь авторитетный источник, он возмущается небрежностью Лоуренса. «Я ревностно приберегаю двоеточия для определенного рода эффектов, которых нельзя достичь с помощью других знаков, — объяснял Шоу. — Поскольку вам закон не писан и вы порой совершенно беспардонно швыряетесь двоеточиями, то вот вам несколько правил».

Шоу знаменит своеобразием своей пунктуации. В частности, точкой с запятой он защищал свои тексты от актерского произвола. Например, когда Ральф Ричардсон в роли Блунчли в постановке 1931 года пьесы «Оружие и человек» (1894) попытался вставить в начальные реплики несколько драматических вздохов и приды-

¹ Шоу использовал дружеское прозвище писателя Лоуренса — *Luruns*.

ханий, Шоу немедленно остановил его, велел забыть о натурализме и следовать пунктуации. Как вспоминает Ричардсон, Шоу сказал: «Все это очень хорошо и, возможно, годится для Чехова, но не для меня. Из-за ваших судорожных вдохов рассыпаются все мои точки и точки с запятыми, которых вы обязаны придерживаться». Ричардсон считает, что Шоу был прав: стоит пропустить хотя бы один из его знаков препинания — «и мелодия нарушается». Посмотрите на любой текст Шоу — и вы увидите переизбыток двоеточий и точек с запятыми, намеренно выделенных пробелами, чтобы привлечь к ним внимание, как будто это настоящая музыкальная запись.

*Captain Bluntschli. I am very glad to see you ; but you must leave this house at once. My husband has just returned with my future son-in-law ; and they know nothing. If they did, the consequences would be terrible. You are a foreigner : you do not feel our national animosities as we do*¹.

«Оружие и человек», акт II

Сегодня было бы безумием подражать Джорджу Бернарду Шоу в том, что касается точки с запятой. Однако о двоеточии он говорит в том же письме Т. Э. Лоуренсу совершенно здравые вещи. Если два утверждения «явно и решительно сопоставлены», пишет

¹ Капитан Блунчли, я очень рада видеть вас, но вы должны немедленно покинуть этот дом. Только что вернулся мой муж с моим будущим зятем, и они ничего не знают. Если бы они узнали, это привело бы к страшным последствиям. Вы — иностранец; вам не понять наших национальных распрей.

он, нужно двоеточие: *Luruns could not speak: he was drunk*¹. Шоу объясняет Лоуренсу, что двоеточие нужно, когда второе утверждение подтверждает, объясняет или иллюстрирует первое; кроме того, оно служит для создания эффекта неожиданности: *Luruns was congenitally literary: that is, a liar*².

Вы увидите [пишет Шоу], что ваши двоеточия перед *but* и тому подобными словами противоречат моей схеме и лишают вас резервных средств в описанных выше драматических обстоятельствах. Точку с запятой вы вообще практически не используете. Это признак умственной неполноценности, порожденной, вероятно, бивуачной жизнью.

Итак, роль двоеточия постепенно проясняется. Ему почти всегда предшествует законченное высказывание, и в простейшем случае задача двоеточия — эффектно объявить о том, что воспоследует далее. Как опытный ассистент фокусника, оно слегка медлит, чтобы вы немного поволновались, а затем ловко сбрасывает платок — и вы видите, что фокус удался.

Взгляните на эти примеры: правда, вам слышится торжествующее «Ага!» каждый раз, когда вы встречаете двоеточие?

This much is clear, Watson: it was the baying of an enormous hound.

(Элементарно, Ватсон — ага! — это был лай огромной собаки.)

¹ Луранс не мог говорить: он был пьян.

² Луранс был прирожденный литератор, то есть лжец.

Tom has only one rule in life: never eat anything bigger than your head.

(У Тома в жизни было только одно правило — ага! — никогда не ешь ничего крупнее своей головы.)

I pulled out all the stops with Kerry-Anne: I used a semicolon.

(В письме Керри-Энн я пустилась во все тяжкие — ага! — я использовала точку с запятой.)

Однако не все двоеточия выступают с объявлениями. Помимо двоеточия типа «ага!» существует двоеточие типа «увы!», которое показывает, что в исходном утверждении скрывается дополнительный смысл:

I loved Opal Fruits as a child: no one else did.

(В детстве мне нравились «Опал Фрутс» — уввы! — больше их никто не любил.)

You can do it: and you will do it.

(Вы можете это сделать — уввы! — вы это сделаете.)

В классическом случае двоеточие уравнивает два противоположных утверждения:

*Man proposes: God disposes*¹.

И, как верно заметил Шоу, иногда двоеточие просто готовит читателю сюрприз:

*I find fault with only three things in this story of yours, Jenkins: the beginning, the middle and the end*².

¹ Человек предполагает – Бог располагает.

² В вашем рассказе, Дженкинс, мне не нравятся только три вещи: начало, середина и конец.

Таким образом, двоеточие предваряет ту часть предложения, которая иллюстрирует, переформулирует, уточняет, опровергает, разъясняет или уравнивает предыдущую часть. Есть у него и несколько формальных вводных ролей. Оно открывает перечисление (особенно когда элементы списка разделены точкой с запятой):

*In later life, Kerry-Anne found there were three qualities she disliked in other people: Britishness; superior airs; and a feigned lack of interest in her dusting of freckles*¹.

Оно отделяет подзаголовки от заголовков:

*Berks and Wankers: a pessimist's view of language preservation*²
*Gandhi II: The Mahatma Strikes Back*³

По традиции им отделяют имя персонажа пьесы от его высказывания:

*PHILIP: Kerry-Anne! Hold still! You've got some gunk on your face!*⁴
*KERRY-ANNE: They're freckles, Philip. How many more times?*⁵

¹ В последующие годы Керри-Энн обнаружила, что в окружающих ее раздражают три вещи: англичанство, заносчивость и притворное равнодушие к россыпи ее веснушек.

² Недоумки и умники: пессимистический взгляд на сохранение языка

³ Ганди-2: Махатма наносит ответный удар

⁴ ФИЛИП: Постой, Керри-Энн! У тебя лицо чем-то выпачкано!

⁵ КЕРРИ-ЭНН: Это веснушки, Филип! Сколько раз можно говорить?

Помимо всего этого, двоеточие ставят перед началом длинной цитаты, а еще (сами видите) оно предваряет примеры в учебниках пунктуации. Очень полезная штука. Только, пожалуйста, забудьте о счете до трех!

;

А где же ставится точка с запятой? Как мы узнали в главе про запятую, точку с запятой вам (если вы не Джон Апдайк) следует ставить в основном между двумя взаимосвязанными предложениями — когда не подразумевается связка типа *and* или *but* и когда запятая неуместна:

*I loved Opal Fruits; they are now called Starburst, of course*¹.

*It was the baying of an enormous hound; it came from over there!*²

*I remember him when he couldn't write his own name on a gate; now he's Prime Minister*³.

Сторонников точки с запятой очень беспокоит современная тенденция заменять этот знак на тире; по их мнению, она приближает конец света. Может, рано паниковать? Действительно, в каждом из приведенных выше примеров точку с запятой можно заменить на тире

¹ Мне нравились леденцы «Опал Фрутс»; теперь, конечно, они называются «Старбёрст».

² Это был лай огромной собаки; он доносился вон оттуда!

³ Я помню, как он не мог написать свое имя на калитке; теперь он премьер-министр.

без особого ущерба. Тире — менее формальный знак, чем точка с запятой, что делает его привлекательнее; тире придает тексту разговорность, и, как мы увидим в следующей главе, с его помощью можно передавать очень тонкие нюансы. Однако в первую очередь тире ставят потому, что с ним не ошибешься; редкое достоинство для знака препинания. Стоит, однако, усвоить разницу между точкой с запятой и тире. В то время как точка с запятой подразумевает связь между двумя половинками предложения, тире следует использовать тогда, когда такая связь не совсем очевидна. Тире может послужить мостиком между несколькими фрагментарными высказываниями:

*I loved Opal Fruits – why did they call them Starburst? – reminds me of that joke “What did Zimbabwe used to be called? – Rhodesia. What did Iceland used to be called? – Bejam!”*¹

Так что за тире и правда нужен глаз да глаз — равно как и за многоточием, которое все чаще встречается в сообщениях электронной почты. В итоге получается такая скоропись: может, потом напишу еще... но точно не знаю... посмотрим... там будет видно... и так часами... Однако до тех пор пока на земле остаются высказывания, начинающиеся с заглавной буквы и кончающиеся точкой, на ней есть место точке с запятой. Никто не обязан

¹ Мне нравились леденцы «Опал Фрутс» — зачем их назвали «Старбёрст»? — это мне напоминает старую шутку: «Как раньше называлась Зимбабве? — Родезия. — А как раньше называлась Исландия? — Беджам!» «Беджам» — английский супермаркет, поглощенный своим конкурентом — фирмой «Айсленд» (Исландия).

ставить этот знак — его всегда можно заменить точкой. Но это только придает ему дополнительную прелесть.

*Popotakis had tried a cinema, a dance hall, baccarat, and miniature golf; now he had four ping-pong tables. He had made good money, for the smart set of Jacksonburg were always hard put to get through the rainy season; the polyglot professional class had made it their rendezvous; even attaches from the legislations and younger members of the Jackson family had come there*¹.

Ивлин Во,
«Сенсация», 1938

Точку с запятой не зря называют любезностью, которую писатель оказывает читателю. И эта любезность дорогого стоит. Точка с запятой словно говорит: «Это подсказка. Хотя части этого предложения грамматически не связаны, на самом деле они образуют единое целое. Можно было бы сделать эту связь более явной, но — вы же читатель! Почему я должна все разжевывать?» Однако автору не стоит слишком полагаться на точку с запятой, рассчитывая, что она придаст связность его неряшливо разбросанным по странице мыслям. Это будет уже не любезность, а медвежья услуга читателю. Американский писатель Пол Робинсон в очерке «Философия

¹ Попотакис устраивал у себя то кино, то танцы; баккара сменилась минигольфом, теперь настал черед настольного тенниса — целых четыре стола. Все это приносило доход, потому что в дождливый сезон джексобургскому бомонду больше негде было скоротать досуг. Здесь было излюбленное место общения разноплеменных интеллектуалов, сюда зааживали даже иностранные атташе и юные отпрыски Джексонов.

пунктуации» (2002) отмечает, что распространение «претенциозной и гиперактивной» точки с запятой приняло характер эпидемии в научном мире, где этот знак используется для маскировки неясного изложения. «Он указывает на наличие некоторой связи между двумя фразами, но *избавляет автора от необходимости уточнять характер этой связи*». Кстати, хотя курсив здесь мой, чувствуется, что Робинсон на грани срыва. «Я так возненавидел точку с запятой, — объясняет он вполне серьезно, — что, пользуясь этим знаком, всякий раз ощущаю, что иду на сделку с совестью».

В одном случае точка с запятой бывает незаменима: когда запятые вступают в драку, она берет на себя полицейские функции. Из этой книги вы наверняка вынесете по меньшей мере одну истину: в мире пунктуации не соскучишься. Только что точка с запятой любезно соединяла разрозненные фразы (раздражая этим господина Робинсона); глядь — она уже призывает к порядку компанию перессорившихся запятых.

*Fares were offered to Corfu, the Greek island, Morocco, Elba, in the Mediterranean, and Paris. Margaret thought about it. She had been to Elba once and had found it dull, to Morocco, and found it too colourful*¹.

¹ Билеты предложили на греческий остров Корфу, в Марокко, на средиземноморский остров Эльбу и в Париж. Маргарет все тщательно взвесила. На Эльбе она была — там скучно. В Марокко тоже — там слишком пестро.

При таких обстоятельствах у добропорядочной точки с запятой нет иного выхода, кроме как вмешаться и навести порядок:

Fares were offered to Corfu, the Greek island; Morocco; Elba, in the Mediterranean; and Paris. Margaret thought about it. She had been to Elba once and had found it dull; to Morocco, and found it too colourful.

Так гораздо понятнее. За что спасибо полицейскому — точке с запятой. Однако такое подавление бунта запятых чревато двумя опасностями. Во-первых, задумав последовательность разъяснительных точек с запятой, автор, увы, может по забывчивости или рассеянности перейти на запятые. Во-вторых, слабохарактерный автор, увлекшись, забывает о том, что точкой с запятой можно соединять только полные предложения. Иной раз — до сих пор я никому в этом не признавалась — я позволяла своему тексту уподобиться потоку сознания; нечто в стиле Вирджинии Вулф; неполные предложения; и чувствовала себя прекрасно; что огорчительно.

Осталось кратко упомянуть о последнем способе применения точки с запятой. Как мы видели в главе про запятую, нельзя писать: *He woke up in his own bed, however, he felt fine*. Слова-связки типа *however, nevertheless, also, consequently* и *hence* требуют точки с запятой. Честно сказать, мне это кажется совершенно очевидным. Как бы я не отрицала все эти старомодные «сосчитай до двух», здесь точно нужно перевести дыхание. Читая *He woke up in his own bed, and he felt fine*, вы не задерживаете дыхание перед словом *and*. Вы несетесь на всех парах. А вот при

чтении фразы *He woke up in his own bed; nevertheless, he was OK* вдох получается автоматически.

;

Нет ничего удивительного в том, что писателей интересует пунктуация. Говорят, что последние слова одного известного писателя XX века были: «Нужно было реже ставить точку с запятой». Несмотря на долгие поиски, я так и не выяснила, кто это сказал, но верю, что так и было. Если же окажется, что никто еще не успел этого сказать на смертном одре, я приберегу эту фразу для себя.

Главное, что нужно помнить о нашей системе пунктуации, — она очень стесняет в средствах. Писателям, пестующим свой индивидуальный стиль, приходится выжимать максимум возможного из жалкой горстки знаков препинания. Понятно, что они впадают в отчаяние, когда их заставляют отказаться от выбранного варианта в угоду правилам того или иного издательства. Вы пишете *apple tree*¹, а выясняется, что здесь принято писать *apple-tree*. Вам обидно. Вам это кажется извращением. И от такого не гарантирован никто. Я слышала, что когда рассказ Салмана Рушди «Свободное радио» (из сборника «Восток-Запад», 1994) был впервые опубликован в «Атлантик мансли», журнал без согласования с автором расставил знаки препинания в его намеренно бессвязном повествовании, вообразив, вероятно, что

¹ яблоня

Рушди будет счастлив, если кто-то возьмет на себя этот труд (поручаем же мы посторонним уборку квартиры). Николсон Бейкер в очерке по истории пунктуации в книге «Размеры мыслей» (1996) рассказывает о битве, разгоревшейся между ним и корректором по поводу того, заменять ли слово *pantyhose*¹ на *panty hose*. Кстати, Бейкер выступает за возврат к сложным знакам препинания, таким как запятая и тире (,—), точка с запятой и тире (;—), двоеточие и тире (:—); а в книге «Комнатная температура» (1990) он так поэтично размышляет о форме запятой («она похожа на педаль рояля, личинку комара, ноздрю, виток элементарной частицы, нос гондолы...»), что... одним словом, вы ничего подобного не слышали.

Посмотрите, как пунктуация меняет смысл в следующем примере:

*Tom locked himself in the shed. England lost to Argentina*².

В таком виде эти два утверждения могут быть совершенно не связаны между собой. Вам просто сообщают, что в прошлом произошли такие события.

Tom locked himself in the shed; England lost to Argentina.

¹ колготки

² Том заперся в гараже. Англия проиграла Аргентине.

На основании точки с запятой можно сделать вывод, что произошли они одновременно, хотя, возможно, Том заперся в гараже от отчаяния, не в силах больше смотреть этот матч, и до сих пор не знает счета. Появление точки с запятой наводит на мысль, что эти два события (Том забился в гараж, а Англия проиграла Аргентине) кого-то сильно задели за живое. «Мам, день был жуткий: Том заперся в гараже, Англия проиграла Аргентине, а кролик перегрыз кабель стиральной машины, и его убило током».

Tom locked himself in the shed: England lost to Argentina.

Вот теперь все ясно. Том заперся в гараже, потому что Англия проиграла Аргентине. А что еще ему оставалось?

Печально, что люди больше не учатся применению точки с запятой и двоеточия. Ведь, помимо всего прочего, в нашу эру клавиатур *QWERTY*¹ мизинец правой руки, лишенный своей традиционной функции, может попросту атрофироваться. Однако главную причину указал Джозеф Робертсон в 1785 году в своем эссе о пунктуации: «Искусство пунктуации оказывает огромное влияние на письмо, ибо улучшает ясность, а следовательно, и красоту любого сочинения». В этом прогнившем мире нельзя недооценивать ясность и красоту сочинения. Конечно, двоеточие и точку с запятой можно назвать «виньетками», но эти виньетки придают языку то изящество, без которого он бы пропал.

¹ Самая популярная раскладка латинской клавиатуры.

ЗНАКИ ОТЛИЧИЯ

В 1885 году Чехов написал рассказ «Восклицательный знак». В этой пародии на святочные истории коллежский секретарь Перекладин проводит рождественскую ночь без сна: накануне в гостях его обидели, усомнившись, что он умеет грамотно расставлять знаки препинания. Понимаю, пока звучит не слишком увлекательно, но не спешите перелистывать страницу: Чехов есть Чехов, с ним не соскучишься. На вечеринке уязвленный Перекладин настаивает на том, что он — хотя университетов и не кончал — за сорок лет практики прекрасно освоил расстановку знаков препинания. Однако спать он ложится расстроенный, и его одолевают видения. В это знаменательное Рождество его, точно Скруджа¹, посещает вереница призраков, преподнося незабываемый урок.

Что за призраки? Да знаки препинания. Рассказ-то о пунктуации. Сначала Перекладин с воздуха атакует стая разъяренных запятых. Коллежский секретарь рассказывает известные ему правила постановки запятых, и они улетают. Потом появляются точки, двоеточия, точки с запятой, вопросительные знаки. Герой и с ними успешно справляется. Но тут вопросительный знак разгибается, выпрямляется, и Перекладин понимает, что поставлен в тупик. За сорок лет у него ни разу не возникло необходимости в восклицательном знаке! Он понятия не

¹ Герой «Рождественских сказок» Чарльза Диккенса.

имеет, для чего этот знак нужен. Вывод для читателя очевиден: Перекладин никогда не испытывал эмоциональных потрясений — ничего связанного с восторгом, негодованием, радостью, гневом и прочими чувствами, которые призван выражать восклицательный знак.

Все эти привидения не могут сравниться с сиротливо притулившимся у камелька костылем Малютки Тима¹, но Перекладину от этого не легче.

...бедному чиноше было холодно, неуютно, точно он заболел тифом. Знак восклицательный стоял уже не в закрытых глазах, а перед ним, в комнате, около женина туалета и насмешливо мигал ему...

А. П. Чехов, «Восклицательный знак»

Что было делать бедному Перекладину? Когда на Рождество он нанимает извозчика, ему чудится, что вместо извозчика подкатил восклицательный знак. Дальше — больше: приехав с визитом в дом начальника, он видит восклицательный знак на месте швейцара. Пора положить этому конец. Расписываясь в книге посетителей, Перекладин неожиданно находит выход. Он пишет свое имя: «Коллежский секретарь Ефим Перекладин» — и вызывающе добавляет три восклицательных знака: «!!!»

И, ставя эти три знака, он восторгался, негодовал, радовался, кипел гневом.

— На тебе! На тебе! — бормотал он, надавливая на перо.

¹ Одно из привидений, преследовавших Скруджа.

И видение восклицательного знака исчезает.

Трудно вспомнить время, когда мы не умели ставить знаки препинания. Можно вспомнить, как учился читать или писать, — но не тот миг, когда узнал, что значок «!» меняет настрой предложения. К счастью, нас учат этому в том нежном возрасте, когда мы еще не задаем неудобных вопросов, потому что отличие *I can't believe it*¹ от *I can't believe it!* объясняется каким-то загадочным соглашением, в которое нужно просто поверить. Из истории моих отношений с восклицательным знаком помню только его отсутствие на клавиатуре машинки, на которой я училась печатать в начале 1970-х. Приходилось ставить точку, потом возвращаться назад и громоздить поверх точки апостроф — господин Ремингтон² сдерживал эмоциональность пунктуации. Впрочем, возня с возвратом каретки и сменой регистра заставляла еще больше радоваться зазорной букашке, эффектно восседающей на странице.

Эта глава посвящена пунктуации эмоциональной, привлекающей внимание; пунктуации, которая выпендривается; пунктуации, которая не может удержаться от возгласов. Примерами ее служат восклицательный знак, тире и курсив.

Конечно, этими знаками порой злоупотребляют; конечно, их осудила Гертруда Стайн (странная женщина). И все же мне хочется напомнить в их защиту, что наша система пунктуации и так весьма скудна, поэтому не стоит усугублять положение, отмечая половину имею-

¹ Я не могу в это поверить.

² Распространенная марка пишущих машинок.

щихся возможностей. Не будем забывать о Перекладине, пережившем благодаря восклицательному знаку катарсис, а также о французском писателе XIX века Викторе Гюго, который, желая узнать, как продаются «Отверженные», якобы телеграфировал своему издателю простой запрос: «?» — и получил энергичный ответ: «!»

’

Восклицательный знак известен всем (хотя в Америке он называется не *exclamation mark*, а *exclamation point*). Он ставится в конце предложения, требует безоговорочного подчинения, и не заметить его невозможно. Газетчики называют его *screamer* (вопилка), *gasper* (удивлялка), *startler* (пугалка) и даже — прошу прощения — *dog's cock* (собачий член). Вот он! А вот еще один! Этот знак — письменный аналог взрывов хохота за кадром (Фрэнсис Скотт Фицджеральд, мастер шумных розыгрышей, говорил, что ставить восклицательный знак — все равно что смеяться собственной шутке); и смею вас уверить, что обиднее, чем удаленный редактором восклицательный знак, может быть только восклицательный знак, редактором вставленный.

Как мы видим, вопреки усилиям производителей пишущих машинок восклицательный знак уцелел. Введенный печатниками-гуманистами в XV веке, до середины XVII века он был известен как «знак восхищения», а в изданной в 1680 году книге, щедро озаглавленной «Трактат о точках, знаках и паузах, а также о пометках,

используемых при письме и печати, которые очень важно знать и уметь правильно использовать», ему был посвящен такой стишок:

Сей знак поставлен в ознаменованье
Того, чем наше вызвано вниманье,
И потому зовется «восклицанье»¹.

Грамматисты всегда советовали держать с восклицательным знаком ухо остро: даже когда его пытаются приглушить скобками (!), он все равно кричит, мигает неоновыми огнями и подпрыгивает. В семействе знаков препинания, где точка выступает в роли папы, запятая — мамы, а точка с запятой тихонько играет на пианино, перекрещивая руки, восклицательный знак — это старший брат, егоза и непоседа, который постоянно все ломает и слишком громко смеется. Его принято использовать в следующих случаях:

1) в произвольных восклицаниях:

*Phew! Lord love a duck!*²

2) при обращениях и просьбах:

*O mistress mine! Where are you roaming?*³

3) в (восхищенных) возгласах:

*How many goodly creatures are there here!*⁴

¹ Пер. Е. Канищевой.

² Тьфу ты, черт возьми!

³ Где ты, милая, блуждаешь? (Уильям Шекспир, «Двенадцатая ночь», пер. М. Лозинского.)

⁴ Какое множество прекрасных лиц! (Уильям Шекспир, «Буря», пер. М. Донского.)

4) для усиления драматизма:

*That's not the Northern Lights, that's Manderley!*¹

5) для придания выразительности обычной фразе:

*I could really do with some Opal Fruits!*²

6) чтобы устранить возможное непонимание иронии:

*I don't mean it!*³

Сама я использую восклицательный знак для обращения в электронной переписке, когда мне кажется, что *Dear Jane* звучит слишком формально. Тогда я пишу *Jane!* — хотя начинаю подозревать, что это не всегда годится. Думаю, восклицательный знак надо ставить только в самых крайних случаях, когда точно знаешь, что без него никак. Г. У. Фаулер сказал: «Избыточное употребление восклицательных знаков свидетельствует о неопытности пишущего или о том, что он хочет искусственно придать оттенок сенсационности чему-то рутинному». С другой стороны, иногда просто рука не поднимается убрать восклицательный знак. Ведь он такой безобидный и такой трогательный!

¹ Это не северное сияние, это горит Мандерли! (Реплика из романа Дафны Дюморье «Ребекка».)

² Я бы не отказалась от «Опал фрутс»!

³ Я шучу!

,

Хотя вопросительный знак со своим элегантным профилем морского конька занимает на странице в два раза больше места, чем восклицательный, он вызывает гораздо меньше раздражения. Что бы мы без него делали? Как и восклицательный знак, вопросительный — это производное точки, ограничитель, и ставится только в конце предложения. Появившись во второй половине VIII века под названием *punctus interrogativus*, он напоминал молнию, бьющую справа налево. Название *question mark* (честно сказать, скучноватое) распространилось во второй половине XIX века, но так и не стало общепринятым. Журналист, диктующий свой текст, назовет его *query*; а вот в этом отрывке (раз уж мы заговорили о диктовке) из «После семидесяти» П. Г. Вудхауза использовано еще одно замечательное название — *mark of interrogation*:

Просто не могу себе представить, как можно сочинять рассказ устно, уставившись на унылую секретаршу с блокнотом. А ведь многие авторы преспокойно говорят: «Вы готовы, мисс Спелвин? Диктую. Кавычки открываются Нет запятая сэр Джаспер Мергитройд запятая тире сказала нет лучше напишите прошипела Эванджелин запятая тире я бы не вышла за вас замуж запятая даже если бы вы были последним человеком на земле кавычки закрываются точка Кавычки открываются Так вопрос не стоит запятая тире ответил сэр Джаспер

без всякого смущения запятая подкручивая усы точка тире Ведь я далеко не последний человек кавычки закрываются точка Так тянулся этот длинный день точка. Конец главы.

Если бы мне пришлось это делать, я бы все время чувствовал, что секретарша, записывая мои слова, говорит про себя: «Ох запятая как меня это достало восклицательный знак Как умудрился этот тип остаться на свободе запятая когда миллион сумасшедших домов просто плачет по нему большой знак недоумения».

Вопросительный знак употребляется при прямом вопросе:

*What is the capital of Belgium?*¹

*Have you been there?*²

*Did you find the people very strange?*³

Если вопрос заключен в кавычки, вопросительный знак тоже нужен:

*“Did you try the moules and chips?” he asked*⁴.

Однако при косвенном вопросе обходятся без него:

*What was the point of all this sudden interest in Brussels, he wondered*⁵.

¹ Как называется столица Бельгии?

² Вы там были?

³ Тамошние жители не показались вам странными?

⁴ «Вы пробовали мидии с картофелем фри?» — спросил он.

⁵ Откуда вдруг такой интерес к Брюсселю, недоумевал он.

*I asked if she had something in particular against the Belgian national character*¹.

Сейчас люди все чаще по неграмотности добавляют вопросительные знаки к косвенным вопросам. Это удручает, но легко объяснимо: виновата знаменитая восходящая интонация, которую за последние двадцать лет подхватили все подростки, посмотревшие сериала «Соседи»². Раньше в конце каждого предложения добавляли «понимаете?» или «вы поняли, что я имею в виду?»; теперь словами себя не утруждают — для экономии времени обходятся вопросительными знаками. Все превращается в вопросы? Я имею в виду утверждения? Это начинает раздражать? Зато вопросительные знаки не выходят из употребления, значит, не все так плохо?

Кстати, выбрать ориентацию этого знака было не просто. В традиционном написании — с изгибом вправо — он похож на ухо, обращенное к предыдущему высказыванию. Это кажется довольно естественным, но, может быть, все дело в привычке. А в прошлом с этим много экспериментировали. В XVI веке печатник Генри Денем выдвинул замысловатое предложение: заканчивать риторический вопрос (в отличие от прямого) знаком, вывернутым наизнанку; но затея не прижилась. Вообразите несчастных растерянных печатников, которые бормочут себе под нос: «Риторический вопрос? Что такое риторический вопрос? Этот вопрос — риторический?» А вот Академия наук Испании в 1754 году

¹ Я спросил, что она имеет против бельгийского национального характера.

² Австралийский телесериал, не теряющий популярности с 1985 года.

утвердила довольно неожиданную и живописную идею: дополнять вопросительные и восклицательные знаки в конце предложения такими же, только перевернутыми, в начале:

*¡Lord, love a duck!
¿Doesn't Spanish look different from everything else
now we've done this?*¹

И это неплохая система. Говорят, Билл Гейтс лично заверил испанскую Академию, что не позволит перевернутому вопросительному знаку исчезнуть из текстовых редакторов компании «Майкрософт». У миллионов испаноговорящих, наверное, камень с души свалился, хотя для Гейтса это была всего лишь пустячная любезность. В иврите вопросительный знак выглядит точно так же, как у нас, хотя, рассуждая логически, его следовало бы перевернуть, раз уж слова пишутся справа налево. Помните профессора Хиггинса из «Моей прекрасной леди»²: «Арабы учат свой язык без всякого труда, евреи — задом наперед, и тоже не беда»? Так что в иврите мы сталкиваемся с некоторой графической аномалией: наш вопросительный знак выглядит там повернутым задом наперед.

Гертруда Стайн, как и следовало ожидать, вопросительный знак недолюбливала. Похоже, с ней самой было что-то не так, вам не кажется? Во всяком случае, Стайн заявляла, что вопросительный знак — самый неинтересный из всех:

¹ Правда, теперь испанские тексты ни с чем не спутаешь?

² Мюзикл по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион».

Когда вы задаете вопрос, очевидно, что вы его задаете; и каждый, кто умеет читать, всегда узнает вопрос... Я никогда не могла заставить себя ставить вопросительные знаки; они казались мне отвратительными. Сейчас их вообще мало кто использует.

Интересно, что Стайн уже в 1935 году (именно тогда она писала свои заметки) считала, что вопросительный знак доживает свой век. Мы, с детства усвоившие культуру вопросительного знака, приходим в ужас, видя прямой вопрос без него — например, название фильма *Who Framed Roger Rabbit*¹. Из-за таких неприкаемых вопросов я то и дело ощущаю себя старорежимной классной дамой, ожидающей, когда ребенок вспомнит о хороших манерах. «И? — так и тянет меня спросить. — И что?» В окне той благотворительной организации по-прежнему висит плакат: *Can you spare any old records*. Только теперь уже не рукописный, а типографский. И по-прежнему сводит меня с ума. А между тем, как пишет Кингсли Эмис в «Классическом английском», многие начинают со слов наподобие «Будет ли мне позволено воспользоваться гостеприимством вашего раздела», а потом, увлекшись замысловатым продолжением, забывают, что формулировали вопрос, и ставят в конце точку.

Такой образ действий не только заставляет заинтересованного читателя (буде таковой найдется) вернуться к началу, чтобы удостовериться, что автор действительно намеревался задать вопрос, но и наводит на неприятное и, возможно, верное предпо-

¹ «Кто подставил кролика Роджера».

ложение, что автор считает вопросы такого рода пустой формальностью, ненужной вежливостью по отношению к редактору.

Кстати, какая изящная ремарка: «буде таковой найдется»!

’

Из всех типографских обозначений, не имеющих конкретного значения, больше всего озадачивает курсив. Непонятно, *в чем тут соль*. Однако с XV века — а именно тогда был изобретен курсив — стало привычным, что некоторые слова таким образом выделяются из окружающего контекста и отличаются от других. Ни один из рассмотренных в этой главе знаков не связан с грамматикой. Все они призваны символически отображать музыку устной речи: постановку вопроса «?» и получение ответа «!» Функции курсива вопросов не вызывают. Когда вы в последний раз ломали голову: почему этот текст так перекошило? Всем известно, что курсив используется при печати вместо подчеркивания и применяется для выделения следующих фрагментов:

- 1) названий книг, газет, альбомов, фильмов, таких как злополучный *Who Framed Roger Rabbit*;
- 2) определенных важных слов;
- 3) иностранных слов и выражений;
- 4) примеров в текстах о языке.

Мы даже смирились с нелепой инверсией, когда *во фразе, целиком написанной курсивом*, ключевые слова *выделяются прямым шрифтом*. Некоторые британские газеты, в частности, «Гардиан», отказались от курсивного выделения названий, что, на мой взгляд, заметно усложняет жизнь читателю, не давая взамен никаких преимуществ. Однако в качестве средства выразительности курсив, как и восклицательный знак, лучше применять экономно: во-первых, прибегая к курсиву, автор расписывается в своем стилистическом бессилии; во-вторых, взглянув на текст, содержащий курсив, читатель произвольно пробегает глазами выделенный фрагмент, вместо того чтобы читать как положено — с верхнего левого угла. В опубликованной в 1983 году в «Обсервере» рецензии на роман Айрис Мёрдок «Ученик философа» Мартин Эмис критиковал рассказчика «N», который раздражал его по целому ряду причин. В частности, Эмис объяснял, чем чревато для писателя злоупотребление курсивом:

Помимо слабости к кавычкам, «N» испытывает слабость к многоточиям, тире, восклицательным знакам и курсиву — в особенности к курсиву. На каждой странице у него полдюжины перекошенных слов — явный признак стилистической беспомощности. Если читать только выделенное курсивом и пропускать все остальное, можно получить рваную, сюрреалистичную (и куда более короткую) версию книги. Получится примерно так:

глубокий, важный, ужасный, отвратительный, тошнотворный, мерзкий, порочный, обвинять,

тайна, заговор, пойти в кино, пойти на прогулку, совершенно другое дело, совершенно новый путь, стать историком, стать философом, никогда больше не петь, Стелла, ревнивый, счастливый, негодяй, полный кретин, Бог, Христос, безумный, сумасшедший...

Мартин Эмис,
из сборника «Война с клише», 2001

Форменное издевательство. Зато саму книгу теперь можно и не читать — большое облегчение, судя по всему.

’

Когда Эмис-сын¹ возмущается переизбытком кавычек в «Ученике философа», он не имеет в виду те, которыми отмечают настоящие цитаты. Утонченные писатели иногда используют перевернутые запятые (кавычки) как своего рода резиновые перчатки, позволяющие брезгливо дистанцироваться от избитых фраз или клише, употреблять которые им не позволяет изысканное воспитание. Пресловутый «N» у Айрис Мёрдок явно не может заставить себя сказать *keep in touch*², не поместив это выражение из гигиенических соображений внутрь одинарных кавычек, и нет никаких сомнений, что и в разговоре он подчеркивает свою иронию жестом, изображающим кавычки. В газетах подобные кавычки иногда

¹ Мартин Эмис — сын писателя Кингсли Эмиса.

² Пока!

называют «пугалками». Их используют в заголовках типа: *BRITAIN BUYS 'WRONG' VACCINE*¹, *ROBERT MAXWELL 'DEAD'*², или *DEAD MAN 'EATEN' IN GRUESOME CAT HORROR*³. Такие перевернутые запятые (чаще одинарные, чем двойные) воспринимаются читателями как знак того, что у истории есть авторитетный источник, на который можно бы и сослаться, но газета не решается взять на себя ответственность. Очевидно, что такая уловка не дает никакой юридической защиты: обвинить кого-то в том, что он «лжет», — все равно что заявить, что он лжет. И все мы знаем, что эти ужасные кошки действительно съели мертвеца, иначе никто не стал бы затрагивать эту тему. Интересно, как это соотносится с рекламой *'PIZZAS'* в супермаркетах? Привычка к газетным заголовкам наводит на мысль, что «пицца» в одинарных кавычках теоретически может, конечно, означать пиццу, но гарантий никто не давал, так что если это окажется картон, посыпанный сыром, нельзя будет сказать, что вас не предупредили.

Пользоваться кавычками у нас вообще не умеют. В каталоге написано, что ломтерезка для ананасов работает, как «часы». Почему? Почему не написать просто, что она работает как часы? Мне кажется, тут кроется серьезная логическая проблема — непонимание сути письменной речи. Найджел Холл, преподаватель педагогики из университета города Манчестера, исследующий, как дети учатся ставить знаки препинания, рассказал мне о

¹ «Британия покупает “неправильную” вакцину».

² «Роберт Максвелл “умер”».

³ «Кошмарное происшествие: кошки “съели” мертвеца».

мальчишке, который испещрял свои работы кавычками, даже если там не было никакой прямой речи. Почему он так делал? «Потому что это все я говорю», — объяснял ребенок, и я понимаю, что спорить с такой логикой трудно. Мне кажется, что именно ею руководствуются люди, которые выставляют в витринах таблички *'NOW OPEN SUNDAYS'*¹ или *'THANK YOU FOR NOT SMOKING'*². Им кажется, что раз они делают такое объявление, его нужно заключить в кавычки — *ведь это они говорят*.

Современные правила употребления кавычек просты и удобны, но путь к ним был долог, и он еще не пройден до конца, так что успокаиваться рано. В Англии до начала XVIII века кавычки использовались лишь для выделения афоризмов. Затем в 1714 году кому-то пришла в голову идея отмечать ими прямую речь, и к моменту первого издания «Истории Тома Джонса, найденныша» Генри Филдинга в 1749 году уже было принято заключать прямую речь в перевернутые запятые, а также отмечать диалог такими запятыми на левом поле.

*Here the Book dropt from her Hand,
and a Shower of Tears ran down into her
Bosom. In this Situation she had continued
a Minute, when the Door opened, and in
came Lord Fellamar. Sophia started from
her Chair at his Entrance ; and his Lord-
ship advancing forwards, and making a*

¹ Теперь мы работаем и в воскресенье.

² Спасибо, что вы не курите.

*low Bow said, 'I am afraid, Miss Western, I break in upon you abruptly.' 'Indeed, my Lord,' says she, 'I must own myself a little surprized at this unexpected Visit.' 'If this Visit be unexpected, Madam,' answered Lord Fellamar, 'my Eyes must have been very faithless Interpreters of my Heart ...'*¹

С XVIII века употребление кавычек стандартизировалось, но лишь до некоторых пределов. Читателям с ранних лет приходится привыкнуть к мысли, что вопрос «Двойные или одинарные?» применим не только к кроватям и кофе. И двойные, и одинарные кавычки мы встречаем каждый день, признаем те и другие и стараемся не думать об этом. Я приучена обозначать двойными кавычками прямую речь, а одинарными — цитату внутри цитаты, и огорчаюсь, когда вижу, что кто-то поступает наоборот. Между *“out of sorts”*² (цитата) и *'out of sorts'* (фразеологизм) есть разница. Когда в обоих случаях ставят одинарные кавычки, эта разница теряется. А учитывая, что бедный апостроф и сам по себе вызывает пута-

¹ Книга выпала у нее из рук, и слезы градом покатались на грудь. В этом положении она оставалась несколько минут, как вдруг дверь отворилась и вошел лорд Феллармар. Софья вскочила со стула при его появлении, а лорд, подойдя ближе, сказал с низким поклоном:

– Боюсь, мисс Вестерн, я вторгаюсь к вам довольно бесцеремонно.

– Да, милорд, должна сознаться, я несколько удивлена вашим неожиданным посещением.

– Если мое посещение неожиданно, сударыня, – отвечал лорд Феллармар, – значит, мои глаза плохо выражали мои чувства...

² не в себе

ницу, фраза, начинающаяся с одинарной кавычки и содержащая через три-четыре слова апостроф, совершенно сбивает с толку, потому что апостроф автоматически воспринимается как закрывающая кавычка:

*'I was at St Thomas' Hospital,' she said*¹.

Не надо забывать и о пропасти, разделяющей наши и американские правила. Американцы пользуются только двойными кавычками; кроме того, их грамматисты полагают, что если предложение заканчивается фразой в кавычках, то знак, завершающий это предложение, всегда должен быть внутри кавычек, даже если в этом нет видимого смысла.

*Sophia asked Lord Fellamar if he was “out of his senses”*². (Британский вариант.)

Sophia asked Lord Fellamar if he was “out of his senses.” (Американский вариант.)

Поскольку знаки препинания при прямой речи часто вызывают затруднения, то вот несколько основных правил.

Если автор слов указан в конце, прямая речь завершается запятой, размещенной внутри кавычек:

*“You are out of your senses, Lord Fellamar,” gasped Sophia*³.

¹ «Я была в больнице Святого Фомы», – сказала она.

² Софья спросила лорда Фелламара, не сошел ли он с ума.

³ «Вы сошли с ума, лорд Феллармар», – выдохнула Софья.

Если автор указан сначала, прямая речь завершается точкой, размещенной внутри кавычек:

*Lord Fellamar replied, "Love has so totally deprived me of reason that I am scarce accountable for my actions."*¹

Если прямая речь дана без указания автора, точка ставится внутри кавычек:

*"Upon my word, my Lord, I neither understand your words nor your behaviour."*²

Если цитируется только часть высказывания, знак препинания выносится за пределы кавычек:

*Sophia recognised in Lord Fellamar the "effects of frenzy", and tried to break away*³.

Если прямая речь представляет собой вопрос или восклицание, заключительный знак препинания размещается внутри кавычек:

*"Am I really to conceive your Lordship to be out of his senses?" cried Sophia*⁴. *"Unhand me, sir!" she demanded*⁵.

¹ «Любовь совершенно отняла у меня рассудок, и я почти не соображаю, что делаю», – ответил лорд Фелламар.

² «Честное слово, милорд, я не понимаю ни ваших слов, ни вашего поведения».

³ Софья увидела в лорде Фелламаре «следствия безумства» и попыталась вырваться.

⁴ «Вы, видно, с ума сошли, ваша светлость?» – вскричала Софья.

⁵ «Отпустите меня, сэр!» – потребовала она.

Однако если вопрос задается не участником диалога, а автором текста, логика требует, чтобы вопросительный знак размещался вне кавычек:

*Why didn't Sophia see at once that his lordship doted on her "to the highest degree of distraction"?*¹

Если прямая речь — законченное высказывание, в конце которого нужна точка (или другой заключительный знак) и которое находится в конце предложения, то знак, размещаемый внутри кавычек, выполняет обе функции:

*Then fetching a deep sigh [...] he ran on for some minutes in a strain which would be little more pleasing to the reader than it was to the lady; and at last concluded with a declaration, "That if he was master of the world, he would lay it at her feet."*²

Основной принцип прост и ясен: если знак препинания относится к цитируемым словам, он ставится внутри кавычек, если относится ко всему предложению в целом — вне. Если, конечно, дело не происходит в Америке.

¹ Почему Софья не поняла сразу, что его сиятельство влюблен в нее «до потери чувств»?

² Тут, испустив глубокий вздох, он... несколько минут говорил в стиле, который доставит читателю столь же мало удовольствия, сколь он доставил его Софье; окончил лорд заявлением, что, будь он властелином мира, он поверг бы его к ее ногам.

До сих пор в этой главе рассматривались знаки препинания, которые побуждают читателя мысленно усилить звучание слова:

Hello!
Hello?
Hello
“Hello”

Однако любой выпускник актерской школы скажет вам, что понижение голоса производит не меньший эффект, чем повышение. Поэты и писатели тоже знают это — вот откуда берутся тире и скобки. Эти знаки якобы понижают громкость и сглаживают интонацию, но при умелом использовании могут подчеркнуть мысль лучше, чем полторы страницы курсива. Вот несколько примеров художественного использования тире:

*He learned the arts of riding, fencing, gunnery,
And how to scale a fortress – or a nunnery*¹.

Байрон,
«Дон Жуан», 1818–1820

¹ Жуан, как подобает, изучил
Езду верхом, стрельбу и фехтование,
Чтоб ловко проникать – святая цель –
И в женский монастырь, и в цитадель. (Пер. Т. Гнедич.)

*Let love therefore be what it will, – my uncle Toby fell
into it*¹.

Лоренс Стерн,
«Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»,
1760–1767

*Because I could not stop for Death –
He kindly stopped for me –
The Carriage held but just Ourselves –
And Immortality*².

Эмили Дикинсон,
«Ее бы я не стала ждать», 1863

В наше время тире считают врагом грамматики. Отчасти потому, что в большинстве сообщений, посылаемых по электронной почте или мобильному телефону, текст отрывист и неструктурирован, так что тире успешно заменяет в них все остальные знаки препинания. *I saw Jim – he looked gr8 – have you seen him – what time is the thing 2morrow – C U there*³. Почему тире *à la mode*⁴? Наверно, потому что его легко использовать; потому что его трудно использовать неправильно; но еще и потому, что его трудно не заметить. В современных шрифтах точки и

¹ Итак, пусть любовь будет чем ей угодно, – дядя Тоби влюбился. (Пер. А. Франковского.)

² Ее бы я не стала ждать –
Но Смерть – меня ждала –
Мы вместе сели в Экипаж –
Я, Вечность и Она. (Пер. А. Гришина.)

³ Я видел Джима – он в порядке – ты его видел – завтра во сколько – увидимся там.

⁴ в моде (франц.)

запятые бывают очень мелкими, зато симпатичная горизонтальная черточка сразу бросается в глаза. Но как на клавиатурах старых пишущих машинок персоной нон грата был восклицательный знак, так в наши дни порой приходится тщетно искать тире. Долгие годы я со своей клавиатурой *Apple* не решалась отображать поток сознания, считая, что придется самой мастерить квазитире из парочки дефисов. Когда неделю назад я узнала, что могу напечатать настоящее тире, нажав одновременно на дефис и на «Alt», у меня был настоящий праздник. Хотя в наши дни различие между смелым размашистым тире и его младшим братцем дефисом совершенно стерлось и нуждается в объяснении. Тире, как правило, призвано соединять (или разделять) фразы и предложения, а озорной малыш дефис (используемый в таких выражениях, как *quasi-dashes*¹, *double-taps*² и *stream-of-consciousness*³) соединяет (или разделяет) лишь отдельные слова.

Верно ли, что тире по сути своей несерьезны? Конечно, их избыток свидетельствует об экзальтированности и бьющей через край глупости, как видно на примере мисс Бейтс из «Эммы» Джейн Остин:

How do you do? How do you all do? – Quite well, I am much obliged to you. Never better. – Don't I hear another carriage? – Who can this be? – very likely the worthy Coles. – Upon my word, this is charming to be

¹ квазитире

² двойной удар (по клавишам)

³ поток сознания

*standing about among such friends! And such a noble fire! – I am quite roasted*¹.

Но тире вовсе не всегда говорит о недомыслии. Это слово (*dash*) имеет тот же корень, что и глагол (*to dash*), происходящий от среднеанглийского глагола *dasshen* — «ударять, бросать, разбивать». Суть в том, что одиночное тире создает резкий водораздел, позволяющий передать юмор, снизить пафос, усилить контраст. «Сейчас что-то будет», — заговорщицки шепчет (а если вам повезет, то и подмигивает) одиночное тире. Большим мастером драматического тире был Байрон:

*A little still she strove, and much repented,
And whispering "I will ne'er consent" – consented*².

Запятая здесь попросту не справилась бы, особенно учитывая ритм, который гонит вперед. Правда, про Эмили Дикинсон говорят, что в пристрастии к тире, точно в зеркале, отразилась суть ее мыслительного процесса, полного внезапных скачков и озарений; может, конечно, и так, а может, какой-то садист выдрал из ее пишущей машинки клавиши с остальными знаками препинания.

Парные тире — совсем другая история. Они играют ту же роль, что и круглые скобки, и тут важно решить,

¹ Как вы поживаете? Как вы все поживаете? Я — спасибо, хорошо. Лучше не бывает. Я слышу звук кареты? Кто бы это мог быть? Наверное, достопочтенный Коулз. Честное слово, как приятно быть в кругу друзей! И такой жаркий огонь! Я почти поджарилась!

² Она вздохнула, вспыхнула, смутилась,

Шепнула: «Ни за что!» — и... согласилась! (Пер. Т. Гнедич.)

когда лучше поставить скобки, а когда — тире. Разница может быть весьма незначительной, но сравните следующие два предложения:

*He was (I still can't believe this!) trying to climb in the window*¹.

He was – I still can't believe this! – trying to climb in the window.

Можно ли сказать, что один вариант лучше другого? При чтении вслух различие незаметно. Но при зрительном восприятии, на мой взгляд, скобки наполовину уничтожают вводную ремарку, наполовину подавляют ее, в то время как тире приветствуют ее с распростертыми объятьями.

Скобки различаются по виду, функциям и названиям:

- 1) круглые (мы их называем *brackets*, а американцы — *parentheses*);
- 2) квадратные [мы их называем *square brackets*, а американцы — просто *brackets*];
- 3) фигурные {они имеют вот такую форму и пришли из математики};
- 4) угловые <используются в палеографии, лингвистике и других специальных областях>.

Раньше всех появились угловые, но в XVI веке Эразм Роттердамский придумал круглым скобкам особое очарование, назвав «луночками» (*lunulae*) в честь их лунообразной формы. Слово *bracket* — одно из немногих английских слов в области пунктуации, которое не пришло

¹ Он пытался (до сих пор не могу в это поверить!) забраться в окно.

ни из греческого, ни из латыни. Оно образовано от того же германского корня, что и *brace* или *breeches*, и изначально означало (в глубине души вы об этом знаете) кронштейн, который держит книжные полки! Легко представить себе, что скобки слегка приподнимают часть предложения над остальным текстом. Однако читателю важно, чтобы эта приподнятая часть не была слишком длинной, потому что всякая открытая скобка вызывает естественное беспокойство, которое не рассеивается до тех пор, пока не появляется ее закрывающая напарница. Как поэтично заметил Оливер Уэнделл Холмс, «при встрече со скобками всякий раз приходится спешиваться, а потом снова оседлывать мысль». Писатели, помещающие в скобки пространные пассажи, даже не догадываются, какие экзистенциальные страдания это причиняет. Когда скобка открывается в середине левой страницы, а закрывающей скобки не видно даже на горизонте, чувствуешь себя как на спектакле по пьесе Жана-Поля Сартра.

Однако во многих случаях применение круглых скобок вполне оправдано. Во-первых, они служат для добавления информации, уточнения, пояснения и иллюстрации:

*Tom Jones (1749) was considered such a lewd book that, when two earthquakes occurred in London in 1750, Fielding's book was blamed for them*¹.

¹ «Историю Тома Джонса, найденыша» (1749) сочли настолько непристойным сочинением, что когда в Лондоне в 1750 году произошли два землетрясения, их причиной объявили книгу Филдинга.

*Starburst (formerly known as Opal Fruits) are available in all corner shops*¹.

*Robert Maxwell wasn't dead yet (he was still suing people)*².

Кроме того, круглые скобки прекрасно подходят для всевозможных авторских ремарок:

*The exclamation mark is sometimes called (really!) a dog's cock*³.

*Tom Jones was blamed for some earthquakes (isn't that interesting?)*⁴.

У квадратных скобок совсем другое амплуа. Они позволяют редактору пояснить цитируемое высказывание, не меняя его:

*She had used it [Tom Jones] for quite a number of examples now*⁵.

В исходном тексте сказано просто *it*, но редактору необходимо расшифровать фразу, поэтому он добавляет информацию в квадратных скобках. Можно и вовсе заменить *it*:

¹ Леденцы «Старбёрст» (которые раньше назывались «Опал Фрутс») продаются на каждом углу.

² Роберт Максвелл тогда еще был жив (и по-прежнему сутяжничал).

³ Восклицательный знак иногда называют (честное слово!) собачьим членом.

⁴ «Тома Джонса» считали причиной землетрясений (кто бы мог подумать?).

⁵ Она привела уже много примеров из этой книги [«Тома Джонса»].

*She had used [Tom Jones] for far too many examples by this stage*¹.

Часто в квадратные скобки помещают слово *sic* (от латинского *sicut*, означающего «именно так»), чтобы указать на бросающуюся в глаза ошибку. Обычно *sic* означает, что встретившаяся перед этим ошибка (или кажущаяся ошибка) сделана цитируемым автором или оратором, а цитирующий — лишь аккуратный пересказчик и сам никогда не ошибается:

*She asked for "a packet of Starbust [sic]"*².

Особенно любят *sic* рецензенты книг. При этом они испытывают настоящее наслаждение: не трудитесь указывать мне на эту очевидную ошибку — я сам ее заметил. Однако наблюдаются два вида *sic*:

1. На самом деле никакой ошибки нет, но поверхностному читателю она несомненно почудится.

*I am grateful to Mrs Bollock [sic] for the following examples*³.

2. Вот это да! Какая грубая ошибка! Но с моей стороны было бы нечестно ее поправить.

*"Please send a copy of The Time's [sic]," he wrote*⁴.

¹ Она привела уже чересчур много примеров [из «Тома Джонса»].

² Она попросила пакетик «Старбёста» [sic].

³ Я благодарен госпоже Боллок [sic] за следующие примеры.

⁴ «Пожалуйста, пришлите мне экземпляр *The Time's* [sic]», — написал он.

А еще в квадратные скобки иногда заключают многоточие, заменяющее пропущенные слова. Например, так:

*But a more lucky circumstance happened to poor Sophia: another noise broke forth, which almost drowned her cries [...] the door flew open, and in came Squire Western, with his parson, and a set of myrmidons at his heels*¹.

;

Недавно мне рассказали о человеке, который пишет диссертацию по многоточию. Должна признаться, это привело меня в ужас. Многоточие — черная дыра пунктуационной вселенной, в которую ни один здравомыслящий человек не даст добровольно засосать себя на три года без гарантии получения впоследствии работы. Будем надеяться, однако, что эта диссертация прольет свет на происхождение многоточия: говорят, впервые оно встретилось в театральной версии «Ист Линн» госпожи Генри Вуд: *Dead ... and never called me mother!*² В газетах многоточие иногда используют вместо тире...³ что изрядно раздражает... поскольку случаев, когда многоточие

¹ Но счастливый случай выручил Софию: в ту же минуту раздался другой голос, почти заглушивший ее вопль... двери распахнулись, и в комнату вошел сквайр Вестерн в сопровождении священника и целого отряда мирмидонян.

² Умер... так и не назвав меня матерью!

³ Следует обратить внимание на различия в расстановке пробелов при употреблении многоточия в русском и английском языках.

необходимо, очень мало, и их легко запомнить. Многоточие:

1) указывает на пропуск слов... в цитируемом фрагменте;

2) заканчивая фразу, придает ей интригующую многозначительность...

Именно так и нужно заканчивать — интригующе-многозначительно. Если учесть, какой мощный эротический заряд заключен в традиционном многоточии в конце главы (*He swept her into his arms. She was powerless to resist. All she knew was, she loved him ...*¹), то понятно, что роль простого заменителя тире унижает многоточие. Пожалуй, лучше всего об этом знаке сказал Питер Кук в своем скетче «Пит и Дад», прозвучавшем в 1966 году на Би-би-си-2 в передаче «Не только, но и». (Мне помнилось, что само название этой передачи содержало многоточие: *Not Only ... But Also*, но в современных ссылках многоточие отсутствует. Похоже, в наши дни ни на что уже нельзя положиться.) Так или иначе, размышления Питера Кука о важности многоточия — такой же замечательный философский эпизод, как и спор критиков Муна и Бердбута из «Настоящего инспектора Хаунда» Тома Стоппарда о том, можно ли начинать пьесу с паузы. Пит рассказывает Даду, как в «Городе как Элис» Невила Шюта загорелый летчик подходит к стоящей на взлетной полосе женщине, чьи «пышные формы» под тонким поплиновым платьем подчеркнул сначала про-

¹ Он заключил ее в объятия. У нее не было сил сопротивляться. Она знала одно: она любит его...

ливной дождь, а потом мощный поток воздуха от пропеллеров:

ДАД: А дальше?

ПИТ: Ну, загорелый летчик подходит к ней, и они уходят вдаль, и глава кончается тремя точками.

ДАД: А что значат эти точки, Пит?

ПИТ: У Шюта они могут значить что угодно.

ДАД: Например, что они трахаются?

ПИТ: Когда Шют ставит три точки, это значит: «Растолкайте свое воображение. Придумайте сами, что там было дальше». (Пауза.) Когда я вижу три точки, у меня внутри все замирает.

Полезный малыш

В старом нью-йоркском справочнике издательства «Оксфорд юниверсити пресс» была высказана одна из самых глубоких мыслей по поводу пунктуации: «Относиться к дефисам серьезно — верный способ сойти с ума». И это правда. Только посмотрите: этот маленький вредитель умудрился вырваться из всех введенных мною категорий, так что пришлось-таки загнать его в какую-то приставную главку-ловушку. Дефис — известный проказник. Люди годами сражались за его отмену: Вудро Вильсон утверждал, что дефис — самая неамериканская вещь в мире (заметим, что самому Вильсону понадобился для этого дефис: *un-American*); Черчилль считал дефис «позорищем, которого нужно всемерно избегать». Однако отказ от дефисов чреват серьезными трудностями: одно дело *extra-marital sex*¹ (с дефисом), и совсем другое — *extra marital sex*². Подобных плачущих по дефису выражений полным-полно. Излюбленные примеры — *the little used car*³, *the superfluous hair remover*⁴, *the pickled herring merchant*⁵, *the slow moving traffic*⁶ и *the two hundred odd*

¹ внебрачный секс

² дополнительный секс в браке

³ *the little used car* — маленькая подержанная машина; ср. *the little-used car* — «малоподержанная» машина

⁴ *the superfluous hair remover* — ненужное средство для удаления волос; ср. *the superfluous-hair remover* — средство для удаления ненужных волос

⁵ *the pickled herring merchant* — наклюкавшийся продавец селедки; ср. *the pickled-herring merchant* — продавец соленой селедки

⁶ *the slow-moving traffic* — медленно движущийся транспорт; ср. *the slow moving traffic* — движущийся транспорт с ограниченной скоростью

*members of the Conservative Party*¹; все они остро нуждаются в дефисе.

Название этого знака имеет, как водится, греческие корни. Сколько же у этих греков слов для описания пространственных взаимоотношений — для заворачивания, подкладывания, совмещения, отрезания! Нам просто повезло, иначе знаки препинания пришлось бы называть «соединитель», «полтире» и так далее. В данном случае выражение, от которого образовано слово *hyphen* (дефис), означает «под кем-то», или «в ком-то», или «вместе». Так что дефис, похоже, куда более сексуален, чем можно предположить по его будничному облику. С его помощью для большей ясности соединяют слова (или присоединяют к ним приставки); а некоторым словам он — с той же целью — не дает слипнуться. Благодаря скромному дефису торговец соленой сельдью (*pickled-herring merchant*) может жить с гордо поднятой головой, а фалда (*coat-tail*) не выглядит единым неудобочитаемым словом.

Разумеется, судьба дефиса тесно связана с общеязыковой переменной курса, о которой мы поговорим в следующей главе. Речь идет о неожиданном и весьма опасном возврате к *scriptio continua* античных времен, когда слова просто склеивались в единый монолит без начальных заглавных букв и без всяких знаков препинания. У такого возврата есть и положительная сторона: если книги продолжатся еще хотя бы лет двадцать, молодые читатели смогут без труда читать Джеймса Джойса, поскольку без-

¹ *the two hundred odd members of the Conservative Party* – двести чокнутых членов консервативной партии; ср. *the two-hundred-odd members of the Conservative Party* – двести с лишним членов консервативной партии

дефисные поэтические слияния наподобие *snotgreen* или *scrotumtightening*¹ будут восприниматься совершенно обыденно. Адреса электронной почты и реклама в Интернете (*GENTSROLEXWATCH!*²) исподволь приучают нас к подобным словечкам, поэтому приглашение на мероприятие Би-би-си, названное *soundstart*³, я восприняла не моргнув глазом. Когда-то мы мучались вопросами: «В одно слово? В два? Через дефис?» Сейчас третий вариант стремительно исчезает. Я слышала, что в наше время обладатели двойных фамилий просто не могут передать нужную информацию по телефону, потому что на другом конце провода слишком редко оказывается человек, знакомый с дефисами. И бедолаги получают кредитные карточки с надписью *Anthony Armstrong, Jones* или *Anthony Armstrong Jones*, а то и *Anthony Armstrong Hyphen*.

Так как же правильно ставить дефисы, пока нас не поглотил кошмарный мир, где принято писать *Hellohowareyouwhatisthisspacebarthingforanyidea*⁴? У дефисов есть множество законных способов применения:

1. Они защищают от клеветы торговцев сельдью, никогда не бравших капли в рот. Многие слова, такие как *co-respondent*, *re-formed*, *re-mark*, требуют дефиса во избежание двусмысленности. Заново созданная (*re-formed*) рок-группа отличается от

¹ *Snotgreen* и *scrotumtightening* – слова, изобретенные Джеймсом Джойсом для характеристики моря в «Улиссе».

² Искаж. от *GENTS' ROLEX WATCH!* – «Мужские часы “Ролекс”!»

³ Программа по продвижению новых актеров на радио.

⁴ Искаж. от *Hello! How are you? What is this space bar thing for? Any idea?* – Привет, как дела? Не знаешь, для чего эта клавиша пробела?

реформированной (*reformed*). Давнишний (*long-standing*) друг мало похож на стоящего долгоязого (*long standing*). Поперечный разрез (*cross-section*) общества — совсем не то, что его рассерженный слой (*cross section*). И таких примеров тьма. Однако, как я недавно имела случай убедиться, даже тщательная расстановка дефисов не всегда помогает. В опубликованной в «Дейли телеграф» статье о современной пунктуации я сослалась на газетный справочник по стилю (*newspaper style-book*), аккуратно проставив дефис, чтобы точно донести смысл до читателей (я не была уверена, что все из них слышали о таких справочниках). И что бы вы думали? Пришло две жалобы! В них ехидно отмечалось, что я неправильно поставила дефис. Поскольку никаких *newspaper style-book* нет в природе, я, видимо, имела в виду *newspaper-style book*. Пользуюсь случаем, чтобы заявить: большего оскорбления я еще не слышала. «Что такое книга газетного типа? — возопила я. — Покажите мне эту книгу газетного типа, если она вам попадется!» До сих пор не могу прийти в себя.

2. Дефис по-прежнему используется для записи числительных типа *thirty-two*¹ и *forty-nine*².
3. Он нужен для соединения двух существительных, например *London-Brighton train*³, или двух прила-

¹ тридцать два

² сорок девять

³ поезд Лондон – Брайтон

гательных: *American-French relations*¹. Печатники для этой цели используют короткое тире.

4. Еще существует правило — хотя теперь оно уже не так строго соблюдается — о том, что если именная группа, например *stainless steel*², характеризует существительное, то она объединяется дефисом — *stainless-steel kitchen*³. Таким образом, *corrugated iron*⁴ пишется без дефиса, а *corrugated-iron roof*⁵ — с дефисом. У матча есть вторая половина (*second half*), и с ней связано особое напряжение (*second-half excitement*). «История Тома Джонса, найденыша» была написана в XVIII веке (*18th century*) и поэтому называется романом восемнадцатого века (*18th-century novel*). Поезд, отходящий в семь часов (*seven o'clock*), — это семичасовой поезд (*seven-o'clock train*).
5. Дефис принято использовать для присоединения некоторых приставок: *un-American*, *anti-Apartheid*, *pro-hyphens*, *quasi-grammatical*.
6. Если какое-то слово нужно передать по буквам, эти буквы принято разделять дефисами: K-E-Y-N-S-H-A-M.
7. В сугубо прагматических целях дефис используют для устранения неприятного лингвистического явления, которое называется «стечением букв».

¹ американо-французские отношения

² нержавеющей сталь

³ кухня из нержавеющей стали

⁴ гофрированное железо

⁵ крыша из гофрированного железа

Иной раз очень хочется составить сложное слово, но некоторые сочетания бывают ужасны, например *deice* (*de-ice*¹) или *shelllike* (*shell-like*²).

8. Конечно, в первую очередь дефис применяют, чтобы показать, что слово еще не кончилось и продолжается на следующей строке. В наше время многие разделяют слова для переноса самым чудовищным образом, но, к счастью, здесь можно в это не углубляться. Замечу лишь, что это было бы жутко трудоемко (кстати, переносить нужно *pains-taking*³, а не *pain-staking*).
9. Дефисами отражают на письме нерешительность и заикание: *I reached for the w-w-w-watering can*⁴.
10. Если впереди — выражение, содержащее дефисы, а вы хотите заранее уточнить его, нужно писать так: *He was a two- or three-year-old*⁵.

Даже когда знаешь все эти правила, невозможно отделаться от мысли, что дефису пора на покой. Еще в 1930 году в «Справочнике Фаулера по современному английскому языку» рекомендовалось по мере возможности опускать дефис, а в Оксфордском словаре английского языка 2003 года издания высказано предположение, что дефис скоро исчезнет. Американцы со все большим энтузиазмом склеивают слова, зато у британ-

¹ удалять лед

² раковинообразный

³ *painstaking* – трудоемкий, кропотливый

⁴ Я потянулся за б-б-бидоном.

⁵ Ему было два-три года.

цев под влиянием царящего в мире разброда появляются совершенно безумные дефисные конструкции — в частности, дефисы проникают в сердцевину фразовых глаголов. *Time to top-up that pension*¹ — говорится в объявлении. Необразованные спортивные репортеры сообщают нам, что игра *kicked-off*² в три часа, и никто им слова поперек не скажет. На книжном сайте «Таймс» я прочла, что *Joan Smith rounds-up the latest crime fiction*³. А если писателю нравятся дефисы и он может найти им применение? Николсон Бейкер в книге «Размеры мыслей» пишет о том, что ему довелось пережить, когда корректор — из самых благих побуждений — удалил из рукописи его книги около двух сотен невинных шалунишек-дефисов. По его словам, американские корректоры совершенно перестали разбираться, какие сложные слова требуют дефиса, а какие — нет. В описанном случае ему пришлось столько раз писать на полях *stet hyphen* (оставить дефис), что в конце концов он сократил эту надпись до *SH*.

Возвращение дефисов в этой рукописи довело меня до иступления. Я вернул *re-enter* (взамен *reenter*), *post-doc* (взамен *postdoc*), *foot-pedal* (взамен *foot pedal*), *second-hand* (взамен *secondhand*), *twist-tie* (взамен *twist tie*) и *pleasure-nubbins* (взамен *pleasure nubbins*).

Над значением слова *pleasure-nubbins* лучше, наверное, не задумываться; впрочем, Бейкер имеет полное

¹ Искаж. от *Time to top up that pension* – Пора увеличить пенсию.

² Искаж. от *kicked off* – началась.

³ Искаж. от *Joan Smith rounds up the latest crime fiction* – Джоан Смит делает обзор новейших детективов.

право хоть целыми днями вставлять дефисы в свои *pleasure-nubbins*, если ему это нравится.

Короче говоря, в сфере употребления дефиса царит полная неразбериха, и похоже, дело только ухудшается. Если учесть, что еще пятьдесят лет назад писали *Oxford-street* вместо *Oxford Street*¹ и *to-morrow* вместо *tomorrow*², нам остается только молиться о свете в конце туннеля. Интересно отметить, что, по мнению Кингсли Эмиса, пуристы, протестующие против дефиса в выражении *fine tooth-comb*³, совершенно неправы, полагая, что следует писать *fine-tooth comb*. Говорят, когда-то действительно существовала расческа, называвшаяся *tooth-comb*, и можно было купить разные ее модели, с зубцами разной частоты. Не правда ли, приятно узнать об этом? Век жи-ви — век учись.

¹ Оксфорд-стрит (название улицы)

² завтра

³ частый гребень

Чисто условные знаки

Передо мной лежит первое издание книги Эрика Партриджа «Прямо в точку» — я взяла ее в библиотеке Лондонского университета. В этой книге на тридцать третьей странице есть замечание на полях, сделанное много лет назад неким читателем. Замечание на полях? Да, и я неоднократно возвращалась к нему, потому что оно задевает за живое. В этом месте Партридж как раз собирается растолковать семнадцатый случай использования запятой («Запятые в распространенных сложных предложениях») и объясняет, что в данном случае сформулировать правила трудно. «Я ведь хочу помочь, а не обременять вас жесткими ограничениями, — объясняет он. — Изучая приведенные ниже примеры и размышляя над ними, любой человек со средними умственными способностями без труда усвоит эти не поддающиеся формулировке правила». На это неизвестный читатель старомодным почерком замечает на полях: «Чушь! Ты просто ленивая свинья, Партридж!»

Эта чернильная вспышка негодования вспомнилась мне сейчас по двум причинам. Во-первых, если уж Эрика Партриджа обвиняют в поверхностности, то можно представить, что ожидает меня. А во-вторых, этому ядовитому замечанию вполне может быть лет пятьдесят, как и самой книге «Прямо в точку». И тут есть о чем задуматься. Будущее книг — тема для серьезного разговора, который здесь, возможно, неуместен. Мы ежедневно слышим, что книга умерла и что даже малолетний тупица способен найти все, что нужно, в Интернете. И все же

рискну вставить словечко. Из предыдущих глав должно быть ясно, что наша система пунктуации была выработана печатниками в эру печати и для ее выживания необходима печать, потому что в основе пунктуации лежат определенные договоренности между печатниками. Эти договоренности складывались медленно из-за свойственного печати консерватизма, и они остаются в силе, пока читателей учат ценить нюансы печатной страницы. Славная эра печати длится более полутысячи лет, и это явно пошло на пользу пунктуации. А роковая новость для пунктуации состоит в том, что в ближайшую пятницу в полшестого вечера печать дает прощальный банкет.

«Это все из-за электронной почты и SMS», — слышу я всякий раз, когда речь заходит об упадке пунктуации. И возразить тут нечего: влияние электронной эры на язык очевидно для всех, хотя процесс только начался и его последствия пока непредсказуемы.

— По мылу я пишу совсем иначе, — говорят многие с таким блаженным изумлением на лице, словно только что побывали у инопланетян. — Да, по мылу все не так, особенно знаки препинания. Кажется, что можно всюду ставить тире. И еще это: точка-точка-точка!

— Многоточие, — поправляю я.

— Просто невозможно удержаться, — продолжают они. — Как будто я вообще никогда не слышал о точке с запятой. Точка-точка-точка! И все так делают!

Письменная речь переживает бурное время: она приспособляется к самому быстрому, универсальному и демократическому средству передачи письменной информации всех времен и народов. Однако некоторые за ней не поспевают, и с этим приходится мириться. Позд-

но требовать от Хайнца добавления знаков препинания к спагетти «Алфавит» в надежде, что все обойдется.

Поскольку мы были воспитаны как читатели печатного слова (а возможно, и писатели замечаний на полях книг), многие процессы, связанные с традиционным чтением, кажутся нам само собой разумеющимися. Поэтому давайте кое-что уточним. Печатное слово подается нам линейно, и основным средством передачи смысла слов, стоящих в определенном порядке, служит синтаксис. Мы читаем наедине с собой, мысленно слыша голос писателя и переводя для себя его мысли. Книга статична, она остается неподвижной, а читатель путешествует по ней. Приобретая книгу, мы в первую очередь активно стремимся к пониманию. Обладая книгой, мы думаем о потомках и преемственности. Зная, что печатное слово, прежде чем попасть к нам, подвергается редактированию, набору и корректорской правке, мы относимся к нему как к авторитетному источнику. Заплатив за книгу (как это чаще всего бывает), мы ощущаем себя инвесторами и собственниками, не говоря уж о сознании собственной добродетельности.

Все эти сопутствующие чтению обстоятельства напроочь уничтожаются современными технологиями. Информация подается нам нелинейно, с помощью каскада ветвящихся связей. Интернет — это публичное пространство, которое вы посещаете или даже обживаете. Его продукция по сути своей безлична и лишена физической оболочки. Пролитывание экранных страниц — процесс, обратный чтению: глаза неподвижны, а материал скользит перед ними. Несмотря на все возможности интерактивного взаимодействия, материал из Ин-

тернета (а также с компакт-дисков и прочего) воспринимается совершенно пассивно, потому что подбор содержательных ассоциаций уже выполнен за нас. Электронные носители информации недолговечны по своей сути, открыты для постоянного пересмотра и весьма активно противодействуют ретроспективному изучению. В отличие от редактируемых печатных изданий, информация в Интернете если и подвергается какой-то обработке, то разве что сугубо технической. Она ничего не стоит, поэтому ее ценность сомнительна. И наконец, у вас нет возможности писать на полях экрана заметки, которые через полвека прочтет грядущий читатель.

И все же оснований для немедленной паники нет. Если книга и умирает, она еще долго будет радовать своих верных ценителей (и книготорговцев) чарующей лебединой песней. Однако, рассматривая окружающий нас уровень грамотности — в частности, все эти вывески типа *BOBS' MOTORS* и *ANTIQUE,S*, — нужно помнить, что книги в современном мире больше не являются основным носителем языка и что если наша судьба попала в руки варваров, то существующие культурные тенденции могут только усугубить ситуацию. Как я уже писала во введении, по трагическому стечению обстоятельств период грандиозного провала в преподавании грамматики совпал с неожиданно открывшимися возможностями неограниченного самовыражения. И теперь люди, не отличающие апостроф от апостола, приглашены делиться своими откровениями с каждым обитателем планеты, которому хватает ума щелкать кнопкой мыши. Никогда еще не были так верны слова Марка Твена, сказанные много лет назад:

Нет такого понятия — «английский язык Ее Величества». Собственность перешла в руки акционерного общества, и все мы держатели его акций!

«По экватору», 1897

’

И все-таки обидно. Чертовски обидно. Даже учитывая, что пунктуация пришла в нынешнее плачевное состояние из-за вереницы несчастных случаев, даже зная, что в отношении запятых имеется не менее семнадцати правил, часть из которых не берутся изложить ведущие грамматисты, все равно приходишь в ужас, когда видишь, что делают с пунктуацией люди, которые не отличают *who's* от *whose* и которым не помогает даже проклятая автоматическая проверка правописания. Именно ужас и заставил меня написать эту книгу. Когда я увидела вывеску *Book's* с апострофом, у меня внутри что-то оборвалось. Оборвалось на той печальной ноте, которая слышна в «Вишневом саде» Чехова. Оборвалось, как трос в стволе шахты. Я знаю, что язык развивается. Это неизбежно. Я никогда не сочувствовала рисовальщикам египетских иероглифов, отправленным на свалку истории в ходе языковых перемен. («Птичьих головы в профиль, говоришь? Ты шутишь?») Но, по-моему, нельзя без боя отдать на погибель современную систему пунктуации, которая веками верой и правдой служила письменному слову.

Никогда пунктуации не грозила столь грозная опасность. Да, Гертруда Стайн пыталась поднимать шум, но всерьез никто на пунктуацию не покушался. Футуристы начала XX века предприняли демарш, но без особых последствий. В 1913 году Ф. Т. Маринетти написал манифест под названием «Уничтожение синтаксиса. Необузданное воображение и слова на свободе», в котором требовал для слов права на свободное существование; правда, его требование слегка ослаблялось обилием знаков препинания в самом названии манифеста¹.

Под необузданным воображением [писал Маринетти] я подразумеваю абсолютную свободу образов и аналогий, их выражение с помощью освобожденных слов, не связанных узлами синтаксиса и пунктуации.

Стремление Маринетти взорвать «так называемую типографскую гармонию страницы» оказало влияние как на поэзию, так и на графическое оформление текстов. Однако в наше время он воспринимается прежде всего как фантазер, увидевший во сне *QuarkXPress*² — и проснувшийся все в той же суровой реальности накануне Первой мировой.

¹ Автор иронизирует над английским названием манифеста: *Destruction of Syntax/Imagination without Strings/Words-in-Freedom*, хотя Маринетти писал по-итальянски: *Distruzione della sintassi; L'immaginazione senza fili e le Parole in Libertà*. В русскоязычной литературе эту книгу принято называть так: «Уничтожение синтаксиса. Беспроволочное воображение и слова на свободе».

² Название одной из популярных программ компьютерной верстки.

Поэтому на одной странице мы станем использовать краски трех-четырёх цветов, а если понадобится, то и двадцать разных гарнитур. Например, курсив — для сенсационных сообщений, жирный шрифт — для эмоциональных звукоподражаний и т. п. С помощью такой революции в типографском деле и разноцветья букв я хочу умножить выразительную силу слов.

Но довольно о Маринетти. Джордж Бернард Шоу в рамках своей знаменитой кампании за реформу английского правописания предпринял усилия по уменьшению роли притяжательного апострофа. И хотя Шоу был несравненно более знаменит, чем Маринетти, в этой кампании он остался одинок. Кстати, письмо, отправленное Шоу в «Таймс» в 1945 году, позволяет судить о степени его маниакальности. В этом письме, навеянном недавним изобретением атомной бомбы, он утверждал, что поскольку вторая буква *b* в слове *bomb* не нужна (я не шучу), в мире — из-за приверженности к традиционному написанию этого слова — теряется даром огромное количество рабочих часов.

За минуту я могу нацарапать слово *bomb* 18 раз, а слово *bom* — 24 раза; таким образом, отказавшись от лишнего *b*, можно сэкономить двадцать пять процентов времени. В Британской империи, над которой никогда не заходит солнце, и в Соединенных Штатах Америки миллионы людей постоянно пишут, пишут и пишут... И все эти пишущие теряют время со скоростью $131\,400 \times x$ в год...

«Джордж Бернард Шоу о языке»,
ред. Эйбрахам Таубер, 1965

Да, старина Джордж — яркий пример того, как далеко можно зайти в увлечении языковыми проблемами.

С другой стороны, Шоу все равно пишет о языке лучше большинства. В апреле 1902-го он опубликовал в журнале «Автор» свои «Замечания о правилах издательства “Кларендон-Пресс” для наборщиков и корректоров», которые содержали не только блестящий выпад против «неуклюжих бацилл» (апострофов), так неуместно торчащих в словах типа *dont* и *shant*, но и довольно примечательный пассаж о курсиве, который, быть может, и лег в основу политики «Гардиан»:

Следует не только отказаться от курсивного выделения названий, но и отбросить безобразные перевернутые запятые, которыми их принято окружать. Позвольте привести примеры. 1. I was reading *The Merchant of Venice*¹. 2. I was reading “*The Merchant of Venice*.” 3. I was reading *The Merchant of Venice*. Тот, кто не видит, что первый вариант выглядит лучше всех и при этом вполне понятен, не должен писать и читать ничего, кроме объявлений о пропавших собаках и каталогов скобяных изделий: в литературу ему соваться незачем.

Кстати, обратите внимание: во втором примере Шоу (или его редактор) разместил точку внутри кавычек. Хотя индивидуальные мании, по-видимому, мало сказались на развитии пунктуации в XX веке (у Шоу было мало последователей, а футуристов вообще никто не помнит), ясно, что под влиянием различных культурных

¹ Я читал «Венецианского купца».

факторов пунктуация сильно преобразилась. За последние сто лет заметно изменились правила расстановки дефисов, написания заглавных букв, адресов, обращений. Сегодня мы пишем:

Andrew Franklin
Profile Books
58A Hatton Garden
London EC1N 8LX

Вернее сказать, я так пишу, потому что это мой издатель. Но главное в том, что тут вообще нет никаких знаков препинания, а всего двадцать лет назад я бы написала:

Andrew Franklin, Esq.,
Profile Books, Ltd.,
58A, Hatton Garden,
London, E.C.1

Те из нас, кого учили ставить точки после сокращений, приспособились к миру, в котором этого делать не требуется. Я не пишу теперь *pub.* или *'bus*, хотя раньше наверняка писала. Когда двадцать пять лет назад я училась журналистике, промежуточное правило относительно обращений гласило, что если сокращение титула кончается на ту же букву, что и исходное слово (*Mr* от *Mister* или *Fr* от *Father*), точки не требуется, а если титул обрезается (*Prof* от *Professor* или *M* от *Monsieur*), точку ставить нужно. Сомневаюсь, что сейчас кто-то обращает внимание на это различие. Правда, стоит отметить, что американцы сохранили множество формальных нюансов, от которых мы уже отказались. Например, они

всегда ставят двоеточие после обращения (скажем, *Dear Andrew:*), тогда как по нашу сторону Атлантики и запятая порой кажется слишком вычурной.

На протяжении нашей жизни произошли и другие серьезные изменения в правилах расстановки знаков препинания, которые нас мало волнуют. Никто не говорит: *You can find it at BBC full stop Co full stop UK*¹, верно? Даже самые консервативные из нас не возражают против проникновения в язык словечка *dot*. А главное, мало кто заметил тихую революцию в типографской расстановке пробелов. Одни пробелы убрали, другие — добавили, никто слова не сказал. Тире, которые раньше имели в разных случаях разную длину, теперь стали в целом короче, приобрели стандартный размер и обрамляются пробелами. До самого последнего времени машинисток учили ставить два, а то и три пробела после точки, однако сегодня любой текстовый редактор автоматически сократит этот промежуток до одного пробела. Раньше перед двоеточием и точкой с запятой ставили пробел, а после — два: честно сказать, это смотрелось очень элегантно, но теперь так никто не делает.

Я хочу сказать, что поскольку массовый переход от печатного слова к проклятому электронному сигналу неизбежен, мы, стойкие приверженцы пунктуации, уже не так тверды, как воображаем. Так что лучше нам сдерживать свои эмоции. Те, кому интернет-жаргон (*Netspeak*) напоминает новояз (*Newspeak*) из «1984»² (потому что составные слова без заглавных букв, наподобие

¹ Это можно найти на Би-би-си точка Ко точка Ю Кей.

² Роман-антиутопия Джорджа Оруэлла.

*thoughtcrime*¹ или *doubleplusgood*², внешне похожи на слова *chatroom*³ и *newsgroup*⁴), должны отмести прочь эти ассоциации. Ведь Интернет хорош прежде всего тем, что его никто не контролирует, его нельзя использовать как средство подавления и он безгранично широк: на его просторах встречаются даже чаты, в которых — хотите верьте, хотите нет — обсуждают вопросы пунктуации. Например, сайт под названием *halfbakery* позволяет участникам со звучными именами типа *gizmo* и *cheeselikesubstance* выдвигать предложения по поводу реформы пунктуации. Именно оттуда взята заманчивая идея об использовании тильды для обозначения множественного числа таких слов, как *bananas*. Более того, в 2001 году во время захватывающей дискуссии один из посетителей *halfbakery* предложил в риторических вопросах ставить перевернутый вопросительный знак (*¿*). Это предложение провисело там полтора года, как летучая мышь в пещере, пока участник по имени *Drifting Snowflake* неожиданно не выступил с пояснением: знак риторического вопроса (перевернутый вопросительный) «был придуман еще в XVI веке, хотя и просуществовал всего лет тридцать». Эх! Интересно, какого пола *Drifting Snowflake*, а если мужского, то женат ли? В Интернете ведь никогда не знаешь, кто есть кто.

Как назвать язык, порожденный этим новым средством связи? *Netspeak*⁵? *Weblish*⁶? Как ни назови, лингвист-

¹ мыслепреступление (из «1984») (Пер. В. Гольшева.)

² плюсплюс плюсовой (из «1984») (Пер. В. Гольшева.)

³ дискуссионная группа в Интернете (чат)

⁴ тематическая интернет-конференция

⁵ Сетез.

⁶ Вебский язык.

тов он приводит в восхищение. Найоми Бэрн назвала его «нарождающимся языковым кентавром — полуустным, полуписьменным», а Дейвид Кристал считает, что компьютер поистине порождает «третье состояние» языка. Не знаю. Помните, Трумэн Капоте много лет назад сказал о Джеке Керуаке: «Он не пишет, он печатает». Мне кажется, что нашу нынешнюю работу с этим средством немедленной доставки нельзя назвать ни писанием, ни даже печатанием: это отправка. Что вы сегодня делали? Отправила кучу ерунды. «Не забудь отправить, дорогая». Получение, отправка и арифметика — вот три базовых умения современности, пришедших на смену пресловутым трем *R (reading, writing and 'rithmetic*¹). Если раньше рабочее время тратилось на болтовню в коридорах, то теперь все занято рассылкой бородатых анекдотов по спискам из своих адресных книг. Мы посылаем картинки, видео, ссылки, нравоучения, воззвания и (конечно же!) ложные предупреждения о вирусах, за которые потом приходится извиняться. Никогда еще сообщение и средство его передачи не были связаны так тесно. При обмене личными посланиями все мы сталкиваемся с тем, что исчезает интонация, — например, невозможно понять, шутит собеседник или нет. Понятно, что с помощью кнопки «Отправить» не передать всех тонкостей и полутонов. Отсюда многочисленные тире, курсив, заглавные буквы (*I AM joking!*²). Отсюда и смайлики — величайшее (или, в зависимости от вашего к ним отношения, ужаснейшее) изобретение в области пунк-

¹ чтение, письмо и арифметика

² Шучу!

туации со времен Карла Великого, когда появился вопросительный знак.

Со смайликами вы наверняка знакомы. Самый известный из них выглядит так:

: -)

Забудьте о выборе слов и об их порядке. Нет больше нужды задумываться о том, как за счет искусной пунктуации правильно расставить акценты. Добавьте подходящий смайлик — и каждый поймет, что вы там типа хотели сказать. У поборников правильной пунктуации есть две причины возмущаться смайликами: во-первых, они лишь жалкое подспорье для не умеющих толком выразить свою мысль, а во-вторых, их создатели считают, что знаки препинания на клавиатуре так и просятся на роль украшения. Что это за парочка точек, вскарабкавшихся друг на друга? Для чего она? Если посмотреть сбоку, вроде похожа на глаза. А эта кривулька зачем? Да это же ротик! Гляди-ка, вещь!

:- (

Теперь она грустит.

; -)

А так подмигивает.

:-г

Язык высунула! И такие комбинации можно выдумывать бесконечно:

~/ путаница

<:-) болван

: - [дуется
: -0 вот это да!

Ладно, хватит. Я только что обнаружила третью причину ненавидеть смайлики. Когда они выйдут из моды (а я надеюсь, они уже вышли), знаки препинания будут ассоциироваться у будущих поколений с допотопной графической забавой, вызывая еще больше презрения. «Кому нужны эти клавиши со всякими точками, крючочками и прочими ротиками? — будут ворчать они. — В наше время никто не пользуется смайликами».

’

Что остается делать любителям запятых и апострофов? Где нам искать утешения? Для начала полезно вспомнить, что и до эпохи Интернета звучали мрачные прогнозы о судьбах языка. Тридцать лет назад нам казалось, что телевидение — смертельный враг грамотности и что письменная речь погибнет под натиском изображения и звука. Ныне хотя бы эти страхи рассеялись. Теперь, когда рассылка сообщений по мобильному телефону и электронной почте стала неотъемлемым атрибутом современности, чтение и письмо вошли в повседневную жизнь прочнее, чем когда-либо. Да, эсэмэски порой несут лишь пугающую абракадабру (*CU B4 8?*¹); и все же, когда в автобусе чей-то мобильный назойливо пищит вам в ухо (бип-бип), радуйтесь этому чуду техни-

¹ See you before 8? — Увидимся до восьми?

ки. Ведь его внезапное явление уберегло нас от напророченного будущего, где не было места чтению. Как пишет Дейвид Кристал в книге «Язык и Интернет» (2001), Интернет непрерывно поощряет игровой и творческий подход к письменному слову. «Языковые способности человечества в хорошей форме, — заключает он. — Возникновение сетевой речи характеризует нас как *homo loquens*¹ с наилучшей стороны».

Однако привычную нам пунктуацию ждут трудные времена. До появления Интернета система пунктуации была чрезвычайно консервативна и неохотно принимала новые знаки. Десятилетиями она сопротивлялась изобретенной в 1962 году нелепой новинке *interrobang* — парочке из вопросительного и восклицательного знаков, — которая пыталась втереться к нам в доверие. Предполагалось, что *interrobang* придает восклицанию *Where did you get that hat?!*² особую выразительность, но, к счастью, этот знак не прижился. Теперь, думаю, у него появились шансы, ведь сегодня все новое идет на ура. Выделять слова пытаются то звездочками (*What a *day* I've had!*³), то угловыми скобками (*So have < I >!*⁴). Да, *interrobang* непременно завоюет себе место — у него и в названии слышен взрыв, прерывающий полицейское расследование⁵. В мире современной пунктуации терминология та-

¹ человек говорящий (лат.)

² Где ты достала такую шляпку?!

³ Ну и денек у меня был!

⁴ И у меня!

⁵ interrogation+bang (допрос, взрыв)

кого рода в моде. Помните, как косую черту (/) было принято называть *stroke*¹?

— Да, сэр, вот здесь, здесь и здесь видны следы пуль. Есть, конечно, и обратные косые. А вот тут прямая косая. Схватка была жестокой. Кто-нибудь слышал *interrobang*?

— Да, женщина из соседнего дома чуть не оглохла от него. А это что?

— А-а, такие теперь редко встречаются. Это смайлик. Наклоните голову, и вы увидите, что он подмигивает.

— О господи! Вы хотите сказать...

— Это рот.

— Вы хотите сказать...

— Это нос.

— Какой ужас! Тогда это...

— Да, сэр. Сомнений нет: очередная атака Убийцы Пунктуации.

Есть ли надежда на сохранение в неизменном виде дорогой нашему сердцу пунктуации и грамматики в целом? Такая надежда периодически появляется и исчезает. В мае 1999-го Боб Хиршфельд опубликовал в «Вашингтон пост» репортаж о распространяющемся по Интернету компьютерном вирусе, «гораздо более коварном, чем недавно пронесшийся по миру черновобильский смерч». Что же делал этот вирус, получивший название «Странкенуайт» (в честь авторов классического американского учебника «Начала стилистики» — Уильяма

¹ удар

Странка и И. Б. Уайта)? Не давал отправлять по электронной почте сообщения, содержавшие грамматические ошибки. Неужто мир действительно оказался на пороге счастья? К сожалению, нет. История оказалась всего лишь страшилкой. К счастью для читателей, Хиршфельд выдумал вирус «Странкенуайт», высмеивая всеобщую готовность поверить в самую невероятную байку о вирусах. Однако при этом он нарисовал такую правдоподобную картину грядущего грамматического рая, что у всех фанатиков мира защемило сердце:

Вирус порождает подобие паники в корпоративной Америке, уже привыкшей к опечаткам, ошибкам, пропускам и нарушениям пунктуации, столь типичным для киберпространства. Глава новорожденной интернет-компании *Proigrysh.com* заявил, что вирус застал его врасплох: «Сегодня все утро при попытках отправить почту я получал сообщение об ошибке: “Придаточное предложение, предшествующее главному, должно отделяться запятой и не должно стоять перед союзом”. Я чуть ноутбук не разбил!»

...Если «Странкенуайт» сделает невозможным пользование электронной почтой, это будет означать конец коммуникационной революции, ставшей важным средством экономии времени. Обследование 1254 сотрудников офисов в Леонии (штат Нью-Йорк) показало, что электронная почта повышает производительность труда служащих на 1,8 часа в день, потому что у них уходит меньше времени на формулирование своих мыслей. (То же исследование показало, что их производительность снизилась

на 2,2 часа в день, потому что они стали рассылать массу анекдотов своим друзьям и родным.)

...«Это одна из самых сложных и вредоносных программ, с которыми нам доводилось сталкиваться. Трудно представить, каким нужно быть негодяем, чтобы покуситься на электронную почту и нанести такой ущерб обмену информацией», — заявил представитель ФБР, который настоял на телефонном разговоре, опасаясь, что отправка комментариев по электронной почте займет у него несколько часов.

Завершала рассказ Хиршфельда особенно грустная выдумка:

Тем временем на книжные лавки и интернет-магазины обрушился шквал заказов на «Начала стилистики» Странка и Уайта.

’

Зная о грандиозных переменах, происходящих в языке в наши дни, и обо всех недостатках системы пунктуации, сложившейся в эпоху печатного слова, станем ли мы сражаться за семнадцать правил расстановки запятых или за присоединительное двоеточие? Не пора ли вспомнить, что пунктуация — всего лишь набор условных обозначений, которые не имеют самостоятельной ценности? Невольно вспоминается эпизод из «Охоты на Снарка» Льюиса Кэрролла, когда Балабон демонстрирует свою пустую карту и спрашивает, как к ней относится команда:

Для чего, в самом деле, полюса, параллели,

Зоны, тропики и зодиаки?

И команда в ответ: «В жизни этого нет,

Это — чисто условные знаки»¹.

Льюис Кэрролл,
«Охота на Снарка», 1876

И все же, побывав в мире пунктуации и увидев, на что она способна, я только укрепилась во мнении, что мы должны сражаться за нее как львы и что начинать битву надо немедленно. Кому, скажите на милость, нужна пустая карта? На кону стоят не только способы чтения и письма. Вспомните, как опубликованная в «Вашингтон пост» заметка объясняла преимущества электронной почты: она «повышает производительность труда служащих на 1,8 часа в день, потому что у них уходит меньше времени на формулирование своих мыслей». Если мы дорожим столетиями культуры печатного слова, учившей нас думать, нельзя позволить языку вновь погрязнуть в болоте *scriptio continua*, из которого он отважно выкарабкался менее двух тысяч лет назад. В нашем языке масса двусмысленностей, мы привыкли выражаться сложно и витиевато, поэтично и изысканно; но все наши мысли можно изложить с абсолютной точностью, если правильно расставлять между словами все эти точки и крючочки. Правильная расстановка знаков препинания есть одновременно и признак и причина ясного мышления. Отказ от нее приведет к интеллектуальному обнищанию, уровень которого невозможно представить.

¹ Пер. Г. Кружкова.

Одно из лучших описаний пунктуации приведено Томасом Маккормаком в книге «Литературный редактор, роман и автор» (1989). Задача пунктуации, по его словам, заключается в том, чтобы «вальсируя, провести читателя по всем паузам, изменениям интонации, связкам и отсылкам, которые передает устная речь»:

Пунктуация играет для писателя ту же роль, что и анатомия для художника: нужно знать правила, чтобы по требованию искусства иметь возможность отклониться от них. Пунктуация — это средство; ее цель — помочь читателю слушать автора, следить за его мыслью.

И вот еще что. Если все эти возвышенные соображения вас не убедили, то просто запомните, что в реальном мире незнание пунктуации может иметь самые серьезные последствия. В феврале 2003 года кембриджский преподаватель политологии по имени Глен Рангвала получил экземпляр последнего доклада по Ираку, представленного правительству Великобритании. Он тут же опознал в этом тексте докторскую диссертацию американца Ибрагима аль-Мараши, написанную за двенадцать лет до того и воспроизведенную «слово в слово, с точностью до всех неправильно поставленных запятых». Ах, нет. Рангвала заметил и кое-какие изменения оригинала. Например, слова «оппозиционные группы» заменил словом «террористы». Но в остальном текст остался нетронутым. Публикуя свое открытие, Рангвала писал:

В материале Даунинг-стрит¹ были сохранены даже типографские ошибки и неправильные грамматические обороты. Например, Мараши написал: *Saddam appointed, Sabir 'Abd al-'Aziz al-Duri as head ...*²

Обратите внимание на неуместную запятую. Британские чиновники, воспользовавшиеся текстом Мараши, ее не заметили. Поэтому на стр. 13 британского досье мы видим все ту же запятую: *Saddam appointed, Sabir 'Abd al-'Aziz al-Duri as head ...*

Итак, игнорирование правил пунктуации способно не только нанести моральный урон, но и повредить политическому реноме. Когда сэр Роджер Кейсмент был «повешен на запятой», мог ли кто-то предвидеть, что девяносто лет спустя британское правительство само оскандалится из-за запятой (причем «запятой невежды»)? Но разве не приятно узнать об этом? Приятно. Еще как.

¹ Даунинг-стрит (улица в Лондоне, на которой расположено Министерство иностранных дел Великобритании и официальная резиденция премьер-министра).

² Саддам назначил Сабира Абд-аль-Азиза аль-Дури главой...

Библиография

- A Treatise of Stops, Points, or Pauses, and of notes which are used in Writing and Print*, 1680, автор неизвестен.
- Robert Allen, *Punctuation*, Oxford University Press, 2002
- Kingsley Amis, *The King's English: a guide to modern usage*, HarperCollins, 1997
- Tim Austin, *The Times Guide to English Style and Usage*, Times Books, 1999
- Nicholson Baker, "The History of Punctuation", in *The Size of Thoughts*, Chatto & Windus, 1996
- *Room Temperature*, Granta Books, 1990
- Sven Birkerts, *The Gutenberg Elegies: the fate of reading in an electronic age*, Ballantine, 1994
- Bill Bryson, *Mother Tongue: the English language*, Hamish Hamilton, 1990
- *Troublesome Words*, third edition, Viking, 2001
- R. W. Burchfield, *The New Fowler's Modern English Usage*, revised third edition, Oxford University Press, 1998
- Rene J. Cappon, *The Associated Press Guide to Punctuation*, Perseus Publishing, 2003
- G. V. Carey, *Mind the Stop: a brief guide to punctuation with a note on proof-correction*, Cambridge University Press, 1939
- *Punctuation*, Cambridge University Press, 1957
- David Crystal, *Cambridge Encyclopedia of the English Language*, Cambridge University Press, 1995

- *Language and the Internet*, Cambridge University Press, 2001
- Kay Cullen (ed.), *Chambers Guide to Punctuation*, Chambers, 1999
- H. W. Fowler, *The King's English*, Clarendon Press, Oxford University Press, 1906
- Karen Elizabeth Gordon, *The New Well-Tempered Sentence: a punctuation handbook for the innocent, the eager, and the doomed*, Houghton Mifflin, 1993
- Ernest Gowers, *Plain Words: a guide to the use of English*, HMSO, 1948
- Cecil Hartley, *Principles of Punctuation: or, The Art of Pointing*, 1818
- Philip Howard, *The State of the Language: English observed*, Hamish Hamilton, 1984
- F. T. Husband and M. F. A. Husband, *Punctuation, its Principles and Practice*, Routledge, 1905
- Ben Jonson, *English Grammar*, 1640
- Graham King, *Punctuation*, HarperCollins, 2000
- Thomas McCormack, *The Fiction Editor, the Novel, and the Novelist*, Sidgwick & Jackson, 1989
- John McDermott, *Punctuation for Now*, Macmillan, 1990
- Malcolm Parkes, *Pause and Effect: an introduction to the history of punctuation in the West*, Scolar Press, 1992
- Eric Partridge, *Usage and Abusage: a guide to good English*, Hamish Hamilton, 1947
- *You Have a Point There*, Hamish Hamilton, 1953
- Joseph Robertson, *An Essay on Punctuation*, 1785

- Paul A. Robinson, "The Philosophy of Punctuation", in *Opera, Sex, and Other Vital Matters*, Chicago University Press, 2002
- Paul Saenger, *Space between Words: the origins of silent reading*, Stanford University Press, 1997
- Reginald Skelton, *Modern English Punctuation*, Pitman, 1933
- Gertrude Stein, "Poetry and Grammar", in *Look at Me Now and Here I Am: writings and lectures 1911–45*, Peter Owen, 1967 (reissue imminent)
- William Strunk and E. B. White, *The Elements of Style*, fourth edition, Longman, 2000
- Abraham Tauber (ed.), *George Bernard Shaw on Language*, Peter Owen, 1965
- James Thurber, *The Years with Ross*, Hamish Hamilton, 1959
- James Thurber (eds. Helen Thurber and Edward Weeks), *Selected Letters of James Thurber*, Hamish Hamilton, 1982
- Loreto Todd, *Cassell's Guide to Punctuation*, Cassell & Co., 1995
- R. L. Trask, *The Penguin Guide to Punctuation*, Penguin, 1997
- William Vandyck, *Punctuation Repair Kit*, Hodder Headline, 1996
- Bill Walsh, *Lapsing into a Comma: a curmudgeon's guide to the many things that can go wrong in print – and how to avoid them*, Contemporary Books, 2000
- Keith Waterhouse, *English Our English (and How to Sing It)*, Viking, 1991
- *Sharon & Tracy & the Rest: the best of Keith Waterhouse in the Daily Mail*, Hodder & Stoughton, 1992
- *Waterhouse on Newspaper Style*, Viking, 1989

Персоналии

- Аллен (Allen) Вуди (настоящее имя – Аллен Стюарт Кенигсберг) (р. 1935), американский кинорежиссер-комедиограф, сценарист, актер, писатель, музыкант.
- Апдайк (Updike) Джон (р. 1932), американский прозаик, поэт, эссеист, литературный критик.
- Байрон (Byron) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт-романтик.
- Барри (Barrie), Джеймс Мэтью (1860–1937), английский драматург и романист.
- Бартелми (Barthelme) Доналд (1931–1989), американский писатель.
- Бейкер (Baker) Николсон (р. 1957), американский писатель.
- Беккет (Beckett) Сэмюэл (1906–1989), ирландский драматург, один из основоположников драмы абсурда. Писал на французском и английском языках. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1969 года.
- Бембо (Bembo) Пьетро (1470–1547), итальянский писатель, историк, филолог.
- Берчфилд (Burchfield) Роберт (1923–2004), английский лексикограф.
- Блейк (Blake) Уильям (1757–1827), английский поэт и художник.
- Бэррон (Baron) Найоми, современная американская лингвистка.
- Во (Waugh) Ивлин Артур Сент-Джон (1903–1966), английский писатель.
- Вордсворт (Wordsworth) Уильям (1770–1850), английский поэт.

- Вуд (Wood) Элен (миссис Генри Вуд) (1814–1887), английская писательница.
- Вудхауз (Wodehouse) Пелем Гренвил (1881–1975), английский писатель-юморист, драматург, комедиограф.
- Вулф (Woolf) Вирджиния (1882–1941), английская писательница, критик, литературовед, переводчик.
- Гауэрз (Gowers) Эрнст (1880–1966), английский государственный деятель и лингвист.
- Грант (Grant) Хью (р. 1960), английский актер.
- Грин (Greene) Грэм (1904–1991), английский писатель.
- Гюго (Hugo) Виктор Мари (1802–1805), французский писатель, поэт, романист, драматург.
- Джарвис (Jarvis) Мартин (р. 1941), английский актер.
- Джеймс (James) Генри (1843–1916), американский писатель и критик; с 70-х годов жил в Англии.
- Джойс (Joyce) Джеймс (1882–1941), ирландский писатель.
- Джонсон (Jonson) Бен (ок. 1573–1637), английский драматург, теоретик драмы, поэт.
- Джонсон (Johnson) Сэмюэл (1709–1784), английский лексикограф, эссеист, литературный критик.
- Дикинсон (Dickinson) Эмили Элизабет (1830–1886), американская поэтесса.
- Диккенс (Dickens) Чарльз (1812–1870), английский писатель.
- Дюморье (Du Maurier) Дафна (1907–1989), английская писательница.
- Каммингс (Cummings) Эдвард Эстлин (1894–1962), американский поэт и художник. Прибегал к особому типографскому рисунку

- строфы и необычной пунктуации; отказался от заглавных букв при написании имени (подписывался e. e. cummings).
- Капоте (Capote) Трумэн (1924–1984), американский писатель.
- Керуак (Kerouac) Джек (1922–1969), американский писатель.
- Китс (Keats) Джон (1795–1821), английский поэт-романтик.
- Кристал Дейвид, современный английский профессор лингвистики.
- Кук (Cook) Питер и Мур (Moore) Дадли — английские комические актеры, выступавшие с репризами.
- Кундера (Kundera) Милан (р. 1929), чешский писатель, поэт и драматург.
- Кэри (Carey) Гордон Веро (1886–1969), английский библиограф, преподаватель, писатель.
- Кэри (Carey) Питер (р. 1943), австралийский писатель, дважды лауреат Букеровской премии.
- Кэрролл (Carroll) Lewis (1832–1898) (настоящее имя — Чарльз Лютвидж Доджсон), английский писатель, математик, логик.
- Лоуренс (Lawrence) Дэвид Герберт (1885–1930), английский романист, поэт, эссеист.
- Лоуренс (Lawrence) Томас Эдвард (1888–1935), британский военный деятель, писатель и археолог, более известный на Западе как Лоуренс Аравийский.
- Маккормак (McCormack) Томас, современный американский писатель.
- Максвелл (Maxwell) Роберт (настоящее имя — Ян Лудвик Хох) (1923–1991), британский предприниматель, основатель международной империи средств массовой информации.

- Малкастер (Mulcaster) Ричард (1530–1611), английский лингвист и педагог.
- Мантел (Mantel) Хилари (р. 1952), английская писательница.
- Мануций (лат. Manutius, итал. Manuzio) Альд Старший (ок. 1450–1515), итальянский издатель и типограф, ученый-гуманист эпохи Возрождения.
- Маринетти (Marinetti) Филиппо Томмазо (1876–1944), итальянский писатель, глава и теоретик футуризма.
- Марк Твен (Mark Twain) (настоящее имя — Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс) (1835–1910), американский писатель.
- Марло (Marlowe) Кристофер (1564–1593), английский поэт и драматург.
- Менкен (Mencken) Генри Луис (1880–1956), американский критик, публицист, сатирик.
- Мёрдок (Murdoch) Айрис (1919–1999), английская писательница, философ.
- Месситер (Messiter) Иан (1920–1999), английский радиожурналист.
- Миллер (Miller) Артур (1915–2005), американский драматург и прозаик.
- Мозэм (Maugham) Уильям Сомерсет (1874–1965), английский писатель.
- Оруэлл (Orwell) Джордж (настоящее имя — Эрик Блэр) (1903–1950), английский писатель.
- Остин (Austen) Джейн (1775–1817), английская романистка, прославившаяся остроумным и проникательным изображением провинциального общества.
- Партридж (Partridge) Эрик (1894–1979), английский лексикограф.

- Пинтер (Pinter) Гарольд (р. 1930), современный английский драматург, известный, в частности, знаменитыми «пинтеровскими паузами», лауреат Нобелевской премии по литературе 2005 года.
- Пруст (Proust) Марсель (1871–1922), французский писатель.
- Ричардсон (Richardson) Ральф (1902–1983), английский актер.
- Робертсон (Robertson) Джозеф (1726–1802), английский священник и писатель.
- Робинсон (Robinson) Пол, современный американский писатель.
- Росс (Ross) Гарольд (1892–1951), американский журналист, основатель и главный редактор журнала «Нью-Йоркер».
- Рушди (Rushdie) Ахмед Салман (р. 1947), английский писатель.
- Сартр (Sartre) Жан-Поль (1905–1980), французский философ, прозаик, драматург, эссеист.
- Стайн (Stein) Гертруда (1874–1946), американская писательница.
- Стерн (Sterne) Лоренс (1713–1768), английский романист.
- Стоппард (Stoppard) Том (р. 1937), английский драматург.
- Таунсенд (Townsend) Сью (р. 1946) английская писательница.
- Тодд (Todd) Лорето — современная писательница, профессор Ольстерского университета.
- Тёрбер (Thurber) Джеймс (1894–1961), американский писатель-юморист, карикатурист.
- Томас (Thomas) Льюис (1913–1993), американский биолог и эссеист.
- Уайльд (Wilde) Оскар (1854–1900), английский драматург, поэт, прозаик, критик.

Ульман (Ullman) Трейси (р. 1959), английская и американская актриса.

Уэлдон (Weldon) Фэй (1931), английская писательница.

Фаулер (Fowler) Генри Уотсон (1858–1933), английский лексикограф.

Филдинг (Fielding) Генри (1707–1754), английский писатель.

Фицджеральд (Fitzgerald), Фрэнсис Скотт Ки (1896–1940), американский писатель.

Флобер (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель.

Форстер (Forster) Эдуард Морган (1879–1970), английский писатель.

Харрис (Harris) Рольф (р. 1930), английский художник, музыкант, актер, телеведущий.

Хартли (Hartley) Сесил, английский писатель и грамматист XIX века.

Хартстон (Hartston) Уильям (р. 1947), английский шахматист и журналист.

Хемингуэй (Hemingway) Эрнест Миллер (1899–1961), американский писатель.

Хиршфельд (Hirschfeld) Боб, современный американский сатирик.

Холл (Hall) Питер Реджиналд Фредерик (р. 1930), английский режиссер и театральный деятель.

Холмс (Holmes) Оливер Уэнделл (1809–1894), американский писатель и ученый-медик.

Чехов Антон Павлович (1860–1904), русский писатель и драматург.

Чосер (Chaucer) Джефри (ок. 1344–1400), английский поэт.

Шекспир (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург, поэт, актер.

Шоу (Shaw) Джордж Бернард (1856–1950), ирландский драматург, философ, прозаик, критик.

Шют (Shute) Невил Норуэй (1899–1960), английский писатель и инженер-авиаконструктор.

Эджуорт (Edgeworth) Мария (1767–1849), ирландская писательница.

Эко (Eco) Умберто (р. 1932), итальянский прозаик, семиотик, культуролог, эссеист.

Эмис (Amis) Кингсли (1922–1995), английский писатель.

Эмис (Amis) Мартин (р. 1949), английский прозаик и критик, сын Кингсли Эмиса.

Эйгат (Agate) Джеймс (1877–1947), английский театральный критик, прозаик, эссеист.

Эразм (Erasmus) Роттердамский Дезидерий (ок. 1466–1536), нидерландский гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель, переводчик античной классики, первый издатель Нового Завета на греческом языке, сатирик.

Содержание

Предисловие переводчика	3
Предисловие к русскому изданию	6
Благодарности	9
Введение: седьмое чувство	11
Покладистый апостроф	39
Так держать, запятая!	68
Виньетки	98
Знаки отличия	121
Полезный малыш	152
Чисто условные знаки	160
Библиография	181
Персоналии	184

Линн Трасс

Казнить нельзя помиловать

Бескомпромиссный подход
к пунктуации

Переводчик	Н. Шахова
Редактор	Е. Канищева
Компьютерная верстка	В. Колесниченко

ЛР № 066590 от 18.05.99 Государственного комитета РФ по печати.

Подписано в печать 13.02.2006 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Формат 60х90 1/16 Объем 11,75 усл. п.л.

Тираж 3 000 экз. Заказ №

ООО Р.Валент 105062, Москва, ул. Покровка, д. 38а.

Эл.почта: rvalent@online.ru, info@rvalent.ru

Адрес в Интернете: www.rvalent.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов